
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Специальный выпуск
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Специальный выпуск
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Ижевск
2016

УДК 80(082)

ББК 80я43

Я41

Редакционная коллегия :

кандидат филологических наук, доцент Л.Ф. Килина (отв. ред.)

кандидат филологических наук И.В. Фазиулина

кандидат филологических наук, доцент О.В. Зуга

кандидат филологических наук С.Р. Зайнуллина

Я41 Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск : Интегративные процессы в филологии : сборник научных статей / отв. ред. Л. Ф. Килина. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – 212 с.

ISBN 978-5-4312-0449-4

В сборнике представлены работы российских и зарубежных исследователей, принявших участие в международной научной конференции «Язык и литература в научном диалоге». Поднятые в статьях вопросы связаны с одной из актуальных проблем современной филологии – установлением диалога между лингвистикой и литературоведением, теорией и практикой.

УДК 80(082)

ББК 80я43

ISBN 978-5-4312-0449-4

© Авт. коллектив, 2016

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Безкоровайная Г.Т.</i> Английская лексема <i>gentleman</i> и русская <i>дворянин (барин)</i> в художественном тексте XIX века.....	6
<i>Верняева Р.А.</i> Субстантиваты на –о в летописном тексте (на материале Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской летописей).....	12
<i>Донецких Л.И.</i> Цветосимволы «желтый» и «голубой» в повести Ю. Нагибина «Встань и иди».....	17
<i>Дулесов Е.П.</i> Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в.....	24
<i>Зайнуллина С.Р.</i> Структурно-семантическая трансформация устойчивых единиц в летописном тексте (на примере формулы <i>бысть сеча зла</i>).....	31
<i>Килина Л.Ф., Ушакова О.Г.</i> Семантическая эволюция слов <i>благо, зло, грех</i> (на материале русских летописей).....	38
<i>Копылова Т.Р.</i> Проблема введения термина <i>вокализованная / невокализованная коммуникация</i>	46
<i>Милютина М.Г.</i> Субстантивация прилагательных в превосходной степени сравнения (на примере субстантивата <i>лучшее</i>).....	54
<i>Носов И.С.</i> Семантическое поле «убить» в древнерусских памятниках письменности.....	62
<i>Шейдаева С.Г.</i> Когнитивное словообразование и теория семантического словообразования В.М. Маркова.....	68

РУССКИЙ ЯЗЫК В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

<i>Аюпова Л.Л., Салихова Э.А.</i> Особенности функционирования русского языка в полиязычных дискурс-пространствах Республики Башкортостан.....	79
<i>Вотякова И.А.</i> Многоязычие испанской высшей школы в контексте европейской интеграции.....	86
<i>Железнова Ю.В.</i> Сопоставительный анализ национально-культурной специфики фразеологизмов с компонентом антропонимом во французском и русском языках.....	92
<i>Колосова Е.И.</i> Кросскультурный анализ соматизмов в паремиях русского и польского языков.....	98
<i>Подставска А., Пызык М.</i> Проблемы передачи коннотации при переводе польского и русского текстов.....	104

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Патрушева Л.С.</i> Система подготовки к субтестам по письму и чтению для прохождения тестирования по русскому языку на гражданство РФ.....	110
<i>Семеновская С.А.</i> Дидактический потенциал авторских неологизмов на уроках русского языка при изучении словообразования.....	115
<i>Сулимова Е.Н.</i> Инновационные подходы к подготовке учащихся к ЕГЭ.....	121
<i>Тодерика Н.Ю.</i> Использование приемов технологии критического мышления на уроках русского языка.....	128
<i>Туктангулова Е.В., Бубякина М.А.</i> Методические аспекты преподавания лексики в группах РКИ уровня В1 посредством песенного материала.....	134

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Баталов Д.В., Серова М.В.</i> Механизмы трансформации паратекста в «Поэме без героя» на примере структурно-семантической связи трёх эпиграфов.....	141
<i>Гарачёва М.И.</i> Формирование учебно-познавательной компетенции на уроках литературы.....	155
<i>Зверева Т.В.</i> Слово как элемент мироздания в «Зеркале» А. Тарковского.....	159
<i>Лаврентьев А.И.</i> Теория симулякров Ж. Бодрийяра в рассказе Дж. Сондерса «Красный бантик».....	165
<i>Мосалева Г.В.</i> «Записки галилейского трудника» В.В. Шкляева в контексте паломнической традиции.....	171
<i>Орлова Н.М.</i> «Герой спасётся...»: библейский текст в поэзии Олеси Николаевой.....	178
<i>Полянцева А.И., Серова М.В.</i> Художественная полиэтничность в русскоязычной поэзии Удмуртии.....	186
<i>Фазулина И.В.</i> Метафора взгляда в «Чеченской трилогии» Марины Ахмедовой.....	197

Предисловие

Идеи рождаются в диалоге...

М.М. Бахтин

Предлагаемый читателю специальный выпуск сборника статей «Язык и литература в научном диалоге» составлен по итогам международной конференции и посвящен актуальным вопросам современной филологии.

При резком усилении интеграционных процессов между всеми компонентами современной культуры существенно возросло значение не только взаимодействия филологии с окружающей ее средой, но и роль диалога внутри самой науки между такими подсистемами ее знания, как лингвистика и литературоведение, и видами научной деятельности – прикладной и сугубо теоретической. Именно стремление объединить усилия в поисках ответов на трудные и подчас непредвиденные вопросы и стало концептуальной основой этого выпуска.

Поиски «точек схождения» определили структуру настоящего сборника. Статьи, представленные в разделах, посвященных литературоведческому и лингвистическим исследованиям текста, при всей разности подходов объединены стремлением сформировать общефилологическое ядро знания о языковой личности.

В разделе, рассматривающем русский язык в различных видах дискурса, филология вновь следует за человеком – создателем и потребителем текстовых сообщений, что актуализирует прежде всего проблему понимания – центральную для «лингвистики общения» (Б.Ю. Городецкий).

Раздел «Русский язык в практике преподавания» аккумулирует в себе опыт реализации новой образовательной парадигмы, направленной на формирование человека не только знающего, но и умеющего реализовать свои коммуникативные потребности в различных видах деятельности.

Так на основе взаимодействия лингвистики и литературоведения возрождаются, а порой и возникают новые интегральные области исследования и обучения.

Редколлегия

Текст как объект лингвистического исследования

УДК 81.373

Г.Т. Безкоровайная

АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСЕМА *GENTLEMAN* И РУССКАЯ *ДВОРЯНИН* (*БАРИН*) В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ XIX ВЕКА

В статье рассмотрены английская лексема *gentleman* и русская *дворянин* (*барин*), относящиеся к семантическому полю (СП) *gentleness/благородство*, в художественном тексте XIX в., на примере романов Ч. Диккенса, У. Теккерея, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова. Анализируются роль, особенности и значение данных лексем в соответствующих ЯКМ. Несмотря на общность семантики, принадлежность к схожему СП, лексемы играют несхожие роли в обоих языках. Для англичан викторианской эры важен был не только статус, но и обладание определенными моральными качествами, для русской же ЯКМ лексема *дворянин* – маркер обладания богатством, роли в социальной иерархии, а ее синоним *барин* наиболее частотен в рассмотренных художественных текстах.

Ключевые слова: семантическое поле, национальная языковая картина мира, художественный текст, благородство, социальный статус, *gentleman*, *дворянин* (*барин*).

Как известно, социальная память является неотъемлемым элементом культуры, именно культура сохраняет социальный опыт человечества в понятиях и словах. Как подчеркивает С.Г. Тер-Минасова, «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое..., соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [4, с. 4]. Благодаря культуре осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению, от народа к народу, от эпохи к эпохе. Вот почему в лингвистике не ослабевает острый интерес к явлениям культуры того или иного народа, прежде всего – к отражению социально-культурных явлений в языке, поскольку успешная коммуникация невозможна без понимания взаимосвязи различных языков и культур. Знаковые, ключевые понятия, номинированные культурно-специфическими лексемами, отражены в художественных произведениях разных эпох.

В данной статье рассмотрены характерные для английской и русской языковой картины мира (ЯКМ) лексемы, обозначающие представителей благородного сословия, а также их репрезентация в романах известных писателей XIX века – И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ч. Диккенса, У. Теккерея.

Каждый языковой элемент в художественном тексте включен в семантику всего произведения, несет отпечаток эстетической и авторской позиции, при этом ключевыми оказываются те лексемы, которые «образуют специфические семантические поля. Их основа – слова с семантической многоплановостью» [2, с. 122]. Одним из таких полей является в английском языке *gentleness/nobleness* [см. 1]. Благородство и знатность в других европейских и славянских языках номинировались в течение многих столетий различными лексемами, но, в силу ряда экстралингвистических причин, не представляли собой столь важного понятия, как в Англии. Именно для мира англичан закрепление социального статуса человека, кроме всего прочего, наделяло его весьма определенным кодексом поведения и набором этических и моральных качеств, изложенных в целом ряде трактатов и исследований [6, 7, 8, 9, 10]. В России формирование поля *благородство* шло особым путем, в чем-то совпадающим с английским, но и отличным от него. В любом случае носителем благородных качеств и представителем высшей знати является человек, в художественных текстах он часто оказывается главным героем повествования, и поэтому авторы, реализуя семантику поля *gentleness/благородство*, чаще всего употребляют такие лексемы, как *gentleman* и *дворянин / барин*.

В английских романах викторианской поры – Теккерея, Диккенса – использована лексема, имеющая большое значение как для социальной, так и для морально-этической характеристики героев. Анализ показывает, что лексема *gentleman* в этих романах приобретает ключевой статус, т.к. она не просто является средством номинации благородных персонажей, уточнения сословного/социального статуса, но и напитывается их далеко не однозначными с точки зрения семантики характеристиками.

Для Чарльза Диккенса обращение к героям не только дань общепринятой формы того времени, но и четкая социальная характеристика героев. Приведем примеры из некоторых его романов:

Why didn't you tell me your little history – that about you and the poor old gentleman? [15].

There were three ladies in the room and one gentleman. Before I had been standing at the window five minutes, they somehow conveyed to me that they were all toadies and humbugs, but that each of them pretended not to know that the others were toadies and humbugs: because the admission that he or she did know it, would have made him or her out to be a toady and humbug [16].

В знаменитом романе Теккерея «Ярмарка тщеславия» часто находим использование номинации «носителя» благородства – джентльмена:

I know, for instance, an old gentleman of sixty-eight, who said to me one morning at breakfast, with a very agitated countenance, "I dreamed last night that I was flogged by Dr. Raine [17].

I know, for instance, an old gentleman of sixty-eight, who said to me one morning at breakfast, with a very agitated countenance, "I dreamed last night that I was flogged by Dr. Raine [17].

В романах английских писателей слово *gentleman* имеет и статусное значение, и этическое. Писатели поэтому часто используют игру с двойным

значением этого слова, описывают подлинных и мнимых джентльменов, джентльменов лишь по происхождению и тех, кто наделен благородным воспитанием, является носителем высоких нравственных качеств. Не случайно *gentleman* и *gentleness* имеют общий корень.

К соответствующему семантическому полю – *благородство* – в русском языке относятся лексемы *дворянин* (*барин*). Хотя дворянство в России возникает немного позже (XII в), чем джентльменство в Англии, в Своде законов Российской империи ему дано определение как сословию, принадлежность к которому «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы». Изначально, таким образом, понятие *дворянство* содержало в себе этическую категорию добродетели, связанную с заслугами перед отечеством.

Обратимся к ТСД, где эти лексемы трактуются следующим образом: *дворянин* – ...начально придворный; знатный гражданин на службе при государе, чиновник при дворе; звание это обратилось в потомственное и означает благородного по роду или по чину, принадлежащего к жалованному, высшему сословию, коему одному только предоставлено было владеть населенными именьями, людьми, родовой, коренной дворянин, которого предки, в нескольких поколениях, были дворяне... [11]. *Барин* м. бары, баре мн. барыня ж. боярин, господин, человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит... [11].

Как видим, в русском языке лексемы *дворянин* и *барин* в конце концов оказываются жестко связаны со знатностью рождения, а также с обладанием имуществом и людьми, над которыми властвуют дворянин или барин. Этический кодекс этих понятий практически не присутствует в словаре. Соответственно понятие *благородство* все меньше становится связано со статусом дворянина, хотя и не утрачивает этой связи окончательно. Однако в паре *дворянин* – *барин*, скорее, слово *барин* предполагает, помимо указания на социальный статус, определение некоей совокупности нравственных качеств, впрочем, не всегда положительных.

В русской литературе XIX века, отразившей быт, нравы, события того периода, частотность названных лексем высока. Приведем примеры из произведений И.С. Тургенева:

Николай Петрович попал в мировые посредники и трудится изо всех сил; он беспрестанно разъезжает по своему участку; произносит длинные речи (он придерживается того мнения, что мужичков надо «вразумлять», то есть частым повторением одних и тех же слов доводить их до истомы) и все-таки, говоря правду, не удовлетворяет вполне ни дворян образованных, говорящих то с шиком, то с меланхолией о манципации (произнося ан в нос), ни необразованных дворян [12].

— Что, Петр, не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко постоялого двора на *** шоссе, *барин* лет

сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах, у своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками [12].

— Не видать? — повторил **барин**.

— Не видать, — вторично отвечивал слуга [12].

В романе «Дворянское гнездо» лексема **дворянин** использована 1 раз, а **барин** — 14, например:

— Ну, сырломолотная **дворянка**, — проговорил он наконец, — здравствуй; пойдем к **барыне** [13].

Его выписал большой **барин**, который сам терпеть не мог музыки, но держал оркестр из чванства. Лемм прожил у него лет семь в качестве капельмейстера и отошел от него с пустыми руками: **барин** разорился, хотел дать ему на себя вексель, но впоследствии отказал ему и в этом, — словом, не заплатил ему ни копейки [13].

Лексема **барин** более характерна и для текстов романа И.А. Гончарова, хотя автор указывает на принадлежность Обломова к дворянству: «Обломов, **дворянин** родом, коллежский секретарь чином, безвездно живет двенадцатый год в Петербурге» [14].

Без этих капризов он как-то не чувствовал над собой **барина**; без них ничто не воскрешало молодости его, деревни, которую они покинули давно, и преданий об этом старинном доме, единственной хроники, веденной старыми слугами, няньками, мамками и передаваемой из рода в род [14].

Тарантьев делал много шума, выводил Обломова из неподвижности и скуки. Он кричал, спорил и составлял род какого-то спектакля, избавляя ленивого **барина** самого от необходимости говорить и делать [14].

Выбор отражаемого писателями отрезка реальности влияет и на выбор использованных лексем. В романах Диккенса и Теккерея мы чаще встречаемся с джентльменами, живущими в городе (а лексически это демонстрирует отдаленность лексемы *gentleman* от породившего ее слова *gentry* — т.е. из сословия сельского дворянства). Местом действия произведений Тургенева и Гончарова предстают поместья, дворянские усадьбы, героями являются помещики, владельцы имений, в романах действуют крепостные крестьяне, слуги, которыми помещики распоряжаются. Думается, поэтому слово **барин** использовано в этих текстах чаще, чем **дворянин**. К тому же это слово содержит важную семантическую коннотацию: как и английский джентльмен, русский барин не должен заниматься никаким производительным трудом, тем более — физическим.

Заметим, однако, что, в отличие от малопродуктивной в английской паремологии лексемы *gentleman*, лексема **дворянин** представлена в ряде русских паремий. Например:

Ни купец, ни дворянин, а своему дому (делу, слову) господин. На Руси дворянин, кто за многих один. Чести дворянин не кинет, хоть головушка сгинет. Не богат дворянин, да едет не один. Дворянином быть не сможет, а мужиком жить не хочется [11].

Сходство лексем **дворянин** (**барин**) и *gentleman* объясняется их общей семантикой: оба слова используются для номинации особы знатного проис-

хождения и положения в обществе. Однако в конкретных текстах раскрывается несовпадение смысловых коннотаций английского *gentleman* и русского *дворянин/барин*, а потому роль их в художественном тексте различна.

Рассмотренные нами лексемы для национальной картины мира англичан и россиян важны не в одинаковой степени: понятия *дворянин/барин* находятся сегодня на периферии семантического поля *благородство*, тогда как слово *джентльмен*, сохраняя свою английскость, приобрело более широкий, универсальный смысл, можно сказать, вошло в русскую лексику, стало частью не только *gentleness*, но и его русского аналога – *благородства*.

Когда слова используются в художественных текстах, они получают дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки, связанные с замыслами и трактовками авторов. Обладающее качеством известной всеобщности слово-понятие приобретает в художественном произведении яркую индивидуальную окраску, воплощая то сочетание особенного и неповторимого, которое содержит в себе значительный художественный образ» [5, с. 42].

Рассмотрев употребление ключевых лексем *gentleman* и *дворянин/барин* в текстах романов, можно заключить, что в этих романах представлены особенности культуры, истории и социальных отношений Британии и России XIX века. А.В. Маслова справедливо замечает, что «в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [3, с. 66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безкоровая Г. Т. Семантическое поле GENTLENESS/NOBLENESSE в английском языке и его актуализация в художественно тексте (на материале романов английских писателей XIX века): автореф. дис. .... канд. филол. наук. Самара, 2014. 21с.
2. Зноев Н. И. Семантические поля и семантическая многоплановость в "Братьях Карамазовых" // Вопросы языкознания и литературоведения. Алма-Ата, 1977.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово – Slovo, 2000. 624 с.
5. Храпченко М. Б. Размышления о системном анализе литературы // Контекст–1975. Литературно-критические исследования. М., 1977. 382 с.
6. Elyot T. The Book Named the Governor // Renaissance literature: An anthology / Ed. By Payne, Hunter J. L.: J. Wiley and son, 2003. P. 46–52.
7. Peacham H. The Compleat Gentleman. Reprint of the 1634 edition. Oxford: Clarendon Press, 1906.

8. Sitwell G. The English Gentleman // The Ancestor. I. April, 1902. 173 p.
9. Smith T. De Republica Anglorum. 1583. URL: <http://www.constitution.org/eng/repang.htm>.
10. Smyth Palmer, A. The Ideal of a Gentleman; Or, a Mirror for Gentlefolks, a Portrayal in Literature From the Earliest Times London, G. Routledge & sons, limited; New York, E. P. Dutton & Company, 1908. 664 p.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-dal.ru/> (дата обращения: 01.04.2016).
12. Тургенев И. С. Отцы и дети [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/96/index.html> (дата обращения: 01.04.2016).
13. Тургенев И. С. Дворянское гнездо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1647/index.html> (дата обращения: 01.04.2016).
14. Гончаров И. А. Обломов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/475/index.html> (дата обращения: 01.04.2016).
15. Dickens C. Great Expectations. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.
16. Dickens C. Little Dorrit. URL: <http://www.gutenberg.org/files/963/963-h/963-h.htm>.
17. Thackeray W. Vanity Fair. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm>.

G.T. Bezkorovayanaya

ENGLISH LEXEME *GENTLEMAN* AND RUSSIAN *DVORYANIN (BARIN)* IN FICTION TEXTS OF XIX CENTURY

The article concerns English lexeme *gentleman* and Russian *dvoryanin (barin)* in fiction texts of such famous writer as C. Dickens, W. Thackeray, I.S. Turgenev, I.A. Goncharov. Their peculiarities and importance for national language picture is analyzed. Despite of belonging to the same semantic field the lexemes differ in their roles on fiction texts. The Victorian period included not only social status but also some ethic and moral qualities to those nominated by gentleman. In Russian language picture *dvoryanin (barin)* is a marker of social position and *barin* is more widely used in the analyzed fiction texts.

Keywords: lexeme, semantic field, national world language picture, fiction text, gentleness, gentleman, *dvoryanin (barin)*.

Безкоровайна Галина Тиграновна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова»

E-mail: begati1@yandex.ru

Bezkorovaynaya G.T., Candidate of Philology, Associate Professor
Moscow State University of Printed Arts

E-mail: begati1@yandex.ru

УДК 811.161.1-112

Р.А. Верняева

СУБСТАНТИВАТЫ НА –О В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ, ИПАТЬЕВСКОЙ И РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ)

В работе рассмотрено функционирование субстантиватов на –о в текстах русских летописей. Проанализированы примеры употребления указанных форм. Сделаны выводы о том, что появление субстантиватов – это еще один путь грамматического развития форм после расщепления синкретичного имени. Кроме того, продемонстрировано на материале летописного текста, что граница между прилагательным, наречием, существительным и субстантиватом недостаточно отчетливая по причине еще окончательно не сформированной, но активно развивающейся частеречной системы древнерусского языка.

Ключевые слова: древнерусский язык, субстантиваты, летописи, грамматическая семантика.

1. Ранее в работах [1], [2], [3], [4] рассмотрены и проанализированы примеры разночтений с формами на –о в летописном тексте. Выявлено, что обнаруженные мены свидетельствуют о процессе активного взаимодействия форм одноосновных прилагательных, существительных и многофункциональных образований на -о, то есть слов тех грамматических групп, которые и стали базой для формирования качественных наречий с присущими им в современном русском языке семантико-грамматическими характеристиками. Доказано, что причиной появления таких мен явилось сохранение в древнерусском языке остатков синкретичного имени.

Однако наряду с описанными случаями в летописном тексте зафиксированы примеры, которые являются яркими свидетельствами существования недифференцированного имени и демонстрируют еще один путь развития частеречной системы русского языка в области определительных имен со значением качества.

2. Одним из ярких свидетельств существования в древнерусском языке нерасчлененного имени является наличие в рукописях субстантиватов.

Проблема субстантивации не раз обсуждалась в лингвистической литературе и глубоко исследована в работах А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, В. М. Маркова, Е. М. Верещагина, А. М. Селищева, В. Б. Крысько, О. В. Кукушкиной, Г. А. Николаева, В. А. Баранова [14; 16; 6; 13; 8; 11; 7; 15; 9; 12, 5].

На сегодняшний день проблема субстантивации занимает большое место в исторической морфологии. Несмотря на повышенный интерес к данной проблеме, в науке до сих пор нет единого мнения о природе и семантике субстантиватов, не решен вопрос о семантических и грамматических особенностях субстантиватов как особого лексико-грамматического разряда имени

существительного в тексте. Тем не менее мы придерживаемся мнения о том, что исходной базой для формирования субстантиватов являлось синкретичное имя.

3. В качестве субстантивата в летописях обнаружены единичные примеры употребления формы на *-o* (по морфологической форме сходной с качественным наречием).

Пример 1.

ЛЛ			ИЛ			РЛ		
ОУБНВАХУ	ДРУГЪ	Н	ОУБНВАХУ	Н	ОУБНВАХУ	ДРОУГЪ	ДРОУГЪ	ИАДОУЩЕ
ДРУГА	ИАДАХУ	ДРУГЪ	ДРУГА	ДРОУГА	ДРОУГА	ИАДОУЩЕ	ИАДОУЩЕ	ИАДОУЩЕ
БСА	НЕУНСТО	Н	ИАДУЩЕ	ВСЕ	НЕУТО	ВСЕ	НЕУТОЕ	Н
БРАКА	ОУ	ННХЪ	НЕ	Н	БРАУЕНЬА	В	ОУ	НН ^Х
БЫВАШЕ	(л. 5)		ННХЪ	НЕ	БЫША	(л. 6)		
			(л. 6 об.)					

Из контекстов видно, что в ЛЛ и ИЛ используется форма на *-o*, в РЛ – членная форма.

Конструкция **ИАДАХУ БСА НЕУНСТО** (ЛЛ) / **ИАДУЩЕ ВСЕ НЕУТО** (ИЛ) представляет интерес, во-первых, наличием вблизи формы на *-o* глагола, во-вторых, использованием местоимений ср. р. во мн. и ед. числах. Если в ЛЛ отсутствие согласования местоимения и формы на *-o* формально связывает последнюю только с глаголом, то в контексте ИЛ форма на *-o* может трактоваться и как наречие, и как прилагательное в связи с тем, что она одновременно и примыкает к глаголу, и согласуется в роде и падеже с местоимением: *ели нечисто / ели всё нечистое*¹. Контекст РЛ уникален тем, что демонстрирует иную, отличную от предыдущих, интерпретацию разночтения. Во-первых, членную форму **НЕУТОЕ** в данном примере можно понимать как форму второго винительного падежа, который представлял собой «падеж приложения к первому винительному» [10, с. 212]. Первым винительным (обозначающим в современном русском языке прямой объект), в свою очередь, в синтагме **ИАДОУЩЕ ВСЕ НЕУТОЕ** является местоимение *все*. Иначе: форма **НЕУТОЕ** обозначает нечто, совокупность чего-то, что обобщено в местоимении **все**. Соответственно, перед нами слово по форме прилагательное, а по значению – существительное. Это дает нам право утверждать, что членная форма **НЕУТОЕ** является субстантиватом. Во-вторых, образование **НЕУТОЕ** может интерпретироваться и как членная форма имени прилагательного, которое определяет местоимение **все** (согласование в роде, числе и падеже присутствует).

Таким образом, анализ указанного разночтения подтверждает, во-первых, выдвинутую и обоснованную В. М. Марковым гипотезу о первона-

¹ Материалы для словаря древнерусского языка представляют следующие значения для прилагательного *нечистый*: ‘нечистый, порочный; запрещенный въ пищу’ [МСДЯ, Т.2, с. 442].

чальной субстанциональности членных образований, во-вторых, существование в языке древнерусского и среднерусского периодов синкретичных форм, что в нашем случае подтверждается неоднозначностью интерпретации частеречной принадлежности форм *нечисто*, *нечистое*.

Пример 2. В следующих контекстах отсутствуют разночтения, но представленные примеры демонстрируют грамматическую неизменность формы в разновременных контекстах: не меняются ни синтаксические условия, ни морфологическая форма интересующего образования, ни, соответственно, частеречная принадлежность формы на *-о*:

ЛЛ			ИЛ			РЛ		
Н	покрыша	н	покрыша	землю	н	покрыша	землю	
землю	н	бѣ	н	бѣ	вндѣтн	н	бѣ	внтн
вндѣтн			страшно	(л. 84 об.)		(л. 132)		страшно
страшно	(л. 76 об.)							

Форма примыкает к глаголу. Семантическая интерпретация контекста довольно сложна. Перевод Д. С. Лихачева: *В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.* Д. С. Лихачев дал перевод в соответствии с теми «видимыми» грамматическими формами, которые представлены в контексте. Однако такой перевод передает лишь одно значение синтагмы – *было страшно видеть / смотреть*. Но нельзя исключать и иное понимание фрагмента: ‘видели нечто, внушающее страх, ужасное’². Следовательно, это может быть не только признак, но и собственно нечто предметное, вешное, некая субстанция. В связи с этим мы не исключаем наличие в данном случае субстантивата.

Таким образом, контексты показали еще один путь развития форм после расщепления синкретичного имени: появление субстантиватов. Одновременно материал летописей демонстрирует, что граница между прилагательным, наречием, существительным и субстантиватом недостаточно отчетлива по причине еще окончательно не сформированной, но активно развивающейся частеречной системы древнерусского языка.

Само наличие в текстах субстантиватов на *-о* свидетельствует об остаточном существовании в текстах древнерусского и среднерусского периодов синкретичных форм.

Список источников и сокращений

1. ИЛ – Ипатьевская летопись перв. пол. (сер.?) XV в. (БАН, 16.4.4) [Электронный ресурс] // Портал «Манускрипт: Славянское письменное

² См. значения для *страшно / страшныи* в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского: ‘съ трепетом, съ покорностью; внушающий страхъ, ужасный; наполняющий страхомъ, тперетомъ; сильный; жестокий; изумительный’ [МСДЯ, Т. 3, с. 548].

наследие». Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080, требуется регистрация.

2. ЛЛ – Лаврентьевская летопись 1377 г. (РНБ, Ф.п.IV.2) [Электронный ресурс] // Портал «Манускрипт: Славянское письменное наследие». Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902, требуется регистрация.

3. МСДЯ – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. Репринт. изд.: в 3 т. М.: Наука, 1989. 996 с.

4. РЛ – Радзивилловская летопись кон. XV в. (БАН, 34.5.30) [Электронный ресурс] // Портал «Манускрипт: Славянское письменное наследие». Режим доступа: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853, требуется регистрация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникина Р. А. Именные формы на -ьн(о) в Повести временных лет (корпусный и лингвотекстологический подход) // Международный молодежный научный форум "Ломоносов-2010": Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов". Секция "Филология" (Москва, 12–15 апреля 2010 года). М.: МАКС Пресс, 2010.

2. Аникина Р. А. К вопросу о грамматической характеристике форм на -ьн(о) в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Виталия Михайловича Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18–21 апреля 2012 г.). Казань: Казан. ун-т, 2012. Т. 1. С. 211–220.

3. Аникина Р. А. Особенности функционирования форм на -о в древнерусском языке: летописный и евангельский тексты // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. № 1 (2). Киров, 2012. С. 9–17.

4. Аникина Р. А. Разночтения в употреблении именных форм на -о как показатель формирования прилагательного определителя в древнерусском языке (на материале корпуса русских летописей XIV–XV вв. и корпуса славянских евангелий XI–XIII вв.) // Вестник Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия "Новые гуманитарные исследования". № 4 (24). Орел, 2012. С. 223–229.

5. Баранов В. А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань: Изд-во КГУ, 2003. 390 с.

6. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 356 с.

7. Верещагин Е. М., Крысько В. Б. Наблюдения над языком, текстом и невмами архаичного источника – Ильиной книги // ВЯ. 1999. № 2. С. 3–27.

8. Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.

9. Кукушкина О. В. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 47–65.

10. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.

11. Марков В. М. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке (2) // Уч. зап. КГУ. Т. 119. Кн. 5. Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961. С. 94–109.

12. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань: Изд-во КГУ, 1987. 152 с.

13. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-ое. М.: Учпедгиз, 1956.

14. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

15. Селищев А. М. Старославянский язык. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 544 с.

16. Шахматов А. А. Учение о частях речи. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

R.A. Vernyaeva

SUBSTANTIVATY ON –O ABOUT THE CHRONICLE TEXT (ON THE BASIS LAURENTIAN, IPATIEV AND RADZIWIŁL CHRONICLE)

The paper reviewed the functioning substantivator in -o in the texts of Russian chronicles. Analyzed examples of the use of these forms. It is concluded that the appearance of substantivator - this is another way of development of forms after cleavage syncretic name. In addition, the material shown on the text of the chronicle that the boundary between the adjective, adverb, noun, and substantivator distinct enough because not yet fully formed, but rapidly growing part of speech system of ancient language.

Keywords: Old Russian language, substantivator, chronicles, grammatical semantics.

Верняева Регина Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова»
E-mail: anikina.regina@gmail.com

Vernyaeva R.A., Candidate of Philology, Senior Lecturer
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
E-mail: anikina.regina@gmail.com

УДК 821.161.1-31:82.09(045)

Л.И. Донецких

ЦВЕТОСИМВОЛЫ «ЖЕЛТЫЙ» И «ГОЛУБОЙ» В ПОВЕСТИ Ю. НАГИБИНА «ВСТАНЬ И ИДИ»

В статье представлена филологическая точка зрения на механизм формирования авторских цветосимволов, в частности символов, возникающих на основе прилагательных «желтый» и «голубой» в тексте повести Ю. Нагибина «Встань и иди». Проанализировано смысловое обогащение прилагательных «желтый» и «голубой» и их эстетические функции, роль подтекста в повести, его органическая связь с идейно-художественным целым.

Ключевые слова: цветосимвол, художественная деталь, подтекст, символическая цепь, модели символической цепи: стержневая, ядерная, кольцевая.

В повести Ю. Нагибина «Встань и иди» (1987) обнаружено 182 цветowych прилагательных. Наиболее частотны прилагательные красный (26 употреблений), черный и желтый – по 24 употребления, голубой – 16 употреблений¹.

Прилагательные «желтый» и «голубой», а также их оттенки функционируют в повести Ю. Нагибина как художественная деталь.

Ю. Нагибина справедливо можно назвать мастером художественной детали: в тексте «Встань и иди», предельно насыщенном эмоциями, повествование сгущается, в результате деталь начинает приобретать особую эстетическую значимость, образуя символические вехи авторской композиции.

Доминирующий цвет, подчеркивающий физическую немощ безвинно осужденного человека, отца лирического героя повести, состарившегося в лагерях, – «желтый» и его оттенки (желтая кожа, желто-бледная кожа, что-то желтое, черно-желтая перепонка и др.): «Что-то изменилось в неподвижнокостяной маске, её прорезали тонкие черточки около глаз и рта, узкий шов рта чуть разошелся, и мелькнул одинокий резец, и я не сразу понял, что эта слабая, натужливая гримаска означает улыбку удовольствия. А затем я ощутил прикосновение, вернее тень прикосновения на своем колене. Опустил глаза и увидел что-то желтое, пятнистое, медленно, с робкой лаской ползущее по моей ноге. Какие-то косточки, стянутые темной черно-желтой перепонкой, лягушачья лапка, и эта лягушачья лапка была рукой, боже мой, рукой моего отца!» [6, с. 74].

Прилагательное «желтый» использовано в повести в номинативном значении «имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зеленым; цвета яичного желтка» [7]: желтые листья, желтые полуботинки, желтые бессмертники и др. в номинативно-

---

¹ При подсчете количества употреблений учитываются названное цветное прилагательное и все его оттенки, встречающиеся в тексте.

производном значении [3] – «с оттенком желтого цвета»: желтая кожа, желтобледная кожа, желтый резец и др. Всё, не связанное с ссылкой отца, с бесконечной и невыносимой разлукой, обозначено разными прилагательными, называющими желтый цвет, в том числе и этимологически не соотносимыми с корнем «желт-» (янтарный, палевый и др.). В тех же главах, где отец разлучен с семьей, доминирует прилагательное «желтый».

Прилагательные группы желтого цвета использованы автором в описании флоры и фауны (желтые бессмертники, желтоватый укроп, желтые листья, палевые монахи, ярко-желтые бабочки), предметов одежды (желтые полуботинки), а также для оценки внешнего вида человека (желтый резец, желтая кожа, желтое личико) и продуктов питания (янтарный жир, желтый брусок сливочного масла). Художественные детали, включающие прилагательное «желтый» и его оттенки, характеризуют видимую оболочку, но писателю удается стилистическая проекция этого цвета на внутреннее состояние души лирического героя повествования и других персонажей. Такая стилистическая проекция становится возможной благодаря обиходному для носителей русского языка осознанию желтого цвета как цвета разлуки. Этот эстетический смысл спаян с идиоконтекстом и «работает» в подтексте с первых глав. В тех главах, где отец не разлучен с семьей (до ареста и в Саратове), «желтый» и его оттенки выполняют описательно-избирательную функцию; в остальных главах прилагательные группы желтого цвета используются в оценочной функции или одновременно выполняют две функции, оценочную и характеристическую. Первое появление цветового прилагательного в авторской зарисовке не всегда означает, что эта художественная деталь открывает символический ряд. Лишь начиная с шестой главы, «желтый» и его оттенки становятся ключевыми словами в каждой художественной детали, способствуя тем самым символическому восприятию желтого цвета в контексте повести. Развитие художественного замысла этих глав показывает, что встречи с отцом становятся редкими, а вскоре следует его новый арест. И уже никогда этот человек не сможет соединиться с семьей, с сыном, жить в Москве.

Последовательность употребления художественных деталей, содержащих ключевые слова и способствующих фокусированию символа, условно называем *символической цепью*. Влияние идейно-художественного контекста произведения, авторской установки на вскрытие-невскрытие подтекста, композиции произведения, стиля и метода художественного творчества писателя формирует разные модели символической цепи: *стержневую* модель (символический смысл лейтмотивен, он становится сквозным образом); *ядерную* модель (символический смысл концентрируется в каком-либо отрезке текста, превращаясь в своеобразный пульсар, излучающий эстетические заряды); *кольцевую* модель (символический смысл начинает и завершает авторскую идею, делая её зависимой от эстетического потенциала символа). Кроме трех основных типов символической цепи, возможны и их разновидности, в частности *ядерно-стержневая* модель (символический смысл лейтмотивен, но в отдельных отрезках текста могут возникать ядра-пульсары, излучающие эс-

тетические смыслы), в рамках которой фокусируется символ «болезненный, обреченный» на основе прилагательных группы желтого цвета.

Символ «болезненный, обреченный» формируется не сразу, а по ходу развития сюжета и композиции. Фиксация символического образа становится возможной и реально ощущается читателем в 14, 15 главах («Новая встреча», «Пеллагра»). Именно в этом отрезке текста символический смысл предельно концентрируется, а прилагательные группы желтого цвета становятся ядрами, излучающими разные эстетические семы: «болезнь», «физическое бессилие», «разлука»: «Плоть опала с этого лица, на котором оставались лишь обтянутые желтой кожей кости: лоб, скулы, челюсти, нос и какие-то костяные бугры около ушей, которые бывают лишь у умерших с голода» [6, с. 73].

Эстетические семы «болезнь», «физическое бессилие» становятся реальными в этом лингвистическом контексте благодаря мастерской портретной зарисовке: «желтый» употреблен один раз, но этим цветом окрашены все существительные в предложении. Изможденный, больной, беспомощный отец после долгих лет разлуки встречается с сыном. Рождение эстетических сем «болезнь» и «физическое бессилие» происходит на основе номинативно-производного значения прилагательного «желтый» – «с оттенком желтого цвета», а также при помощи опосредованного сравнения с внешним обликом мертвого человека.

Пронзительно остро звучит беспомощность и обреченность в художественных деталях 15 главы, когда изможденный отец пытается утолить голод: «Он ни о чем не спрашивал, равнодушный ко всему, кроме питательных веществ, исчезнувших из его тела. Он взял довесок к желтому килограммовому бруску сливочного масла и стал есть его без хлеба» [6, с. 74].

Прилагательные «желтый», «желтоватый», «черно-желтый» в 14, 15 главах стилистически емки: они одновременно выполняют две функции – описательно-изобразительную и оценочную. Оценочная функция выявляется в широком лингвистическом контексте: сочетание «желтые полуботинки» из 15 главы само по себе не может обозначать плохое самочувствие человека, авторскую оценку проясняет широкий лингвистический контекст, который делает зримой проекцию желтого цвета на внутреннее состояние человека. Не случайно прилагательное «серый» контактирует с прилагательным «желтый»: проекция серого цвета на человеческий облик усиливает эстетическую сему «болезнь»: «Когда я вернулся в горенку, отец успел переодеться. Но и в хорошем сером костюме, в рубашке с галстуком и желтых полуботинках он выглядел не лучше. Пожалуй, эти вещи ещё более подчеркивали страшную его худобу» [6, с. 74].

Частота употребления слова «желтый» и его оттенков (в 14 главе «желтый» – 3 раза, «черно-желтый» – 1 раз; в 15 главе «желтый» – 2 раза, «желтоватый» – 1 раз) не является решающим фактором в характеристике символической цепи, в расшифровке символических смыслов ядерно-стержневой модели, т.к. радиус их эстетического действия широк.

Символ «болезненный, обреченный», возникающий на основе употреблений прилагательных группы желтого цвета в 14, 15 главах, не фокусирует-

ся более в тексте повести, но в 20 главе («В Москве») и последней 22 главе («Конец») происходит его эстетическое дополнение и уточнение, что подчеркивает лейтмотивность символического смысла, который становится сквозным образом.

Приехав в Москву в гости к сыну и бывшей жене, отец принес в дом букет желтых бессмертников, не зная, что это плохая примета. Бессмертник в доме – смерть близкого человека, желтый цвет – цвет разлуки – эти обиходные эстетические смыслы активизируют образный потенциал авторского символа.

В 22 главе, завершающей повесть, использовано только одно цветовое прилагательное – «желто-бледный»: «Каким-то странным, падающим шагом засеменил он в обгон нас к вагону, будто хотел поскорее прервать мучительный обряд расставания. А может, ему стало нехорошо с сердцем и он заторопился из боязни, что не дойдет. Лицо его туго обтянулось желто-бледной кожей, глаза стали выпуклыми, испуганно-удивленными... Рядом с этими горластыми, пышущими здоровьем молодцами отец, с его прерывистым дыханием, обглоданным лицом, всей смертной слабостью крошечного тела, казался таким обреченно непрочным, таким безнадежно изжившимся, что всех нас пронизало общее чувство: больше мы его не увидим» [6, с. 83].

Единственное цветовое пятно в данном контексте (сложное прилагательное с акцентом не на бледности, а на желтом цвете) эстетически неразрывно связано с авторским символом. Прилагательное «желто-бледный» включается в контекстуальные синонимические отношения с другими определениями в рамках одной художественной детали: странный, падающий, мучительный, желто-бледный, выпуклый, испуганно-удивленный, прерывистый, обглоданный, смертный, крошечный, непрочный, изжившийся. Наиболее емкие последние определения усилены наречиями: «обреченно непрочный», «безнадежно изжившийся». Двенадцать определений, характеризующих внешний облик отца, его движения, раскрывают символический смысл «болезненный, обреченный», возникший на основе желтого цвета в предыдущих главах.

Не только Ю. Нагибин активно использует желтый цвет в качестве основы для авторской символики. Аналогичное нагибинскому символическое значение на основе прилагательного «желтый» зафиксировано в прозе А.И. Куприна [5], похожие эстетические смыслы отмечены в поэзии С. Есенина [1]. Этот факт подчеркивает психологическую специфику желтого цвета, а также преемственность эстетических традиций русской литературы, в которой ещё в 19 веке, по свидетельству Р.В. Алимпиевой, наметилось экспрессивно-образное противопоставление желтого цвета (тусклого, с оттенками грусти, тоски, увядания) золотому (светлому, жизнеутверждающему) [1, с. 31-32].

Итак, на базе номинативного и номинативно-производного значений прилагательного «желтый» и его оттенков в тексте повести Ю. Нагибина «Встань и иди» возникает авторский символ «болезненный, обреченный», фокусирующийся в рамках ядерно-стержневой модели символической цепи

на основе собирания эстетических сем «болезнь», «физическое бессилие», «разлука» в единый фокус. Автор не вводит символ, а приходит к нему в ходе развития сюжета, композиции, собственных ассоциаций. Появление символа в 14, 15 главах помогает предугадать следующий текст. Лагеря сделали свое дело: отец неизлечимо болен, тоскует от невозможности соединиться с сыном, вернуться в Москву. Ему осталось недолго жить. Близкой смертью веет со страниц 14, 15 глав. Эта подтекстовая мысль вскрывается благодаря символу «болезненный, обреченный» на основе прилагательных группы желтого цвета. Превращение подтекста в контекст происходит в последней 22 главе: отец умирает. Прилагательное «желто-бледный» из этой главы сигнализирует о символе «болезненный, обреченный», который становится уже излишним: подтекст превратился в контекст.

Функцию вскрытия подтекста выполняет в повести и другой символ, возникающий в тексте на основе прилагательного «голубой».

А. Блок отмечал традиционную закрепленность за голубым цветом эстетического смысла «прекрасный и недостижимый» в русской языковой культуре [2]. На этом традиционном символическом значении основано эстетическое осмысление цветового прилагательного «голубой» у разных советских писателей (А. Блока, М. Горького, С. Есенина, М. Пришвина и др.), характеризующееся рядом общих черт [4].

Ю. Нагибин обращается к голубому цвету не случайно: активное использование в произведениях традиционной символики или отдельных символических смыслов, известных носителям русского языка, обуславливает внимание писателя к прилагательному «голубой».

Подтекст повести, содержащийся в 14, 15, 16 главах, представлен двумя альтернативными идеями: близкая смерть или счастливая жизнь отца, соединение с сыном. Если первая идея подтекста приоткрывается благодаря символу «болезненный, обреченный» в 14, 15 главах, то вторая идея просматривается в 16 главе («Голубое дерево») благодаря символу «прекрасный и недостижимый» на основе прилагательного «голубой».

Важен тот факт, что автор использует прилагательное «голубой» в узкой сочетаемости: «голубое дерево» (3 раза), «голубая крона» (1 раз), «голубое дерево счастья» (1 раз). Именно сочетаемость направляет внимание на идейно-художественный контекст: «Я быстро шел к станции по твердо утоптанной тропке, тянувшейся вдоль шоссе. Голубое дерево висело над лесом, и впервые мне казалось, что оно совсем недалеко, у самой опушки, затем оно отодвинулось дальше, в глубь леса, а когда я ступил в терпкое благоухание влажного, прогретого солнцем ельника, оно сделало скачок и оказалось за полотном железной дороги. Но вот я подошел к полотну, и голубое дерево скрылось за редким осинником – над тонкими, трепещущими верхушками осин высился его мощный и легкий купол, и я понял, что оно недостижимо для нас с отцом: голубое дерево счастья» [6, с. 76].

Не случайны авторские мысль и чувство, нуждающиеся в символе, хотя символизации подвергнут случайный объект – дерево. Использован традиционный символический смысл голубого цвета «прекрасный и недостижимый»

[2], эстетически обиходный для носителей русского языка. Сочетание прилагательного «голубой» с существительным (голубое дерево) тоже не случайно: вполне возможна авторская и читательская ассоциация с «Голубой Птицей» Метерлинка (имеем в виду, что А. Блок настаивал на прилагательном «голубой», а не «синий» в этом сочетании [2]).

Символ на основе голубого цвета вводится Ю. Нагибиным неожиданно, он практически готов: несколько авторских штрихов – и читатель легко сопоставит «голубое дерево» писателя и языковое «голубые мечты», воспримет эти сочетания как смысловые варианты.

Символ «прекрасный и недостижимый» воспроизводится в 16 главе, вскрывая в последней строчке этой главы подтекст: лирический герой понимает, что надежды на счастье отца пусты. «Бесперспективность судьбы отца», прозрачность его счастливой жизни становятся совершенно очевидными в следующих главах. В 18 главе языковое символическое значение, используемое писателем, расшифровывается и поясняется: «Голубое дерево счастья – только мираж» [6, с. 77]. В последующем контексте повести прилагательное «голубой» не встречается.

Писатель-реалист, Ю. Нагибин своеобразно пользуется таким художественным средством, как символ. Появление символа в его произведениях функционально обусловлено. Выполнивший свою функцию символ выводится из ткани художественного целого. Однако возникший обобщенно-эстетический смысл может вновь зазвучать в других произведениях автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимпиева Р. В. Эстетическая значимость слов группы «желтый» в поэзии С. Есенина // Ученые записки Калининградского ун-та. Вып. VI. Калининград, 1971. С. 31–47.
2. Блок А. О «Голубой Птице» Метерлинка // А. Блок Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1982. С. 404–412.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 12–13.
4. Донецких Л. И. Эстетические функции слова. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 121–125.
5. Качаева Л. А. О прямом и образном употреблении прилагательного «желтый» в прозе А. И. Куприна // Вопросы теории и истории языка. Л.: изд-во ЛГУ, 1969. С. 55–61.
6. Нагибин Ю. Встань и иди // Юность. 1987. № 10. С. 53–84.
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985–1988. 476 с.

L.I. Donetskikh

COLOUR SYMBOLS «YELLOW» AND «BLUE» IN Y. NAGIBIN'S STORY «STAND UP AND GO»

The article presents the philological point of view on the mechanism of forming author's colour symbol, in particular the symbols formed on the basis of the adjectives

tives «yellow» and «blue» in Yuri Nagibin's new story «Stand up and go». Symbols' function (to open the subtext) is analysed too.

Keywords: colour symbol, artistic feature, undertone, symbolic chain, patterns of symbolic chain, core, central, annular.

Донецких Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: russistoria@mail.ru

Donetskikh L.I., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: russistoria@mail.ru

УДК 81'42(045)

Е.П. Дулесов

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX В.

В статье обосновывается необходимость исследования метафор, которые использовались правыми политиками и публицистами в начале XX в. для представления нерусских народов на фоне обострения национального вопроса в Российской империи. С учетом прагматических функций все метафоры разделены на 5 групп (констелляций): метафоры дискредитации, агрессии, эксплуатации, гармонизации и рационального объяснения. В статье представлены результаты анализа метафор агрессии, принадлежащих к военной метафорической модели. Использование подобных метафор рассматривается как инструмент, реализующий тактику запугивания адресата. Обозначая «чужих», националисты формируют «свой круг».

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, констелляция метафор, политический дискурс, русский национализм.

В конце XIX – начале XX в. политическая жизнь в Российской империи активизировалась. Рост революционных настроений по всей стране и пробуждение сепаратистских движений на окраинах заставили сплотиться людей, придерживавшихся консервативных взглядов. Свою задачу они видели в том, чтобы защищать самодержавную власть от революционной крамолы, отстаивать господствующее положение русского народа и православной веры, развивать *национальное русское самосознание*. Появляются многочисленные правые партии и организации: Русское собрание, Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Всероссийский национальный союз и др. В Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и других городах выходит множество журналов и газет, на страницах которых выражают свои взгляды правые публицисты: «Русский вестник», «Московские ведомости», «Новое время», «Русское знамя», «Окраины России», «Киевлянин» и др.

Одним из важнейших элементов идеологии правых партий в Российской империи начала XX в. является русский национализм, в основе которого лежит убеждение в том, что приоритет во всех делах государства должен принадлежать русской нации. С точки зрения русского национализма в дискурсе правых рассматривается вопрос о взаимоотношениях разных народов в составе многонациональной и поликонфессиональной империи. В соответствии с принципом «Россия едина и неделима» русские националисты отказывали нерусским народам (которых они именовали *инородцами*) в праве на самоопределение.

В 2000-е гг., когда запретные слова «нация» и «империя» вновь обрели легальный статус в общественном сознании, возрождается интерес к русскому национально-консервативному движению в Российской империи начала XX в., впервые после 1917 г. переиздаются сочинения русских консерватив-

ных публицистов и философов. Однако приходится констатировать, что этот богатый материал остается почти не исследованным с точки зрения лингвистики. Вместе с тем лингвистический анализ дискурса русских националистов может выполнить двойную задачу. С одной стороны, он покажет, как в этом дискурсе происходила концептуализация общественно-политической сферы, русской истории, отношений между национальностями. С другой стороны, мы сможем увидеть, каким образом националисты использовали язык с целью воздействия, манипуляции, вербуя своих сторонников и направляя их мысль и деятельность в нужное им русло.

Одним из основных объектов изучения современной политической лингвистики является *метафора*. При этом она рассматривается прежде всего не в традиционном понимании как троп, стилистическое украшение речи, а как когнитивный процесс. Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры источника (в другой терминологии *сферы-источника*) и когнитивной структуры цели (в другой терминологии *сферы-мишени*) [1, с. 29]. Такое взаимодействие позволяет осмыслить сущность одного типа в терминах понятий, относящихся к сущностям другого, более простого, базового типа [5]. Данный подход к метафоре был впервые систематически представлен в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980 г.) [6]. В когнитивной лингвистике подчеркивается, что «метафора в первую очередь связана с мышлением и деятельностью; ее связь с языком вторична» [6, с. 182]. Иными словами, метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена [7, с. 34]. В рамках Уральской школы политической метафорологии, одной из ведущих в отечественной лингвистике, метафора понимается широко: в едином континууме рассматриваются не только «живые» и «мертвые» метафоры (в других терминах — креативные и конвенциональные), но и другие тропы (метафорический эпитет, метонимия, метаморфоза, сравнение, ирония, гиперболола, литота и т. п.) [11].

Материалом нашего исследования послужили тексты российских националистически ориентированных политиков и публицистов, посвященные национальному вопросу в Российской империи, созданные в период с 1890 по 1917 гг. (всего 115 текстов). Корпус, используемый нами для анализа, состоит из текстов разного объема и разных жанров: статей из газет и журналов, выступлений в Государственной думе, речей, произнесенных в различных собраниях. Методом сплошной выборки были собраны все контексты, содержащие метафорические выражения (всего 1070 контекстов), которые затем были распределены по метафорическим моделям. Теория метафорического моделирования восходит к вышеупомянутой работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Развитие этой теории на материале отечественных политических текстов представлено в публикациях А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [2; 3], И.М. Кобозевой [5], А.П. Чудинова [12] и других исследователей. По определению А.П. Чудинова, *метафорическая модель* – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой:

„X – это Y“» [10, с. 131]. Несколько метафорических моделей, сходных по своим метафорическим следствиям, А.Н. Баранов объединяет в особые группы – *конstellации метафор* [1, с. 53]. Дальнейший анализ и синтез фактического материала осуществлялся с учетом этого.

Прежде всего нас интересует вопрос: какие прагматические функции выполняют метафоры в дискурсе русских националистов? С точки зрения оценочной окрашенности, все метафоры можно разделить на три большие группы: пейоративные (негативные), мелиоративные (позитивные), нейтральные. Мелиоративные метафоры профилируют идею гармоничного развития разных народов в составе Российской империи. Метафоры, рационально объясняющие преимущественное положение русского народа, как правило, нейтральны. Пейоративные метафоры, в свою очередь, могут выполнять различные функции: умалять значение инородцев; представлять их как серьезную опасность для русского народа; показывать, что инородцы эксплуатируют русских.

Опираясь на понятие конstellации А.Н. Баранова и учитывая разнообразие прагматических функций, обозначенных выше, мы разделили все метафоры на 5 групп: 1) метафоры дискредитации; 2) метафоры агрессии; 3) метафоры эксплуатации; 4) метафоры гармонизации; 5) метафоры рационального объяснения.

По нашим наблюдениям, при осмыслении национального вопроса в дискурсе русских националистов преобладают *метафоры агрессии*. Их цель – не просто дискредитировать инородцев и сепаратистов, но показать их опасность. С этой точки зрения, инородцы представляют реальную угрозу безопасности русского народа. Если государство не станет на защиту *русских национальных интересов*, русский народ будет уничтожен инородцами. Использование метафор агрессии можно рассматривать как особый инструмент, реализующий тактику запугивания адресата.

В дискурсе националистов представлены самые разнообразные метафоры агрессии. Сепаратисты (или инородцы в общем) – это паразиты, опасное заболевание, яд, разлагающее вещество, вражеская армия, стихийное бедствие, хищники, дьявольская сила, преступники, сорняки и т. д. В данной статье мы проанализируем милитарную метафорическую модель, занимающую в дискурсе правых второе место (после метафоры болезни). В нашей выборке зафиксировано 137 метафорических контекстов, относящихся к этой модели, что составляет 11,1 % от общего количества. Согласно этой модели, инородцы/сепаратисты составляют вражескую армию, напавшую на Россию. Русский народ, в свою очередь, должен не отступать, а обороняться. Как замечает А.П. Чудинов, «милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем» [12].

Требования нерусских подданных характеризуются как *война, инородческий/иноплеменной натиск, наступление, осада, приступ, нашествие, завоевание, напор иноземщины, нападение, оккупация, минный подкоп под наше государственное здание*. Вражеская армия (*инородческая рать, полчища*) ор-

ганизована согласно воинской иерархии: в ней есть командиры и рядовые солдаты, выделяются формирования и подразделения. Так, М.С. Грушевский возглавляет *«генеральный штаб украиноманов»* (А. Будилович). Финляндия – *«вооруженный против России лагерь, авангард для шведо-германского десанта»* (М. Меньшиков). Русские немцы – *«передовые отряды надвигающегося на Россию германизма»* (В. Величко). *«Воинствующие ксендзы – застрельщики польских сепаратистов»* (В. Грингмут). *Застрельщик* – устар. ‘солдат в рассыпном строю, который первым встречался с противником’ [8].

Подчеркивается, что инородцы наступают по всему фронту, занимают центральные позиции, русские же терпят поражения, отступают, вместо того чтобы укреплять позиции, обороняться, не уступать ни пяди, *высоко держать знамя русской государственной идеи*.

Находясь в дефенсиве во всех окраинах, русские люди все далее отступали назад, к своим разоренным домам и оскуделым пашням (А. Будилович. Центр и окраины). *Дефензива* – ‘оборонительная тактика на войне’ [9].

...Православие и православные здесь слабо обороняются, в то время когда католичество и полонизм здесь сильно наступают. А между тем настало время не защищаться только, но и наступать (Д. Скрынченко. Какие высшие учебные заведения нужны России).

Во многих случаях милитарная метафора сочетается с метафорой исторической. О необходимости различать общие структурные метафоры и исторические метафоры речь идет в работе И. Хеллстен [13]. При порождении *исторических метафор* исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [4, с. 49]. В отечественной науке подобные случаи обычно рассматриваются не как концептуальные метафоры, а как *прецедентные феномены* [4, с. 122]. Различают несколько видов прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя и др. Русские националисты накладывают милитарную метафору на прецедентную ситуацию – «хорошо известную историческую ситуацию, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой» [10, с. 115].

Отношения между национальностями в Российской империи сопоставляются не просто с войной, а с войной конкретной: польско-шведской интервенцией (1610–1612 гг.), Батыевым нашествием, Отечественной войной 1812 г., походом князя Игоря на половцев в 1185 г. и т. д. В одних случаях такая прецедентная ситуация названа прямо:

За что на всех русских людей вне черты оседлости... свалилась бы эта ничем не заслуженная беда? И даже не беда, а бедствие, хуже татарского нашествия! (П. Крушеван. Этого никогда не будет).

Как сто лет назад поляки с гордостью стояли в авангарде Наполеона нашествия на Россию, так непременно будет и теперь (М. Меньшиков. Преступная романтика).

В других случаях прецедентная ситуация обозначена косвенно – путем указания на место событий, их время, яркие признаки, имена исторических персонажей:

...Теперь, когда так размножились потомки Тушинского вора и тех перелётов, которые продавали Россию направо и налево, теперь Россия в особенности должна беречься, чтобы не сдать своих позиций враждующему с ней инородчеству. Если Россия не укрепит вовремя своей позиции, на окраинах не поставит застав от натиска враждующих с Россией племен, то великое горе ожидает Россию (из выступления Н. Маркова от 8 мая 1910 года).

Правый депутат в своей речи указывает на события Смутного времени: *Тушинский вор* – перифрастическое наименование Лжедмитрия II, самозванца, выдававшего себя за сына Ивана Грозного; *перелёт* – ‘перебежчик, попеременно служивший то московскому царю Шуйскому, то Тушинскому вору (Лжедмитрию II; истор.)’ [9]. Таким образом Н.Е. Марков сравнивает русских либеральных политиков, выступающих за равноправие народов, с предателями, которые содействуют иноземной интервенции.

...Мы имеем не только право, но и нравственный долг, выражаясь словами древнего Баяна, «вступить в злат стремени за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугега Святославлича». Мы обязаны дать дружный отпор тем «украинцам», которые... упражняются теперь в раскалывании то «немецким топором», то «польскою пилою» самого ядра нашей земли и народности (А. Будилович. О единстве русского народа).

В качестве перифрастического оборота публицист использует цитату из «Слова о полку Игореве», повествующего о неудачном походе князя Игоря Святославича в 1185 г. В данном случае историческая метафора сочетается с литературной. Как известно, основная идея этого величайшего памятника древнерусской литературы – необходимость единства князей в борьбе с половцами, прекращения усобиц, подчинения старшему по положению – великому князю киевскому. Так и теперь, с точки зрения А.С. Будиловича, русские должны объединиться в борьбе с общим врагом, пытающимся разделить единый народ на великороссов и украинцев.

Говоря об украинском сепаратизме, русские националисты часто обращаются к событиям Северной войны, а именно к переходу гетмана Мазепы на сторону Швеции в 1708 г. В соответствии с этим за украинским национальным движением в среде официальных властей и в дискурсе русских националистов закрепилось определение *мазепинство*, а за сторонниками этого движения – *мазепинцы*. Так, этнический малоросс и один из идеологов русского национализма А.И. Савенко в своей речи в Государственной думе 1 июня 1913 г. заявлял:

...Мы будем бороться за наше русское имя, мы будем крепко в своих руках держать знамя нашего великого Богдана, и с современными мазепинцами мы не пойдем так же, как наши предки, малороссийские казаки, 200 лет тому назад в трудный критический момент для России под Полтавой не пошли за Мазепой, но остались верны единой России.

Итак, мы рассмотрели милитарные метафоры, являющиеся характерным признаком дискурса русских националистов начала XX в. Они относятся к констелляции метафор агрессии, реализующих тактику запугивания адреса-

та. Целью правых политиков и публицистов было создание образа агрессивного, опасного, воинствующего врага, а одновременно с этим сплочение всех «истинно русских людей» под знаменами националистических организаций для борьбы с этим врагом. Обозначая «чужих», националисты тем самым формируют «свой круг».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
5. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры [Электронный ресурс] // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 132–149. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kobozeva.php#publ> (дата обращения: 01.04.2016).
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1935–1940 [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 01.04.2016).
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
11. Чудинов А. П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 85–93.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001 [Электронный ресурс] // Филологический портал Philology.ru. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 01.04.2016).
13. Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political Metaphors in Finnish EU Journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research. Tartu: Tartu University Press, 1997. 121–141.

E.P. Dulesov

MILITARY METAPHOR IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The paper explains the need for the exploration of metaphors employed by right-wing politicians and publicists at the beginning of the 20th century in the depiction of the non-Russian peoples against the backdrop of the aggravation of the National question in the Russian Empire. Based on pragmatic functions the metaphors are classified into five groups ('constellations') such as metaphors of discredit, aggression, exploitation, harmonization, and rational explanation. The paper presents the results of the analysis of the metaphors of aggression from the source domain 'War'. The use of such metaphors is considered an instrument for intimidating the audience. While marking the Other nationalists form so-called 'our circle'.

Keywords: cognitive metaphor, metaphorical model, constellation of metaphors, political discourse, Russian nationalism.

Дулесов Евгений Павлович, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: evdules@gmail.com

Dulesov E.P., Postgraduate student
Udmurt State University
E-mail: evdules@gmail.com

УДК 811.161.1'0

С.Р. Зайнуллина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЫ *БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА*)

В основании данной статьи лежит утверждение о том, что устойчивые сочетания являлись неотъемлемой частью языка древнерусских памятников. При этом устойчивость единицы не была абсолютной. Компонентный состав некоторых устойчивых единиц мог подвергаться варьированию, что нередко способствовало распаду традиционного словесного комплекса. В статье представлены результаты анализа особенностей употребления устойчивого сочетания *бысть сеча зла* и его вариантов в тексте «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи.

Ключевые слова: летопись, воинский, формула, устойчивая единица, устойчивое сочетание.

Изучению грамматических и семантических особенностей устойчивых сочетаний в синхронии и диахронии посвящено значительное число работ, большой интерес к данным единицам наблюдается в течение последних десятилетий, когда внимание ученых сосредоточилось на соотношении языка и мышления. Фразеологизм – мощное средство концептуализации действительности, которое способно многое сообщить о своем создателе. В этом смысле устойчивую единицу можно сравнить со своего рода фотографическим снимком, который передает объективную реальность и одновременно содержит определенную информацию о своем авторе. Настоящее исследование выполняется на материале известного памятника древнерусской письменности «Повести временных лет», текст которой цитируется по Лаврентьевскому списку летописи (далее – ПВЛ). Целью работы является выявление некоторых общих особенностей структурно-семантической трансформации устойчивых единиц в истории русского языка.

Ментальные особенности средневековых русичей закономерно нашли отражение в языке создаваемых ими текстов, и особенно – в лексическом (и фразеологическом) составе языка письменных памятников. Устойчивые сочетания представлены в наших древних произведениях довольно широко, их функционирование подчиняется определенным закономерностям, продиктованным жанрово-стилевой принадлежностью текста или текстового фрагмента, в котором они употребляются. Примечательно, что вне зависимости от типа сочетания его развитие в истории языка подчинялось по сути одной и той же логике, и некоторые особенности протекания данного процесса мы обозначим в настоящей работе на примере формулы *бысть сеча зла*, характерной для воинских фрагментов ПВЛ.

Под воинскими фрагментами исследуемого текста мы понимаем древнейшие фрагменты, в которых «описание событий, связанных с военными

походами князей, приобретает характер исторического документального сказания, свидетельствующего о формировании жанра воинской повести» [1, с. 67]. И несмотря на то, что фрагменты данного типа не всегда представляют собой композиционно-смысловое целое, они все же являются аутентичными, непереводаемыми, а значит, показательными с точки зрения лингвистического анализа.

Формульность воинских текстов считается их главной языковой особенностью. Пожалуй, наиболее известен посвященный данной проблематике труд А.С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей». В нем автор подробно рассматривает целый ряд воинских формул, использовавшихся непосредственно для описания сражения. Ученый убежден в том, что «для образования и признания известного шаблона воинских повестей громадную роль играли летописные своды, где почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях», причем группа *loci communes*, по его мнению, установилась очень рано, уже в XI-XII вв. [2, с. 1].

В самом деле, в летописных воинских фрагментах присутствует значительное количество устойчивых сочетаний, обычно обозначающих те или иные традиционные действия князя, его войска и их противников. Устойчивое сочетание *бысть съча зла*¹ является самым распространенным в воинских частях ПВЛ, поскольку «в разных вариациях начинает картину боя в массе повестей» [2, с. 11]. Оно является частью традиционной для описания боя схемы, которая в наиболее обобщенном виде выглядит следующим образом: *подготовка к сражению – ход сражения – результат сражения*. Данное сочетание организует текстовое пространство каждого из летописных воинских фрагментов, поскольку является частью описания кульминации военного события.

Само слово *съча* обозначало битву, сражение [3]. В целом же сочетание *бысть съча зла* с точки зрения структурно-семантических особенностей представляет собой предикативную интенсифицирующую конструкцию и сообщает о том, что сражение состоялось: *[и] поидоша противу собъ и бысть съча зла и мнози падоша и вдолъша изАславъ стославъ всеволодъ всеславъ же бежа* (56 об.).

В качестве примера приведем несколько контекстов. Выбранные фрагменты относятся ко времени начала княжения Ярослава Мудрого в Киеве, они посвящены противостоянию двух братьев – Ярослава и Святополка:

1) *Ярослав же заоутра исполчивъ дружину свою противу свѣту перевезеса и высѣдъ на брегъ втринуша лодьбъ втъ берега и поидоша противу собъ и ступишасА на мѣстѣ бысть съча зла* (48 об.),

2) *бѣ же пАтокъ тогда въсходАщую слнцю и ступишасА вбои бысть съча зла яка же не была в Руси и за руки емлюче съцАхуса и ступашасА трижды яко по удольемъ крови тещи к вечеру же вдолъ Ярославъ а Стополкъ бѣжа* (49 л.).

¹ Здесь и далее примеры из летописей приводятся в упрощенном графическом виде.

Консервативность изучаемой конструкции подтверждает повторение при формуле глагола *сступишася* в форме множественного числа аориста. *Съступишася* значит ‘сойтись для боя’ [3]. Именно в сопровождении этого глагола рассматриваемая формула и встречается у А.С. Орлова [2, с. 11]. Однако, на наш взгляд, не следует включать инфинитив *сступишася* в состав устойчивой единицы *бысть съча зла*, поскольку рассматриваемые глагол и формульное сочетание представляют собой пусть и близко связанные, но все же разные смысловые элементы. К тому же летопись знает множество контекстов, где формула *бысть съча зла* выступает самостоятельно, не сопровождаясь глаголом *сступишася*. С точки зрения последовательности описания боя *сступишася* можно считать избыточным. Сам факт начала сражения говорит о том, что пошедшие друг на друга войска князей в итоге столкнулись. Частотность же употребления данного глагола при устойчивом сочетании объясняется тем, что он позволяет передать действия в их последовательности, а это значимо для воинского повествования.

Являясь своего рода организационным центром летописного фрагмента, исследуемое сочетание нередко обрастает языковыми элементами, позволяющими конкретизировать описываемую ситуацию. Так, в одном из контекстов изучаемая единица дополнена зависимой конструкцией: при имени *съча* видим придаточное определительное *яка же не была в Руси*, которое подчеркивает масштабность события. Тут важно отметить, что в первом фрагменте описана попытка Ярослава победить Святополка, закончившаяся бегством последнего. После этого события следовали другие сражения, и только финальное, отраженное во втором примере столкновение закончилось долгожданной победой над врагом. Именно поэтому, как нам кажется, летописец посчитал нужным дополнить формулу *бысть съча зла* определительным компонентом с оценочным значением. Как видим, в данном случае летописец не ограничился простой констатацией события и его результата, он постарался сделать запись более подробной. Такое разворачивание летописного фрагмента сближает его с текстами, относящимися к жанру воинской повести.

Еще один подобный контекст встречаем под 1036 г., речь в нем идет об осаде Киева печенегами. Приведем интересующий нас фрагмент: *печенъзи приступиша и почаша и ступишася на мѣсто идеже стоит нынѣ стая софья митрополья русьская бѣ бо тогда поле вѣ града и быс съча зла и вдва вдоль к вечеру ярославъ* (51 л.).

Данный пример является более развернутым, чем приведенные выше. Так, уже упомянутый нами глагол *сступишася*, часто сопровождающий формулу *бысть съча зла*, здесь вводит обстоятельство места, за которым следует придаточное определительное (*ступишася на мѣсто идеже стоит нынѣ стая софья митрополья русьская*), к которому, в свою очередь, присоединяется придаточное причины (*бѣ бо тогда поле вѣ града*). В данном случае такое развернутое указание на место действия можно мотивировать желанием автора сделать повествование более понятным и близким читателю. Отметим, что для писательской манеры летописца вообще было характерно установление связи описываемого им прошлого с настоящим, он сравнивает

тогда и сейчас. В продолжении данного контекста находим замечание о том, что побежденные половцы разбежались кто куда, а некоторые из них *пробѣгоша и до сего дне* (51 л.). Все это свидетельствуют о том, что фрагменты военной тематики приобретают черты развернутого повествования.

Однако изменениям могут быть подвержены не только языковые компоненты, окружающие устойчивое сочетание, но и непосредственно его составные элементы. Приведем примеры, относящиеся к 971 году:

1) *приде стославъ в переяславецъ и затворишасѧ болгаре въ градъ и излѣзоша болгаре на сѣчу противу стославу и бысть сѣча велика и вдалаху болгаре* (21 л.),

2) *и исполчишасѧ русь и бысть сѣча велика и вдолѣ стославъ и бѣжаша грѣци* (21 об.).

В данных примерах изучаемая единица не подвергается распространению и композиционно, безусловно, вписывается в стандартную трехчастную схему боя, становясь организующим центром описания. При этом она, как можно заметить, выступает в неклассическом виде, трансформации подвергается один из ее обязательных составных элементов – компонент, выполняющий функцию определения при имени *сѣча*. Прокомментируем данную замену. Прилагательное *великыи* указывает, прежде всего, на масштабы события, в то время как *злыи* обычно дает ему отрицательную оценку ('злой, злобный, лютой' [3]). Несмотря на очевидные различия в семантике, в рассматриваемой ситуации эти прилагательные взаимозаменяемы, поскольку сама *сѣча* оценивалась как явление негативное, приносящее с собой болезни и смерть, а потому *злыи* не столько дает происходящему негативную оценку, сколько придает рассматриваемому адъективно-именному сочетанию плеонастический характер. Таким образом, и в сочетании с прилагательным *великыи*, и в сочетании с прилагательным *злыи* слово *сѣча* выражает интенсивное действие, обозначенное существительным (ср. *сечи* – 'ударя острым орудием, делить на части; рубить'). Так, претерпев некоторые изменения в своем компонентном составе, рассматриваемое сочетание остается узнаваемым, поскольку при замене прилагательного был использован семантический аналог – компонент с близким значением, однако в подобных случаях закономерно возникает вопрос о степени устойчивости такого словесного комплекса.

Слово *сѣча* в составе изучаемой формулы может выступать также с прилагательным *силныи*: *и поиде мѣстиславъ и ярославъ противу собѣ и сступиасѧ чело сѣверъ съ варАгы и бысть сѣча силна яко посвѣтАше молонья блестящетьсѧ вружъе и бѣ гроза велика и сѣча силна* (50 об.). Семантически прилагательное *силныи* ближе к прилагательному *великыи*, чем к прилагательному *злыи*, но в подобных рассмотренным выше контекстах все эти языковые единицы оказываются взаимозаменяемыми. В данном контексте мы имеем дело не просто с перечислением и фиксацией последовательных этапов события, автор стремится придать воинскому тексту занимательность, воздействовать на читателя с большей силой. Он использует для этих целей традиционную формулу – *и бѣ гроза велика и сѣча силна*. Выстраивая параллельные синтаксические конструкции традиционного характера, автор воз-

действует на аудиторию, подчеркивая внутреннее сходство *сѣчи* и *грозы*, бывшее близким и понятным древнерусскому человеку. Данный контекст является значимым, поскольку именно здесь изучаемая единица становится частью повествования, выполняющего не только информационную, но и эстетическую функцию. Текст обретает художественную ценность, а устойчивое сочетание начинает играть роль выразительного средства.

Варьированию может подвергаться не только определение, но и именная часть, то есть непосредственно слово *сѣча*. Приведем примеры из ПВЛ, относящиеся к 1096 г.:

1) *Из Аслава же исполчиса предъ градомъ на поли Влгъ же поиде к нему полкомъ и ступишася обои [и] бысть брань люта* (85 об.),

2) *[и поиде] Влгъ противу Мстиславу Ярославъ поиде противу Вачеславу Мстислав же перешедъ пожарь с Новгородци [и] [сседоша с коней Новгородци] и ступишася на Кулачьѣ и бысть брань крѣпка* (86 об.).

В данных примерах варьированию одновременно подвергаются оба компонента формулы. Прилагательное *злыи* заменяется на *лютыи* или *крѣпкыи*, а имя *сѣча* – на *брань*. Брань – это ‘война, битва’ [3]. Мы видим варианты одного и того же сочетания, они отличаются компонентным составом, однако значения этих целостных единиц являются практически идентичными, в основе сочетаний лежит одна и та же синтаксическая модель, они выполняют в тексте одну и ту же функцию, композиционно закреплены за одним и тем же местом в описании боя.

Существование подобных аналогичных устойчивых единиц в пределах одного памятника может показаться несколько странным. Н.В. Трофимова рассматривает интересующие нас сочетания в одной из своих научных статей с характерным названием «”И бысть сеча зла и ужасна...” Эпитеты начала битвы в летописях» [4]. Исследователь связывает наблюдаемое явление со сменой писца. Так, устойчивые единицы с компонентом *сѣча* относятся к древнейшему своду, а сочетания с компонентом *брань* – к Первому Киево-Печерскому своду, который был создан, по мнению А.А. Шахматова, в 1073 г. [5]. Отметим также, что контексты, включающие слово *брань*, представляют собой развернутые сюжетные повествования, включают прямую речь князей, комментарии летописца и содержат элементы образности. Думается, именно такие поздние фрагменты военной тематики имели в виду исследователи, когда высказывали мысль о роли ПВЛ в складывании жанра воинской повести.

Формула *бысть сѣча зла* имеет трехчастную структуру, где два элемента с более ярким лексическим значением (определение и определяемое) могли быть подвержены лексическому варьированию. Глагол *быти* в форме аориста единственного числа передавал прежде всего грамматическое значение, выполняя роль сказуемого при именном компоненте. В редких случаях он мог подвергаться изменениям, правда, уже чисто грамматического характера: *и поидоша к собѣ к боеви и ступишася полци <...> брани же велиць бывши и мнозьмъ падающихъ вть в бою полку и видѣвъ стополкъ яко люта брань и побѣже и прибѣже володимерю* (91 л.).

Видим, что формула здесь встречается дважды, при этом в первом случае мы имеем дело с конструкцией дательный самостоятельный, а во втором – со значимым отсутствием глагола-связки *быти* в настоящем времени. Так, компонент, выражающий отношение действия ко времени, на самом деле способен подвергаться грамматическому варьированию.

В следующем контексте можно наблюдать еще один случай изменения исследуемой формулы: *Стополкъ же выиде на желаню и поидоша противу собѣ вбои и съступишася и оукрѣниса брань* (73 об.). Лексическое значение прилагательного, условно говоря, было перенесено на глагол. В данном примере отражен случай распада устойчивой единицы, что стало следствием лексико-грамматической трансформации компонентного состава исходного сочетания.

Итак, мы проанализировали случаи употребления традиционного устойчивого сочетания *бысть сѣча зла* в летописных фрагментах военной тематики. Можно сделать вывод о том, что в условиях активного формирования словаря древнерусского языка компонентный состав древних устойчивых единиц мог подвергаться лексическому и грамматическому варьированию, которое, в свою очередь, могло приводить к распаду целостной единицы, однако, чтобы сделать более серьезные выводы о глобальности данного процесса, необходимо привлечь большее количество иллюстративного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кусков В. В. История древнерусской литературы: учеб. для филол. спец. вузов. М.: Высшая шк., 2003. 336 с.
2. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: репринт. изд.: в 3 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893 // Этимология и история слов русского языка. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (дата обращения: 04.04.2016).
4. Трофимова Н. И. «И бысть сеча зла и ужасна...» (Эпитеты начала битвы в летописях) // Русская речь. 2010. № 1. С. 69–75.
5. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Кучково поле: Акад. проект, 2001. 375 с.

S.R. Zaynullina

STRUCTURAL-SEMANTIC TRANSFORMATION OF ESTABLISHED UNITS IN CHRONICLE TEXT (ON THE EXAMPLE OF FORMULA *BY-ST' SECHA ZLA*)

This article based on the statement that the established collocations are an integral part of the language of Old Russian texts. At the same time this unit stability was

not absolute. Component composition of some established units could be subject to variation, which often provided the disintegration of the traditional collocation complex. The article presents the results of the analysis of the use of established collocation byst' secha zla and its variants in the text of «The Tale of Bygone Years» at the Laurentian Chronicle list.

Keywords: chronicle, military, formula, established unit, established collocation.

Зайнуллина Саида Радиковна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

Zaynullina S.R., Candidate of Philology, Senior Lecturer
Udmurt State University
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

УДК 811.161.1'0

Л.Ф. Килина, О.Г. Ушакова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВ *БЛАГО*, *ЗЛО*, *ГРЕХ* (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

В статье представлен анализ лексических единиц, репрезентирующих в текстах русских летописей ключевые христианские концепты – *благо* (*добро*), *зло*, *грех*. Исследование трансформаций лексических значений слов, функционирующих в текстах летописей, показало, что изменения в семантике рассматриваемых имен связаны с освоением носителями древнерусского языка христианской терминологии, с формированием ценностной системы древнерусского человека. Лингвистический анализ летописных текстов позволяет описать эволюционные процессы в лексике русского языка, выявить особенности языкового сознания эпохи создания этих текстов.

Ключевые слова: летопись, древнерусский, сознание, контекст, значение.

Язык представляет собой систему, которая развивается под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. К последним относят в том числе переосмысление ценностей, духовных ориентиров: «Преобразования в лексико-семантической системе языка отражают эволюцию коллективного языкового сознания, изменение представлений носителей русского языка о мире и о себе» [5, с. 4]. Иначе говоря, язык всегда реагирует на изменения, происходящие в жизни общества, в то же время именно «благодаря этой универсальной форме осмысления реальности происходит культурный диалог как по вертикали (т.е. диалог между культурами разных эпох), так и по горизонтали (диалог разных культур, сосуществующих одновременно)» [2, с. 4]. Таким образом, язык обеспечивает возможность взаимопонимания между представителями разных эпох, сохраняя в своем лексическом составе слова и выражения, изменения в семантике которых происходят не так стремительно. Такие изменения представляют большой интерес для лингвистов, т.к. позволяют определить тенденции формирования лексической системы языка, охарактеризовать особенности ее семантической эволюции.

Семантическая эволюция лексической системы языка, по мнению ученых, предполагает «отражение эволюционных процессов в сознании носителей языка, изменений в осмыслении ими окружающего мира» [5, с. 6]. Следовательно, термин *семантическая эволюция* обычно используется лингвистами для характеристики диахронных изменений, однако, на наш взгляд, его можно применять и при описании синхронного функционирования языковых единиц в речи или тексте. В этом случае исследуются трансформации лексических значений языковых единиц, а также изучается процесс формирования индивидуально-авторских смыслов, т.к. речь идет о реализации того или иного значения в контексте. Исследование такого плана может быть посвящено истории отдельных слов, чаще всего являющихся репрезентантами ключевых концептов культуры народа, под которыми обычно понимают основные еди-

ницы картины мира, обладающие определенной значимостью. Одни из таких концептов остаются неизменными на протяжении многих веков, другие трансформируются со сменой исторических эпох. Для нас особый интерес представляют концепты, отраженные в средневековом летописном тексте и актуализированные в нем определенными языковыми средствами. Тексты летописей имеют дидактический и морализаторский характер, отражают вечные, непреходящие истины, содержат богатейший материал для выявления ценностной картины средневекового человека, и с помощью анализа лексических единиц, представленных в летописях, мы можем реконструировать особенности языкового сознания эпохи создания этих текстов.

Т.И. Вендина отмечает, что идеальный мир человека Средневековья формировался вокруг главного принципа, реализующегося в глобальной оппозиции добро-зло со множеством ее коррелятов, составляющих инвентарь любой культуры; мир воспринимался в категориях «божественное – земное», «верх – низ», любой этический конфликт находил свое разрешение в рамках христианства [2, с. 183]. Иначе говоря, древнерусский человек воспринимал мир как дихотомию божественного и земного, которая обусловила существование в языковом сознании оппозиций добро-зло, верх-низ, жизнь-смерть, свет-тьма, любовь-ненависть и т.д. Элементы подобных бинарных альтернатив обладали важными символическими значениями: человек оценивал явления окружающего мира с точки зрения положительного или отрицательного начала. Принятие в конце X века восточными славянами христианства повлекло за собой значительные изменения в их мировоззрении. В период Средневековья, как указывает Т.И. Вендина, «религия регулирует нормы общества, определяет ценностный стержень культуры, связывает природу и социум» [1, с. 158]. Неслучайно описание событий в летописях часто сопровождается трактовкой этих событий в свете христианского учения, летописцу было важно донести до читателя идею о том, что человеку следует жить по законам Бога и соблюдать все религиозные предписания.

Одним из ключевых понятий христианства являлось *благо*, которое сохраняло онтологическое значение, полученное от классической античности. В древнерусской картине мира, непосредственно связанной с аксиологией христианства, Бог – абсолютная ценность. Н.О. Лосский в своей работе «Бог и мировое зло» пишет, что «Бог есть само Добро во всеобъемлющем значении этого слова: Он есть сама Истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т. д. Таким образом, Бог есть Всеобъемлющая абсолютная самооценочность» [4, с. 344]. Уже в самых древних памятниках русского языка *благо* становится универсальным термином, с помощью которого транслируется положительная оценка разнообразных предметов с точки зрения как народной, так и только что воспринятой русскими христианской этики. Значения данного существительного, представленные в исторических словарях, можно разделить на три группы: 1) 'добро, доброе дело, нечто хорошее'; 2) 'счастье, блаженство, благополучие'; 3) 'то, что служит удовлетворению материальных потребностей, богатство, изобилие'. Итак, в древнерусском языке *благо* – прежде всего *добро*, причем полученное главным образом от Бога, об этом

свидетельствуют приведенные в словарях контексты, например: *благо же приимше великоЕ отъ чловѣколюбивааго бога* (Супр. 531, 3). В.В. Колесов рассматривает соотношение слов *добро* и *благо* в XI–XIII вв. и подчеркивает, что они распределяются в противоположности «земное – небесное». Благо закрепляется за духовным, небесным, божественным, добро – за земным, вещественным, человеческим проявлением жизни [3, с. 108].

Подтверждением сказанного являются контексты «Повести временных лет» (далее ПВЛ), в которых существительное *добро* и прилагательное *добръ* обозначают реалии мира людей: *и рѣша старции Козарьстии не добра дань кнаже* (Лаврентьевская летопись, л. 6)¹, *приде к нему Вльга и видѣвъ ю добру суцю збло лицемъ и смыслену* (Лаврентьевская летопись, л. 17 об.) и др. В приведенных примерах речь идет о полезности, пригодности того, что охарактеризовано прилагательным *добръ*, а также о внешней привлекательности. С другой стороны, *благо* встречаем в контекстах, связанных со сферой божественного, например: *оусобная же рать бѣваеть въ соблаженья дьявола Бъ бо не хоцеть зла члвкмъ но блга* (Лаврентьевская летопись, л. 56 об.), *мужь блгъ книжен и постникъ* (Лаврентьевская летопись, л. 52 об.) и др. В первом примере мы видим противопоставление зло-благо, которое фактически сводится к противопоставлению Дьявол-Бог, причем именно Бог посылает иноплеменников для того, чтобы люди отреклись от зла, т.е. обратились к Богу, тогда как междоусобные войны – происки Дьявола, склоняющего людей ко злу. Во втором случае речь идет о праведном образе жизни, который ведут люди, озаренные божественным светом, соблюдающие христианские заповеди, отрекающиеся от земных радостей ради духовного просветления.

Однако прилагательное *добръ* употребляется также в контекстах, где речь идет о Боге, о божественном проявлении, о духовной жизни праведников и т.д. Так, в ПВЛ по Лаврентьевскому списку нами отмечено 6 подобных случаев, например: *почивъ в старости добръ в монастыри семь* (Лаврентьевская летопись, л. 64 об.), *блжнаго вѣца нашего Феодосья добраго пастуха* (Лаврентьевская летопись, л. 71), *доброБ мдрсти Бжьи* (Лаврентьевская летопись, л. 18) и др. С другой стороны, прилагательное *блгъ* в ряде случаев представлено во фрагментах, в которых повествуется о земной человеческой жизни, например: *дБеть бо мужеви своему бл(а)го все житье* (Лаврентьевская летопись, л. 25 об.), *яко ту вса благая сходатсА въ Грекъ злато паволоки вина и оwoщеве розноличные* (Лаврентьевская летопись, л. 20 об.). По мнению В.В. Колесова, в последнем случае в соответствии с содержанием речи следовало бы употребить слово *добро*, которое в то время уже имело значение 'имущество, богатство', «вся благая» здесь – необходимо нужное, то, ради чего Святослав и затеял этот поход на греков [3, с. 110]. Таким образом, текст ПВЛ отражает изменения, происходившие в семантике рассматриваемых имен: благо, являвшееся христианским термином, постепенно осваивается носителями древнерусского языка и осмысливается как добро, нечто материальное, способствующее обретению счастья, благополучия.

¹ Здесь и далее примеры из летописей приводятся в упрощенном графическом виде.

Оппозицией для *блага* являлось *зло*. А.П. Щеглов говорит о том, что зло в древнерусской философии может быть трех видов: 1) метафизическое – несовершенство ноуменального (то есть сверхчувственного) и пространственно-временного аспекта бытия; 2) физическое – изменение вещественных субстанций, приводящих к страданию; 3) нравственное – грех, т.е. сознательное или бессознательное противление абсолютной воле [6, с. 15]. Зло в древнерусском сознании являлось конечным по своей сути: «В древнерусском философском представлении зло не входило в замысел творения. Поэтому у зла нет изначального бытия, отсюда зло как существующее по собственной природе не имело существования в прошлом, не существует в подлинном смысле в настоящем и бытие его конечно» [6, с. 24]. Подтверждение выводам философа мы находим в Ипатьевской летописи, весь текст которой пронизывает мысль о конечности зла, о грядущем Страшном Суде и последующем наказании всех неверных. Все, что имеет отношение к злу (злые люди, враги, распри между братьями и др.), – все это, по мысли летописца, будет уничтожено силами Добра. Таким образом, очевидна установка древнерусского сознания на торжество Блага (Добра), т.е. Бога.

Значения существительного *зло*, представленные в исторических словарях, можно разделить на несколько групп: 1) ‘все дурное, плохое, злое (противоп. добро)’; 2) ‘противозаконный поступок, грех, вина’; 3) ‘несчастье, беда, пагуба, напасть’; 4) ‘злость, злоба, вражда’; 5) ‘вероотступничество, еретичество’; 6) ‘обида’. Необходимо отметить, что этимологическое значение, а именно значение кривизны, кривого пути (т.е. пути неправильного), уже в древнерусском языке практически утрачено. Близкими к нему являются значения ‘противозаконный поступок, грех’ и ‘вероотступничество, еретичество’, которые несут в себе семантику ‘кривого пути’, т.е. пути, отклоняющегося от верного направления. Как отмечает В.В. Колесов, происходило постепенное разрушение первоначально слитного (синкретичного) представления о зле. Сначала из туманности первоопределения возникает зло как грех (уже в текстах XI в.), затем с конца XIII в. становится ясным, что беда – еще одна конкретная ипостась зла, которая обнажилась с нашествием иноземников. На всех этапах развития семантики слова *зло* важно, что оценочных градаций для данного понятия нет: зло всегда – не добро [3, с. 126].

Древнерусское слово было синкретичным по своей сути, поэтому нередко под злом понималась вся отрицательность окружающего мира, однако в контекстах Ипатьевской летописи значение ‘дурное, плохое, вредное’ конкретизируется. Так, например, *зло* обозначает плохой, дурной (с точки зрения средневековой морали) поступок человека: *мы же зло створили есмы кнАзА своего прогнавшие* (Ипатьевская летопись, л. 64), *и рече сего не было есть оу русьскои земли ни при дБдехъ наши(х) и при вщихъ нашихъ сАкого зла* (Ипатьевская летопись, л. 90) и др. Злость, злоба и вражда в представлении древних русичей – также чувства вполне конкретные, возникающие в определенных ситуациях и приводящие к плохим последствиям: *больше зло въстанеть в насъ и начнетъ братъ брата заколати и погыбнетъ земля русьская* (Ипатьевская летопись, л. 90). Значение ‘несчастье, беда, напасть, пагуба’ чаще

всего реализуется в контекстах, где речь идет о конкретном событии, произошедшем в том или ином году: *сего ради во праздники б(ог)ъ намъ наводитъ сѣтованье якоже сА створи в се лѣто первое зло на вознесенье оу треполА* (Ипатьевская летопись, лл. 81 об.-82). Зло как обида встречается редко: *и начаху роптати на кнАзА гл(аголУ)ще зло есть нашимъ главамъ да намъ ясти древАными лжицами а не сребрАными* (Ипатьевская летопись, л. 47 об.). Фрагмент, приведенный ниже, представляет уже религиозное сознание, христианскую идеологию. В таких фрагментах зло понимается как ‘противозаконный поступок, грех’: *бѣс(ы) бо потокише и на зло ввводАть и по сем же насмихающеА вринуша и в пропасть см(е)ртъную наоучивше и гла(гола)ти* (Ипатьевская летопись, л. 65). Зло, на которое провоцируют бесы человека, есть не что иное, как грех, который приводит человека к гибели. Слово *бесы* указывает на трансляцию в данном фрагменте христианских идей.

Итак, в языковом сознании средневекового человека зло было связано прежде всего с конкретными аморальными поступками, поскольку в человеке как в существе не небесном, а земном всегда присутствует и темная сторона, сторона зла. После принятия христианства зло персонифицировалось и воплотилось в фигуре Дьявола (Сатаны). Дьявол и его слуги находятся рядом с человеком, провоцируя его на совершение злых дел и заставляя его свернуть с праведного пути. Нами выявлено, что в тексте Ипатьевской летописи отражается усложнение семантической структуры слова *зло*: идея ‘кривизны, кривого пути’, то есть пути неправильного, трансформируется, зло начинает обозначать нечто ‘плохое, дурное’, затем значение конкретизируется, под злом начинают понимать ‘плохой, дурной поступок’, а затем уже – ‘грех, противозаконный поступок’. Конкретизация значения связана с особенностями сознания древнерусского человека: для того, чтобы объяснить, что такое зло, необходимо было воспринять абстрактную категорию через призму материальности.

Таким образом, представление о зле в древнерусском сознании постепенно трансформируется: из сферы синкретичного оно начинает переходить в более конкретный план, формируется дискретное восприятие действительности. Зло уже не понимается как нечто абстрактное, происходит смысловое развитие от идеи кривизны, наличия чего-то, что выходит за рамки общепринятого, к греху как к одному из основных понятий христианства. Данное развитие происходит через осознание того, что такое плохой поступок. Мы можем представить данное движение в представлении о зле в следующей схеме: искаженность, кривизна (т.е. нечто плохое, дурное, выходящее за рамки нормы) > плохой, дурной поступок > грех. Зло начинает пониматься как грех, конкретный поступок, противоречащий закону Божьему. Безусловно, можно говорить о том, что на такое изменение повлияло христианское вероучение. Им же продиктована и прагматическая, дидактическая направленность летописей: зло – неверный, кривой путь, благо – единственно верный путь.

Значения существительного *грех*, приведенные в исторических словарях, можно разделить на несколько групп: 1) ‘ошибка, проступок, погреш-

ность'; 2) 'наказание'; 3) 'вина'; 4) 'грех, нарушение религиозных предписаний'; 5) 'несчастье, беда'. Понятие *грех* неразрывно связано с поступком человека. Именно из-за совершения греха человек был изгнан из рая, однако не стоит забывать и о том, что люди созданы по образу и подобию Бога. Следовательно, Бог-сын подобен человеку во всем, кроме греха. Отсутствие греховности в Боге лишней раз указывает нам на темную, дьявольскую природу греха, ведь в Боге, как и во всем добром, светлом, греха быть не может.

Грех как 'ошибка, проступок', 'несчастье, беда', 'наказание' в ПВЛ отмечаем лишь в единичных случаях. Например, значение 'проступок' обнаруживаем во фрагменте из договора между русскими и греками, где речь идет о невыполнении договора и нет ничего, что бы указывало на религиозный подтекст: *аще оударитъ мечемъ или копьемъ или кацьмъ любо вружьемъ Русинъ Гръчина или Гръчинъ Русина да того дѣла грѣха заплатитъ сребра литръ .с. по закону Рускому* (Лаврентьевская летопись, л. 13 об.). Доминирующим же является значение 'нарушение религиозных предписаний', т.е. грех чаще всего понимается как поступок, противный закону Божьему, причем во многих случаях *грех* в этом значении встречаем в цитатах из прецедентных текстов: *яко же пр(о)р(о)къ реч(е) въскронлю на воду ч(и)стоту ич(и)ститесА ит идолю ваших и грѣхъ ваших* (Ипатьевская летопись, л. 45); *яко же въщаше ап(осто)лъ иде же оумножисА грѣхъ тоу изобильствуеъ бл(а)г(о)д(а)ть* (Ипатьевская летопись, л. 49). Последний пример обнаруживаем в некрологе князю Владимиру, который, как говорит летописец, *бѣ прежде в поганьствѣ ... но послѣди прилежа к покаяню*, т.е. когда Владимир был язычником, он грешил, однако впоследствии покаялся, приняв христианство. Здесь *грех* – все то, что является нарушением заповедей, вина перед Богом. В данном некрологе употребление слова *грех* и его производных частотно, *сѣгрѣшениА, грѣшникъ, грѣхы, сѣгрѣшилъ* встречаются наряду с такими словами, как *правда, праведнии, праваго пути, бл(а)г(о)д(а)ть* и др. Такое употребление говорит о вполне конкретной цели летописца: раскрыть темную сторону греха в сопоставлении со светом веры, ее благодатью. Целью прославления, восхваления христианства здесь и продиктовано столь частое употребление слов с корнем *-грѣх-*.

С одной стороны, грех – абстрактно понимаемое нарушение религиозных норм, с другой – это конкретные поступки людей, а значит, грех складывается из грехов же: *и к симъ воздержанье имѣти ит многого брашна въ ядени бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии помыслом же въздрастѣшим ствараетсА грѣхъ* (Лаврентьевская летопись, л. 62). Помыслы лукавые – то, что связано с дьяволом, – прямая дорога к греху. Как правило, в различных комментариях, рассуждениях, сопровождающих рассказ об исторических событиях, очень четко обозначена авторская позиция: *грѣхъ же ради нашихъ пусти Б(ог)ъ на ны поганья* (Лаврентьевская летопись, л. 56 об.). Именно за грехи Бог посылает народам испытания, лишения: смерть, голод, нашествие поганых, засуху и т.д. Бог испытывает людей для того, чтобы они покаялись в своих грехах. Только через покаяние возможно прощение людям всех их грехов.

Таким образом, слово *грех*, репрезентирующее представление о зле в текстах летописей, употребляется в большинстве случаев в значении ‘поступок, противный закону Божию, вина перед Богом’. Это объясняется прагматической направленностью летописей в целом: идея об утверждении христианской морали и ее основных заповедей диктует употребление слова *грех* именно в указанном значении. Кроме того, в летописях прослеживается мысль о наказании за нарушение заповедей, о божьей каре.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что тексты летописей содержат признаки творческого переосмысления семантики слов, обозначающих ключевые понятия древнерусской языковой картины мира. Трансформация лексического значения таких слов связана с освоением их смысловой структуры автором, являющимся носителем не только обыденного (мифологического), но и религиозного (христианского) сознания. Практически каждый значимый исторический эпизод мы видим в летописи сквозь призму христианской оценки. Использование языковых единиц в том или ином контексте продиктовано их прагматикой: летописцу было важно донести до читателя идею о том, что человеку следует жить по законам Божиим и соблюдать все религиозные предписания, поскольку противник Бога, Дьявол, как и его слуги, бесы и вся нечисть, всегда находятся рядом с человеком, провоцируя его на совершение злых дел и заставляя его свернуть с праведного пути. Поэтому очень часто рядом с такими словами, как *Бог, благо, ангелы, благодать* и др., в тексте летописи встречаются единицы, обозначающие зло: *Дьявол, бесы, грех* и многие другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М.: Индрик, 1998. 236 с.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филологический факультет С.-Петербур. гос. ун-та, 2001. 304 с.
4. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
5. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 48 с.
6. Щеглов А. П. Философские аспекты древнерусских представлений о природе зла [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Выпуск № 47. Том 9. С. 14–26. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-drevnerusskih-predstavleniy-o-prirode-zla#ixzz4EGbvtvY4> (дата обращения: 15.05.2016).

L.F. Kilina, O.G. Ushakova

SEMANTIC EVOLUTION OF WORDS *BENEFIT*, *EVIL*, *SIN* (ON MATERIAL OF THE RUSSIAN CHRONICLES)

The article analyses the lexical units which represent such key Christian concepts of Russian chronicles as *benefit* (*good*), *evil*, and *sin*. The research of transformations of lexical meanings of the words functioning in texts of chronicles has shown that changes in semantics of the names under discussion are connected with learning of Christian terminology attributed by Old Russian speakers, as well as with shaping of value system of an Old Russian person. The linguistic analysis of annalistic texts allow to describe evolutionary processes in lexicon of Russian, to reveal features of language consciousness appropriate for the era of creation of these texts.

Keywords: chronicle, Old Russian, consciousness, context, value.

Килина Лилия Фаатовна, кандидат филологических наук, доцент
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: kilin_74@mail.ru

Kilina L.F., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: kilin_74@mail.ru

Ушакова Оксана Геннадьевна, кандидат филологических наук
Университет им. Масарика (Чехия)
E-mail: oxinity@gmail.com

Ushakova O.G., Candidate of Philology
Masaryk University (Czech Republic)
E-mail: oxinity@gmail.com

УДК 81-114.2

Т.Р. Копылова

ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ТЕРМИНА *ВОКАЛИЗОВАННАЯ / НЕВОКАЛИЗОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ*

Проблема введения термина вокализованной / невокализованной коммуникации возникла в контексте изучения молчания. В современных лингвистических исследованиях тезис о молчании как о невербальной коммуникации, как оппозиции речи неоднократно подвергался сомнению. Ученые приходят к выводу о замещающей функции молчания. В потоке речи молчание способно замещать как невербальные паралингвистические элементы, так и вербальные, когда молчание берет на себя функции говорения; произнесенное слово так же значимо, как и слово произнесенное. Данное открытие актуализирует проблему уточнения категориально-понятийного аппарата, где отсутствует единица, фиксирующая в научном языке явление невербальной коммуникации без внешней выраженности. В статье рассматриваются варианты терминологического обозначения данного явления, вводятся понятия вокализации, вокализованной / невокализованной коммуникации, рассматривается структура коммуникации в связи с введением нового термина.

Ключевые слова: коммуникация, молчание, вербальная / невербальная коммуникация, вокализация, вокализованная / невокализованная коммуникация.

Проблема введения нового термина *vocal / non-vocal communication* связана с изучением молчания в структуре общения, а именно с принадлежностью молчания к вербальной или невербальной коммуникации. Традиционное рассмотрение молчания как невербальной коммуникации обусловлено тем, что пауза (молчание) является общепризнанным паралингвистическим компонентом. Однако современные исследования позволяют говорить о многофункциональности молчания, а следовательно, о разветвленной системе видов данной категории. В самом общем виде молчание выполняет функцию некоего заместителя. В контекстах (1, 2) видно, как молчание, обусловленное сильными эмоциями, замещает паралингвистический элемент *крик* – естественную реакцию человека в состоянии страха, отчаяния.

(1) *Буфетчик что-то буркнул и быстро пошел вниз. Голове его было почему-то неудобно и слишком тепло в шляпе; он снял ее и, подпрыгнув от страха, тихо вскрикнул. В руках у него был бархатный берет с петушиным потрепанным пером. Буфетчик перекрестился. В то же мгновение берет мякнул, превратился в черного котенка и, вскочив обратно на голову Андрею Фокичу, всеми когтями вцепился в его лысину. Испустив крик отчаяния, буфетчик кинулся бежать вниз, а котенок свалился с головы и брызнул вверх по лестнице (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

(2) *Я вздрогнул... Мне почудился скрип отворяющейся двери, потом легкий треск переломанного сучка. Я в два прыжка спустился с развалины – и замер на месте. Быстрые, легкие, но осторожные шаги неслышно раздавались в саду. Они приближались ко мне. «Вот он... Вот он, наконец!» – про-*

мчалось у меня по сердцу. Я судорожно вынул нож из кармана, судорожно раскрыл его – какие-то красные искры закрутились у меня в глазах, **от страха и злости** на голове зашевелились волосы... Шаги направлялись прямо на меня... (И.С. Тургенев. Первая любовь).

Молчание с выраженной замещающей функцией в потоке речи способно выступать и заместителем слова. И невысказанное слово так же значимо, как и слово сказанное, произнесенное.

(3) Я взял записку. На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю – нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали **одно слово, одно только слово** – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!» **Одно слово**... О, я безумец! **Это слово**... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я **не сказал ей, я не сказал его ей, что я люблю ее**... (И.С. Тургенев. Ася).

Подобные контексты позволяют рассматривать молчание в структуре вербальной коммуникации. Молчание противопоставлено не речи, а одному из ее видов – говорению; несказанное противопоставляется сказанному. Таким образом, полное описание молчания категориями *вербальная коммуникация / невербальная коммуникация* представляется невозможным, т.к. отсутствует единица, фиксирующая в языке науки речевой элемент, не имеющий внешнего выражения. В зарубежной лингвистике данную недостаточность сложившегося категориально-понятийного аппарата разрешают с помощью введения новой терминоединицы – *vocal*, различая речь (говорение) как *vocal communication* и молчание как *non-vocal communication* [14, 15].

Словари предлагают несколько вариантов перевода слова *vocal* на русский язык: *вокальный, звучащий, устный, сказанный* и др. Употребление единиц с корнем *вокал-* характеризует прежде всего музыкальный дискурс, что и отражено в словарях русского языка: «Вокальный, -ая, -ое [от лат. *vocalis* -звучный; поющий] – относящийся к пению, предназначенный для пения; певческий. *В-ое исполнение. В-ое искусство. В-ая музыка*» [6]; «вокальный – певческий, относящийся к пению» [9].

Анализ толковых словарей английского языка говорит о том факте, что единица *vocal* была заимствована русским языком с ограниченными компонентами значения, в основном с компонентом, связанным с пением, вокальным искусством. В английском языке единица *vocal* многозначная, вбирающая в себя значения, указывающие на выражение с помощью человеческого голоса, с помощью слов ('relating to the human voice', 'used in the production of speech sounds' 'usually around the normal vocal range of human voices', 'utter (a sound or word)' [16]. Отсюда к синонимам относятся единицы *vocalized, voiced, spoken, said, uttered, expressed, articulated, oral, by mouth*. Именно эти компоненты значения и позволили ввести Л. Маландро, а вслед за ней и другим исследователям, термины *vocal* и *non-vocal communication*, разграничивающие вербальную коммуникацию с участием голоса и вербальную коммуникацию без участия голоса [14, 15]. С учетом вышесказанного выделим ва-

рианты, соответствующие термину *vocal*, в русском языке: (коммуникация) *голосовая, звуковая, звучащая, вокализованная* и т.д.

При выборе единицы для термина считаем целесообразным опираться, во-первых, на принципы и критерии отбора терминов в отечественной науке, во-вторых, на традицию в гуманитарных науках, в частности в филологии. Также важно при выборе единицы сохранить ту мысль, которую вкладывали исследователи молчания, обозначая его как *verbal non-vocal*: молчание как коммуникативная деятельность, как действие, как акт без фазы говорения.

Из основных свойств термина, выделенных в отечественной науке, отметим целенаправленность, т.е. стремление термином обозначить то или иное явление, описанное в науке; содержательную точность, т.е. четкость, ограниченность значения термина, обусловленные научным определением (дефиницией); независимость от контекста, однозначность; полнзначность, т.е. отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия; степень унифицированности [2, 7, 8]. Данные свойства определяют требования к выборам языковой единицы с целью адекватного перевода термина *vocal / non-vocal communication*.

Единица *звуковой* указывает на признак; прилагательное к существительному *звук* в значении (1) 'то, что слышится, воспринимается слухом: физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды' [10]. В исследованиях, посвященных коммуникации, звук, звуковые элементы изучаются с точки зрения их способности нести определенную информацию. Так, в работах Г.Е. Крейдлина *звуковые коды* невербальной коммуникации составляют основу паралингвистики. Причем, из определения паралингвистики видно, что звуковые коды не входят в понятие речевых кодов: «под паралингвистикой понимается наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык – *дополнительные к речевому звуковые коды*, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [4, с. 27]. Речевые и звуковые коды обозначены исследователем как явления разного порядка: *речевое и звуковое сопровождение, речевые и звуковые последовательности, звуковые и речевые аналоги* и т.д.; это подтверждается и контекстуальной синонимией: *звуковые коды – звуковые элементы (единицы) – параязыковые элементы (единицы) – производительные единицы*. Таким образом, единица *звуковой* употребляется в контексте невербальной коммуникации, противопоставлена единице *речевой*, связана со звуками, издаваемыми человеком (но не со словом, это неречевые звуки), способными нести в ходе коммуникации определенную смысловую нагрузку. *Звуковой* может характеризовать и явления чисто физиологического порядка (кашель, чихание и т.д.).

Единица *голосовой* указывает на признак; прилагательное к существительному *голос* в значении (1) 'совокупность звуков, возникающих в результате колебания звуковых связей'. В отличие от единицы *звуковой*, единица *голосовой* связана именно с человеческим голосом: «в ходе коммуникативно-

го взаимодействия актуальным становятся *голос* и его постоянные качества, *голосовые особенности* звучащей речи или игры *голосом (фонации)*, а также параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации» [Там же, с. 28]. Кстати, в своих работах Г.Е. Крейдлин рассуждает о виде коммуникации, обозначенном Л. Маландро как *vocal verbal communication*, называя его *голосовое коммуникативное поведение, голосовая деятельность*, но тут же и отмечая, что понятие *голосовой* намного шире, чем *речевой*: «Коммуникативное, в частности *голосовое*, поведение человека – это не только адресованное собеседнику повествование человека о себе самом, то есть о том, кто он есть вообще, в каком состоянии сейчас находится, какие испытывает чувства или что делает или готовится сделать, но и направленная адресату просьба или команда, в которой говорящий сообщает о том, как он хочет, чтобы воспринимали его и, возможно, его окружение. Человеческое ухо, как известно, способно при этом различить сотни тысяч звуков голоса, из которых лишь несколько тысяч принадлежат естественному языку... Человеческий голос производит много звуков, не входящих в систему языка, но означиваемых в процессе коммуникации и образующих фонд паралингвистики» [Там же, с. 44].

Таким образом, понятие *голосовой* уже, чем понятие *звуковой*, но шире, чем *речевой*. Единицы *звуковой, голосовой* не могут адекватно отражать суть *vocal verbal communication*.

Единицы *звучащий* – действительное причастие настоящего времени от глагола *звучать* в значении (1) ‘издавать, производить звуки’, (3) ‘выражать что-н. звуками’ [10]. В описании коммуникации сочетание *звучащая речь* является достаточно частотным. См., например, рассуждения Б. Гаспарова об отличии вокализации от звучащей речи, звуковом воплощении речи, или И.А. Зимней о внешней, звучащей, и внутренней речи и т.п. Отметим, что поле значений единицы *звучащий* шире, чем поле значений *речевой*; в научных контекстах *звучащий* не является терминологической единицей [1, 3].

Единица *вокализованный* – страдательное причастие от глагола *вокализовать*. Данный глагол характеризуется неустоявшимся функционированием, не зафиксированным словарями. Анализ контекстов позволяет сказать, что употребление единицы *вокализовать* присуще профессиональной речи (в основном речи музыкантов), связано с мастерством вокала:

(4) *Основной приём, которым мы пользовались, чтобы перевести испытуемых на этот дальнейший этап, состоял в следующем. После того как "подстраивание" голоса к высоте эталона полностью налаживалось и испытуемый включал в процесс сравнения звуков по высоте громкое пропевание, мы предлагали ему начинать **вокализовать** высоту лишь после того, как подача звука-эталона прекращалась. Как показал анализ, этим мы не просто вовсе исключали вокальное действие в момент восприятия звука, а лишь затормаживали его, превращая его в акт предварительной беззвучной настройки голосового аппарата на высоту эталона* (А.Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека).

В примере (5) глагол *вокализовать* употребляется в значении ‘проявить себя голосом, речью’:

(5) *Мы продолжали с ним препираться еще несколько минут, в течение которых к дискуссии подключались другие, менее прописанные предыдущими обстоятельствами персонажи, и вся моя так называемая лекция благополучно летела коту под хвост. Среди раздающихся со всех сторон голосов звучали и такие, о существовании которых я узнавал обычно только во время экзамена. Эти искренне радовались единственной возможности **вокализовать** свое присутствие и, скорее всего, издавали вполне бессвязные реплики (Андрей Геласимов. Рахиль).*

Производные от *вокализовать* употребляются в описании коммуникации животных в значении ‘использование голоса для обмена информацией’:

(6) **Вокализация** дельфинов хаотична и случайна, в ней невозможно вычленишь инварианты, которые можно было бы считать сообщениями, имеющими определенный смысл.

В качестве терминологической единицы *вокализовать* и ее производные употребляются в психологии, лингвопсихологии, в физиологии человека при описании порождении речи:

(7) *Строение верхних дыхательных путей обеспечивает не только проведение воздуха в легкие и обратно, но и выполнение одной из важнейших для человека функций – создание голоса. Это обеспечивается: а) особенностями строения гортани б) наличием резонаторов в) способностью управлять скоростью движения воздуха г) способностью контролировать положение и натяжение голосовых связок положением губ, мягкого неба. **Вокализация** включает два взаимосвязанных процесса: фонации и артикуляции (Энциклопедия по физиологии человека).*

В языкознании функционируют термины с корнем *вокал-*: 1) **вокализм** в соответствии с исконным значением лат. *vocalis* ‘гласный звук’ фиксирует явление, определяющееся как «система гласных в языке, диалекте, говоре или семье, группе языков» [12], 2) **вокализация** – огласовка, произнесение («произнести – сказать, выговорить, проговорить» [9]). В Лингвистическом энциклопедическом словаре данная единица употребляется в значении ‘способ произнесения, характер звучания’ при описании звуков тех или иных языков. Вокализация рассматривается вне контекста человеческого общения, практически является синонимом фонации – «(от греч. *phōnē* – звук, голос) – 1) звукообразование, совместная работа произносительных органов во время производства звуков речи, а также ее результат – само воспринимаемое слухом звучания речи; 2) качество звука речи, или целого слога, обусловленное необходимой для его произнесения работой гортани» [12].

Преодолеть некую узость в понимании вокализации пытается Б. Гаспаров, отталкиваясь от тезиса, что вокализация – это не только фонация, не только звуковое воплощение речи. С его точки зрения, вокализация имеет место быть и при внутренней речи, и при чтении, что позволяет ввести понятия внешней и внутренней вокализации, в равной степени характеризующиеся интонационными характеристиками, ударением, паузой, темпом. Все это создает уникальный культурно обусловленный тип фразы, обладающий высокой комму-

никативной ролью, узнаваемый и интерпретируемый всеми носителями той или иной лингвокультуры [1].

В контексте исследований коммуникативной деятельности человека акцент от физиологии порождения речи («вокализация включает два взаимосвязанных процесса: фонации и артикуляции» [11]) перемещается к речи как к «способу формирования и формулирования мысли посредством языка субъекта деятельности в его вербальном общении» [3, с. 34], и вокализация обозначает выраженность внешней устной речи, в некоторых случаях – внешней письменной.

Таким образом, в рамках исследований коммуникации понятие вокализации сужается: это уже не просто произнесение звуков, физиология порождения звука, его характеристика. С точки зрения коммуникативного подхода исследователям интересны звуки, способные создавать, нести информацию и быть интерпретируемыми.

Исходя из вышесказанного, обозначим *вокализацию* как процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи (параязыка); как акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи. Как и весь процесс порождения речи, вокализация является частью коммуникативной деятельности человека. Коммуникация, в ходе которой обмен информацией происходит посредством голосовых элементов, может быть обозначена как *вокализованная коммуникация*. Вокализованная коммуникация, осуществляющаяся с помощью речевого кода, – *вокализованная вербальная коммуникация*; с помощью неречевого звукового кода – *вокализованная невербальная коммуникация*. Вербальная коммуникация без завершающей стадии порождения речи произнесения, без внешней выраженности – *невокализованная вербальная коммуникация*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: “Новое литературное обозрение”, 1996. 352 с.
2. Давлетукаева А. Ш. Связь лексических значений терминов с концептами, развитие терминов. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4597 (дата обращения: 01.09.2014).
3. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
5. Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. Тр. Тверь: ТвГУ, 1993. С. 50-67.
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА+ИНФРА, 1999. 560 с.

8. Лату М. Н., Раздубев А. В. Терминоведение: частные вопросы развивающихся терминологий : учеб. пособие к лекционному курсу «Общие и прикладные аспекты терминоведения». Пятигорск, 2011. 132 с.
9. Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения // дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2003. 177 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Почепцов Г.Г. Молчание как речевой акт // Сб. науч. Тр. МГПИИЯ им. Мориса Тереза. Вып. 252. М., 1985. С. 43 – 52.
12. Энциклопедия физиологии человека. URL: <http://www.medweb.ru/encyclopedias/anatomija/articles/fiziologija-razvitiiecheloveka> (дата обращения 28.08.2016).
13. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 687 с.
14. Bruneau T. Silence, Silences and Silencing // Encyclopedia of Communication Theory. Sage Publication, Inc, 2010. PP. 881 – 886.
15. Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam / Philadelphia: 1998. 336 p.
16. Malandro, Loretta A., Larry Barker, Deborah A. Barker. Nonverbal Communication. 2nd ed. New York: Random House, 1989. 330 p.
17. Oxford Dictionaries (British & World English). URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения 28.08.2016).

T.R. Kopylova

THE PROBLEM OF INTRODUCING THE TERM *VOCAL / NON-VOCAL COMMUNICATION*

The problem of introducing the term vocal/non-vocal communication arose in the context of studying silence. The thesis of silence as a non-verbal communication and an opposition to speech has repeatedly been disputed within the framework of the modern linguistic research. Scientists have come to conclusion that silence has a substitute function. Silence in a speech flow can substitute both non-verbal paralinguistic elements and verbal ones where silence undertakes the function of speaking. Thus, an unspoken word is as important as a spoken one. This finding foregrounds the issue of the framework of categories and concepts which has no unit in the scientific language that fixes the phenomenon of verbal communication without any external manifestation. This article considers various options of a term that may designate this phenomenon, introduces such concepts as vocalization, vocal/non-vocal communication, and studies the structure of communication because of the introduction of the new term.

Keywords: communication, silence, verbal communication, non-verbal communication, vocalization, vocal/non-vocal communication.

Копылова Татьяна Рудольфовна, кандидат филологических наук, доцент
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: k_tatiana4@mail.ru

Копылова Т.Р., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: k_tatiana4@mail.ru

УДК 81'373.217(23)

М.Г. Милютина

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБСТАНТИВАТА ЛУЧШЕЕ)

В статье на примере субстантивата «лучшее» обсуждается проблема перехода прилагательных в превосходной степени сравнения в существительные. Указывается, что грамматические характеристики субстантивата «лучшее» изменились лишь частично: градационное значение превосходной степени полностью сохраняется, поэтому данный субстантиват является синкретичным по своей семантике, а его переход в существительное является частичным. Доказывается, что субстантиват «лучшее» в современном русском языке активно используется в разных функциональных стилях речи и является более частотным, чем соответствующее прилагательное в превосходной степени сравнения.

Ключевые слова: транспозиция, субстантивация, лучшее, лучшее из лучших, самое лучшее.

*Светлой памяти Учителя,
Александра Владимировича Бондарко.*

Исследователи считают субстантивацию прилагательных в русском языке активным многоступенчатым семантическим процессом, охватывающим широкий спектр явлений. Проблема, которая будет обсуждаться в статье, отнюдь не нова для языкознания, она не раз привлекала внимание учёных разных поколений, о чём свидетельствует большой объём научной литературы, а также множество подходов и концепций.

Субстантиватами называют существительные, произведенные способом субстантивации и склоняющиеся по адъективному типу. Этот термин был предложен В.В. Лопатыным вместо термина «субстантивированное прилагательное (причастие)» [9].

Термин *субстантивация* используется и в словообразовании, и в морфологии. При этом в морфологии субстантивация трактуется, прежде всего, как один из процессов взаимодействия частей речи, один из типов функциональной транспозиции. Наши дальнейшие рассуждения будут лежать именно в морфологической плоскости.

Исследования, касающиеся грамматической стороны субстантивации, были осуществлены в работах А.А. Потевни, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и др. Вопросами субстантивации в разное время и в разных аспектах занимались такие современные исследователи, как В.В. Лопатин [9], И.Ф. Протченко [12], М.Ф. Лукин [10], О.М. Ким [7], В.В. Шигуров [18], У.Н. Фысина [16] и др.

В настоящее время существует мнение, разделяемое многими исследователями: субстантивация – сложное лексико-грамматическое явление, вызы-

ваемое комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка.

Следует отметить, что вывели нас на проблему, обозначенную в названии статьи, данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), показавшие неожиданно большое количество контекстов, в которых словоформа *лучшее* употребляется именно в функции существительного, а не прилагательного. Наше внимание к субстантивату *лучшее* привлекли следующие моменты: во-первых, интерес к функциональному аспекту, обусловившему его появление и употребление в речи; во-вторых, малая изученность именно такого типа субстантивации – переход в существительное прилагательного не в положительной, а в превосходной степени сравнения. В частности, рассматриваемый нами тип субстантивации не получил освещения в таких современных работах, как [17], [1], [16].

На случаи субстантивации прилагательных в сравнительной и превосходной степени указывал ещё Якоб Гримм в работе «Немецкая грамматика» [20]. Это может свидетельствовать о том, что данный тип субстантивации не является прерогативой а) только русского языка, б) только современного языка.

Причиной возникновения переходности является желание носителей языка выразить мысль точнее, ярче и лаконичнее. Это как нельзя лучше, на наш взгляд, объясняет появление субстантиватов в следующем примере: «*Лучшее враг хорошего*». Согласно данным «Энциклопедического словаря крылатых слов и выражений» [19], афоризмом данное выражение стало после выхода в свет романа Вольтера «Недотрога».

В приведённом примере обнаруживаем один субстантив – *враг*, и два субстантивата – *лучшее* и *хорошее*. При этом и в том, и в другом случае в качестве субстантивата функционирует существительное среднего рода. Оба субстантивата являются оценочными по своему лексическому значению и явно не имеют формы множественного числа, а потому могут быть отнесены к лексико-грамматическому разряду абстрактных существительных.

Как отмечают исследователи, для субстантивации характерен семантический сдвиг, сопровождающийся частью грамматических изменений или изменений в полном объеме. Грамматические характеристики субстантивата *лучшее* изменились лишь частично: градационное значение превосходной степени полностью сохраняется: именно на противопоставлении положительной и превосходной степени сравнения выстроена в данном случае антитеза. Слово *лучшее*, как, впрочем, и *хорошее*, стало в результате перехода синкретичным по своей семантике [1, с. 88]. Не случайно О.М. Ким отмечает, что транспозиция прилагательного в существительное – это своеобразная конденсация признаков прилагательного и существительного в одном субстантиве [7, с. 22].

Как известно, все субстантиваты могут быть подразделены на *узусальные* (с полным и частичным переходом в другую часть речи) и *окаzionaliальные* (*контекстуальные*); см., например: [13]. При этом принадлежность суб-

стантивата к первой или второй группе можно определить, опираясь на данные толковых словарей современного русского языка. Что мы и сделали.

Оказалось, что на существование субстантиватов *лучший* (м.р.), *лучшая* (ж.р.) и *лучшее* (ср.р.) указывает уже «Словарь русского языка» 1986 года (далее – МАС): «2. Превосх. ст. к прил. хороший; самый хороший. – *Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца. Лермонтов. Княжна Мери... / в знач. суц. лучший, -его, м.; лучшая, -ей, ж.; лучшее, -его, ср. Всё, чем мы в жизни дорожили, Что было лучшего у нас – Мы на один алтарь сложили – И этот пламень не угас! Н. Некрасов, Три элегии. [Павлуша Войтек] был на редкость искренний, прямой, благородный человек. Мы на него всегда смотрели как на лучшего из лучших.* Фурманов. Мятёж» [14, с. 206].

При этом, как видим, обозначенные субстантиваты ещё не вынесены лексикографами в самостоятельную словарную статью, из чего можно заключить, что они оцениваются как контекстуальные (оказиональные). Хочу обратить внимание на второй пример (из «Мятёжа» Д. Фурманова). Дело в том, что перед нами здесь не однословный субстантиват, а субстантивированное устойчивое цельное словосочетание *лучший из лучших*.

Вернёмся к словарям. В «Большом толковом словаре русского языка» (далее – БТС) под редакцией С.А. Кузнецова [2, с. 508] и в «Современном толковом словаре русского языка» (далее – СТСРЯ) [15, с. 327] возможные субстантиваты превосходной степени прилагательного *хороший* отражены так же, как в МАС (1986), они ещё не вынесены в самостоятельную словарную статью.

Однако в БТС в редакции 2014 года обнаруживаем уже отдельные словарные статьи как для субстантивата среднего рода, так и для субстантивата мужского рода:

«ЛУЧШЕЕ, -его; ср. То, что лучше всего, самое хорошее. *Всё лучшее отдадим детям. Всё к лучшему делается. Оставляет желать лучшего что-л.* (о том, что требует усовершенствования, улучшения и т.п.). *Всего лучшего (разг.;= до свидания, прощайте)».*

«ЛУЧШИЙ, -его; м. Тот, кто лучше всех, самый хороший. *На фронте погибали лучшие. <Лучшая, -ей; ж.>*» [3].

Указан в словаре, как видим, правда, без примеров, и возможный субстантиват женского рода.

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (далее – НСРЯ) также обнаруживаем как субстантиват мужского рода, так и субстантиват среднего рода, правда, в отличие от БТС, оба с пометой *разговорное*:

«Лучший. I. М. разг. Тот, кто лучше всех; самый хороший. II. Прил. Сравн. ст. прил.: хороший. 2. Превосх. ст. прил.: хороший. III. Лучшее. Ср. разг. То, что лучше всех; самое хорошее» [5].

Обратим внимание, что первым в словарной статье у Т.Ф. Ефремовой указано уже именно существительное *лучший*, а не сравнительная и превосходная степень прилагательного *хороший*. На самом деле этот словарь отчасти подтверждает речевую практику. По данным НКРЯ, контекстов с лексе-

мой *лучшее* (ср.р.), правда, а не *лучший* (м.р.), в функции существительного больше, чем контекстов с этой же лексемой в функции прилагательного. При этом следует отметить, что субстантиват *лучшее* встречается в текстах разных стилей (художественного, публицистического, разговорного), поэтому вряд ли эта тенденция характерна только для разговорного языка, например:

Есть и такие, которые во всем хотят видеть лучшее, и их сангвинический темперамент в самом тяжёлом положении всегда отыскивает какую-то формулу согласия с жизнью. (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)); НКРЯ.

Мы были молоды, полны надежд на лучшее, старались не пропускать ничего из того, что интересовало нас: театры, концерты, выставки... (И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)); НКРЯ.

[№ 4, муж] *А Стругацкие / исконно русские писатели / идущие от глубин отечественной прозы / и они не просто взяли лучшее / но развили и подняли на очень существенную высоту.* (Дискуссия о научной фантастике // Интернет, 1986-1990); НКРЯ.

В мужском роде – такие контексты единичны: *Лучший в фильме даже не людоед, а осёл, которого в оригинале озвучил Эдди Мерфи* (Детский сад (2002) // «Известия», 2002.02.14); НКРЯ.

Таким образом, в сегодняшних условиях языкового существования субстантиват среднего рода *лучшее* явно переместился из группы контекстуальных (окациональных) в группу узуальных. Однако полный переход слова *лучшее* из одной части речи в другую ещё далеко не завершён. Поэтому мы можем отнести анализируемое явление к области синхронной переходности, которая, по мнению В.В. Бабайцевой, обеспечивает системный характер языка и подчёркивает органические связи между единицами языковой системы» [1, с. 37].

Можно предположить, что закрепление позиций оценочной словоформы *лучшее* в качестве субстантивата в современном русском языке связано также с общим характерным для языка стремлением к гиперболизации, с активизацией в нём всяческих сверх-, супер-, гипер- и прочих «глобальных» слов и морфем. Так, Д.В. Гугунава относит производные с частями супер- и сверх-, выражающие высокую степень проявления признака, обозначаемого базовой основой, к числу наиболее востребованных в 90-е годы XX в. [4].

Как иллюстративные примеры толковых словарей, приведённые выше, так и данные НКРЯ свидетельствуют о том, что употребление субстантивата *лучшее* фиксируется уже в текстах 19 века. В НКРЯ, в частности, обнаруживаем следующий пример из поэзии Н.А. Некрасова:

*Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случилось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.*

(Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо (1865-1877)); НКРЯ.

Интересно, что субстантиваты подобного типа функционируют и в других языках, например, в современном английском. Так, в текстах совре-

менной рекламы на английском языке используется субстантиват the best (лучшее). Об этом пишет А.М. Игумнова. Исследовательница зафиксировала случаи субстантивации прилагательных в превосходной степени, которые переходят в разряд существительных при сохранении функции гиперболизации свойств рекламируемого товара и создания положительной атмосферы, например: «Style a new you every day. The new formula from the Wella experts ensures you get the best out of heat styling tools while protecting your hair» [6, с.39].

Представляется, что частотность в современном русском языке субстантиватов именно среднего рода (лучшее) не случайна. Структурно-семантические типы субстантивации обусловлены семантикой грамматического рода и числа. Это удалось доказать В.А. Чижовой в работе [17]. Исследовательница выделяет группу субстантиватов среднего рода с обобщенно-отвлеченным значением, полагая, что основное их значение закреплено за наименованием абстрактного носителя свойства. Важно, что в данном случае у исходного качественного прилагательного развивается интегрирующая, а не дифференцирующая функция [17, с. 7-8]. Не случайно, первой ступенью к появлению абстрактного существительного лучшее с обобщающим оценочным значением, очевидно, являются контексты с определительно-обобщительным местоимением всё:

Призрак абсолютной непознаваемости миропорядка будил Андрея Николаевича по ночам, и, в кромешной тьме добравшись до письменного стола, рвал он в тихой ярости попадавшиеся под руку бумаги и вышепывал проклятья. Всё лучшее осталось в прошлом! Как правильно рассчитал и продумал восемнадцатилетний мозг все варианты будущего! (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998); НКРЯ.

Как уже было отмечено, помимо субстантивированного прилагательного лучшее, в современном языке встречаются и субстантивированные словосочетания с этим словом, имеющие стилистический эффект гиперболизации: самое лучшее, лучшее из лучших:

Время жестоко и оставляет на плаву не всегда самое лучшее, а уж потомкам достаётся тяжкий труд по крупницам восстанавливать образ Помпей (Валерий Кичин. Сны о Помпее (2002) // «Известия», 2001.07.20); НКРЯ.

Что делать, если хочется иметь изысканную мебель и вещи, актуальные для любого времени и места? Ответ очевиден: выбирать лучшее из лучшего. Мебель с историей (Антиквариат будущего (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15); НКРЯ. Ю.П. Князев предполагает, что в качестве прилагательных превосходной степени сравнения сочетания типа *самый лучший* в современном русском языке звучат совершенно естественно, подтверждая свою точку зрения следующим примером: *Разве не культом самообладания порождена, к примеру, завидная способность англичан проявлять себя с самой лучшей стороны в самые худшие минуты жизни* (В. Овчинников. Сакура и дуб) [8]. Развивая мысль Юрия Павловича, можно отметить, что не менее естественно выглядят в современном русском языке и эти сочетания, и соче-

тания типа *лучшее из лучших* также в функции субстантивированного словосочетания.

В завершении статьи хочется вспомнить слова А.М. Пешковского, который писал: «...Слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и в связанных с ними ассоциативно словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую. Процесс этот вечен в языке, и в тех случаях, когда процесс для данного слова закончен, когда оно уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой „переходности“ не видим. Но когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести» [11, с. 142-143]. Переход словоформы *лучшее* из категории прилагательных в категорию существительных, со всей очевидностью, совершается на наших глазах, хотя, возможно, он начался ещё в 19 веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое изд.. СПб.: Норинт, 2000.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое изд. СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 12.03.2016).
4. Гугунава Д. В. Морфемный статус словных частей супер- и гипер-. Литературная критика, 18.12.2002 [Электронный ресурс] // Портал Проза.ру. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2002/12/18-67> (дата обращения: 12.03.2016).
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 12.03.2016).
6. Игумнова А. М. Лексико-морфологические средства гиперболизации в рекламных текстах англоязычных «Женских глянцевого» журналов // Вестник ЧелГУ. 2012. № 2. С.38–41.
7. Ким О. М. Функциональная морфология русского языка (семасиологический аспект). Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1988. 64 с.
8. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе [Электронный ресурс]. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с. *Studia philologica*. Режим доступа: <http://sci.house/yazyik-russkiy/grammaticheskaya-semantika-russkiy-yazyik.html> (дата обращения: 12.03.2016).
9. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 205–232.

10. Лукин М. Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Изд-во ДГПИ, 1973. 101 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
12. Протченко И. Ф. О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М.: Наука, 1971. С.230–235.
13. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология [Электронный ресурс]. М.: Изд-во МГУ; ЧеРо, 1997. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/russkiy-yazik-2/139.htm> (дата обращения: 12.03.2016).
14. Словарь русского языка в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык. 1985–1988. Т.2. 1986.
15. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001.
16. Фысина У. Н. Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 196 с.
17. Чижова В. А. Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.
18. Шигуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: учеб. пособ. Саранск: Изд-во Саранского ун-та, 1988. 87 с.
19. Лучшее // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. М.: Локид-Пресс. Вадим Серов. 2003. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1390/ (дата обращения: 12.03.2016).
20. Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen. IV. Teil, 1837.

M.G. Milyutina

SUBSTANTIVATION SUPERLATIVES COMPARISON (ON THE EXAMPLE OF THE BEST SUBSTANTIVATA)

The author discusses the problem of the transition of adjectives in the superlative degree of comparison in nouns on the example of substantivized adjective "best". It is stated that the grammatical characteristics of substantivized adjective "best" have changed only partially: gradation value of superlatives is fully preserved, so this substantivized adjective is syncretic in its semantics, and its transition into a noun is partial. The author proves that substantivized adjective "best" is widely used in modern Russian language in different functional styles of speech and appears to be more frequent than the corresponding adjective in the superlative degree of comparison.

Keywords: transposition, substantivization, the best, the best of the best.

Милютина Марина Георгиевна, доктор филол. наук, профессор
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: mmilyutina@inbox.ru

Milyutina M.G., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: mmilyutina@inbox.ru

УДК 81'74:341.2

И.С. Носов

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УБИТЬ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

В статье рассмотрена группа языковых единиц, объединенных общностью ядерной семантики действия (как реализованного, так и потенциально возможного), конечным результатом которого является смерть. Анализ «Повести временных лет» позволяет включить в семантическое поле «убить» и термины, и терминосочетания, и общеязыковые употребления слов и устойчивых сочетаний.

Ключевые слова: древнерусская юридическая лексика, семантическое поле, термин *убити*.

Повесть временных лет (далее ПВЛ) – это древнерусский литературный памятник, вобравший в себя общеславянский, собственно восточнославянский, а также отчасти греческий, скандинавский, финно-угорский и тюркский культурные пласты, что объясняется полиэтничностью древнерусского общества и активными межэтническими контактами. Немаловажен и тот факт, что составителем повести был монах, т.е. носитель христианского сознания. Необходимо указать на то, что в последние годы памятник активно рассматривается как источник изучения древнерусского правового сознания, вербализуемого правовой терминологией [см. подробнее: 6; 4; 5].

Выбор конкретного материала исследования – языковые единицы, объединенные общностью ядерной семантики действия (как реализованного, так и потенциально возможного), конечным результатом которого является смерть, – обусловлен существенной значимостью (тяжестью преступления) преступного деяния *убить* и спецификой его оценки обществом. Предметом рассмотрения стали летописные контексты, где, во-первых, излагаются условия осуществления действия *убить* и, во-вторых, фиксируется наказание за преступление.

В ПВЛ к лексемам со значением реализованного действия, прежде всего, относится глагол *убити*: *Деревлене оубиша Игоря и дружину его* [8, с. 55]. Потенциально возможные действия реализуются, например, в статье 4 договора Руси с Византией 911 года, который входит в состав ПВЛ по Лаврентьевскому списку: *и сем. аще кто оубьет или хрестьянина Русин. или хрестьянинь Роусина. да оумрет идѣже аще сотворит оубиство* [8, с. 34].

Анализ научной и лексикографической литературы показывает, что большинство исследователей определяют глагол *убити* как многозначный: 1) убийство кого-либо как акт насильственного и противоправного деяния; 2) убийство как кровная месть; 3) убийство как наказание, т.е. смертная казнь. Так, производящая основа *бити* реализует в славянских языках значения ‘бить, ударять’, ‘убивать’; для и.-е. *bheia- выделяются значения ‘бить’,

‘ранить’, ‘убивать’ [17, вып. 2, с. 99–100]. В историко-лингвистических словарях глагол **убити** также полисемичен: ‘лишить жизни, умертвить’, ‘казнить смертью’, ‘одержать верх в судебном поединке’, ‘зашибить’ [15, т. 3, стб. 1110–1111], ‘истребляю, умерщвляю’, ‘избиваю’ [9]. М.А. Исаев, приводя дериват термина (существительное **убиство**), вносит существенное уточнение – убийство, возможно, не приводит к смерти пострадавшего, а являет собой только кровопролитие [см. подробнее: 3, с. 110, 30].

С учетом ранее проведенных нами исследований «Русской Правды» и договоров Руси с Византией, глагол как правовой термин отражает и следующие значения: ‘совершение убийства во исполнение закона (т.е. вынужденная мера, не являющаяся решением суда)’, ‘реализация нормы обычного права, в частности берегового права, в соответствии с которыми убийство является допустимой нормой поведения, не порицаемой и не преследуемой обществом’ [18, с. 43–52].

Говоря об убийстве в ПВЛ, следует учесть православный характер сознания летописца, в соответствии с которым «убийство – грех, запрещаемый шестую заповедью закона Божия и состоящий в отнятии жизни у ближнего каким бы то ни было образом. <...> К убийству в некоторой степени относятся также все дела и слова, противные любви к ближнему, <...>» [2], т.е., с точки зрения православного сознания, кроме телесной, возможна и духовная смерть.

В семантическое поле «убить» в ПВЛ входят 8 компонентов, которые представляют ядерное значение доведения до смерти.

Смерть как следствие Божьей кары вербализуется глаголами и устойчивыми сочетаниями **патреби убогыя, патопи убогыя, погрязоша убогыя, погубити убогыя, побью и (о людях), преставлю царство дому Израилева, скрушю лукъ Израилевъ, истью тя** (о народе Израилевом). Например, устойчивое сочетание **патреби Божь** в предании об обрах в дохронологической части ПВЛ **и Бъ патреби я. и помраша вси. и не истася ни единъ. ибъринъ** [8, с. 12] отражает закрепленное в сознании славян представление об исчезновении данного этноса не с учетом объективных причин (многочисленные войны, ассимиляция, переселение народов), но как следствие Божьей кары. Память восточных славян об исчезнувшем этносе как о некоей могучей силе отражает мифологический характер мышления, в котором «устройство первобытного общества переносится на природу, природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями в родовой общине <...>. И наоборот – человек, родовые связи описываются в образах природы» [14], что проявляется и в семантике деривата **истребить**: ‘истребить, уничтожить, очистить, удалить’, ‘вырвать, вырубить, выдернуть, выполоть (лес или другую растительность)’ [17, вып. 9, с. 77]. Глагол **патребити** в древнерусской письменности закрепляется в значении ‘истреблять’ [15, т. 2, стб. 1297; 12, т. VII, с. 350; 13, вып. 18, с. 19–20].

Насильственная смерть как противоправное деяние передается глаголами и устойчивыми выражениями **убивати, чловѣкъы ядуще, погубити,**

побити, вмѣтати (в рѣку), избивати, приконьчевати, зарѣзати, истрѣляти, заклати, исцьсѣчи, проливати кровь, попиша дѣти, например, глаголом *побити* в летописном рассказе об отце и сыне христианах под 983 годом: *и ни же вземше оружье поидоша на нь <...> и поськоша сѣни понима. и тако побиха я* [8, с. 83].

В ПВЛ смерть как результат кровной мести выражается глаголами и устойчивыми сочетаниями *убивати, кровь проливати, сѣчи, исцьсѣчи, мьстити, отмьстити*. Слово *мьсть* имеет значения ‘возмездие, наказание, мщение’, ‘казнь, наказание’ [15, т. 2, стб. 235; 12, т. V, с. 98; 13, вып. 9, с. 119–120], т.е. термин *мьсть* следует трактовать как внесудебную кару, допускаемую нормами морали и традициями того времени. Второе значение, более позднее по происхождению, формируется в результате укрепления государственной власти [см. подробнее: 11, с. 372].

В церковнославянском употреблении «мьсть – воздаяние злом за зло» [11, с. 372], которое отражает норму древнего права «око за око», зафиксированную в Библии, как и понималась мьсть у многих народов того времени. Таким образом, термин права *мьсть* в ПВЛ может обозначать и досудебное наказание, по традиции, и установленное законом наказание.

Смерть как результат кровной мести становится центром летописных статей под 945–946 годами, где идет повествование о мести Ольги древлянам за убийство Игоря.

Казнь представлена в изложении событий Ростовского восстания 1071 года и его подавления киевским воеводой Яном Вышатичем: *и рче Янь <...> имь. мьстите своихь. и ни же поимше оубиша га. и повѣсиха га на дубѣ* [8, с. 178]. Однако В.И. Сергеевич усматривает здесь акт кровной мести [см. подробнее: 11, с. 372].

На первый взгляд, в эпизоде действительно описана кровная мьсть, но при этом не учитываются следующие факты: во-первых, отомстить обидчику – это право рода, которое не нуждается в судебном разбирательстве (см. указание в начале «Русской Правды»: *Аже убить мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отца, ли сьну, любо братучадо, ли братню сьнози* [10, с. 104]), казнь же обозначает «публичное государственное воздействие на преступников или государевых ослушников, в противоположность преследованию со стороны потерпевшего, мести» [16]; во-вторых, казнь всегда подразумевает наличие приговора. В анализируемом эпизоде очевидны оба условия – публичность действия и вынесение приговора (наказание следует за вердиктом *мьстите своихь*).

Отметим замечание историков права о том, что смертная казнь хронологически вытекает из кровной мести: «Кровная мьсть и смертная казнь относятся к различным периодам развития общества. При этом кровная мьсть – к древнейшей поре правового бытия, а смертная казнь – к более позднему периоду усиления роли государства» [7, с. 108]. Возникающее противоречие снимается тем обстоятельством, что события восстания датируются 1071 годом, а Ярославичи отменили кровную мьсть за убийство, заменив его денежным штрафом в 1054 году: *<...> і штожиша оубиение за голову, но кунами сла въкупа-ти* [10, с. 104].

Духовная смерть представлена в ПВЛ глаголами и выражениями: *умереть смертью, уподобиться Содому и Гомору, вънидуги въ адъ, погубити, отпасти от Бога, погибнути, исполнитися безакония, Каиновь смьсть приять, по смерти вечно мучимъ есть и связанъ, казнъ приять, створити зло, душою предатися дьяволу*. Например, смерть Святополка Окаянного под 1019 годом *и по смрѣти вѣчно мучимъ есть связанъ* [8, с. 145] показана и как переход в ад после смерти телесной, гибель, и как Божья кара, духовная смерть (см. *душевная смерть* ‘то же, что *вечная смерть, вторая смерть*’ [13, вып. 25, с. 173]), что отражает христианскую трактовку смерти братоубийцы, который еще при жизни, совершив много «смертных грехов», погубил (=убил) себя.

Смерть в ходе военных действий передается выражениями: *много убийство створити, посякати, пересякати, растрѣяти, пострѣяти, въ море вметати, посячени быти, растинати, (звонды желѣзны посредѣ головъ) въбивати, пасти, изъбити, погьбнути, лечь костью, моя твоя глава ляжетъ, главу сложити, убити, съчи, исъсѣче, изъгубити*, например, в описании военного похода под 915 годом причастной формой от глагола *посячи* в значении ‘зарубить, убить’, ‘умертвить; казнить, обезглавить’ [12, т. VII, с. 333; 13, вып. 17, с. 164]: *а Боггаре со Грекы ступишас. и пересячени быша Грекы* [8, с. 42].

Смерть в рамках обряда, т.е. жертвоприношение, передается устойчивыми сочетаниями: *погубити, зарѣзати богомъ, створити потребу богомъ, заклати предъ ними*. Например, в летописном сказании под 983 годом: *тако паде жребии на снь твои изволиша бо и бзи собѣ. да створимъ потребу бмь* [8, с. 82]. Здесь потенциально возможная смерть является обрядовой и, с точки зрения языческого общества, является жертвоприношением, носящим сакральный характер, что фиксируется и в словарном толковании ‘жертвоприношение’ [12, т. VII, с. 349].

Судебный поединок, передаваемый древнерусским правовым термином *поле*, трактуется исследователями как частный случай ордалии, смысл которого в воззрении древнего человека на окружающий его мир, согласно которому Бог должен был помогать правому [см. подробнее: 1, т. 2, с. 270]. В ПВЛ он реализован выражениями: *удавити до смерти, кровь проливати, ударити въ гортань ножемъ, убивати другъ друга*, например, в летописном предании под 992 годом: *и оудави Печенѣзина в руку до смерти. и оудари имь в землю* [8, с. 123]. Исход поединка – смерть одного из участников: *(удавити) до смерти* ‘до наступления смерти, насмерть’ [13, т. 25, с. 173].

Восходит к ордалиям и клятва оружием в договоре Руси с Византией 944 года, включающем указание на потенциальную смерть нарушителя клятвы: *и иже помъслитъ ѿ странъ Рускиа. разрушити такую любовь <...> да примуть мечь ѿ Ба. вседержителя ѿсуженья на погибель въ весь вѣкъ в будующи. и елико ихъ есть не хрищо. да не имуть помощи ѿ Ба. ни ѿ Перуна. да не оущитатся щить своими. и да посячени*

будуть мечи своими. ѿ стрѣль и ѿ иного оружья своего [8, с. 47–48].

Стоит отметить, что данная лексическая группа характерна для договоров Руси с Византией, которые входят в состав ПВЛ по Лаврентьевскому списку.

Таким образом, семантическое поле **убити** в ПВЛ формируется 8 группами лексических средств, передающими доведение до смерти в результате Божьей кары, противоправного деяния (убийства), казни, кровной мести, первоначальной духовной смерти, участия в военных действиях, жертвоприношения, судебного поединка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994.

2. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия арх. Никифора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/> (дата обращения: 25.01.2016).

3. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001. 119 с.

4. Киржаева В. П. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. Вып. 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 6–14.

5. Киржаева В. П. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет» // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и мат. V междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2014. С. 55–56.

6. Кушнир М. И. Древнерусский летописный текст как источник юридического документа: теоретико-методологический анализ // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. VI. № 2. С.207–217.

7. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. Армавир: РИО АГПА, 2011. 176 с.

8. Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926–1928. 579 с.

9. Полный церковнославянский словарь свящ. Григория Дьяченко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/churchslav/> (дата обращения: 19.11.2015).

10. Правда Русская: Тексты. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.

11. Сергеевич В. И. Лекції и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 664 с.

12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old_russian.academic.ru (дата обращения: 5.07.2016).

13. Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука, 1972–... Вып. 1–...

14. Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/605> (дата обращения: 16.03.2016).

15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. ИАН, 1893–1912.

16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron (дата обращения: 20.04.2016).

17. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–...

18. Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: материалы к слов.-справ. Вып. 2. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 204 с.

I.S. Nosov

SEMANTIC FIELD «UBIT'» IN POVEST' VREMENNYH LET

The article deals with the semantic field theory realized on the first Russian hronic materials. The authors analyze semantic of action (both a realized one and potentially possible), the final result of which is the death.

Keywords: Old Russian legal lexis, the semantic field, the *ubiti'* term.

Носов Илья Сергеевич, магистрант
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: classic3@list.ru.

Nosov I.S., Master's degree student
N.P. Ogarev's Mordovian State University
E-mail: classic3@list.ru.

УДК 811.161.1'37(045)

С.Г. Шейдаева

КОГНИТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В.М. МАРКОВА

В статье приведен анализ теории семантического словообразования, разработанной В.М. Марковым в 1980-х гг. и широко представленной в работах его последователей, с позиций современной науки о языке. Вопросы, поднимавшиеся учеными этой школы, касались не только системы русского словообразования, но также и сущности слова как единицы языка. Основная идея заключалась в следующем: в русском языке существуют два способа словообразования – морфемный и семантический, между которыми наблюдается четкий параллелизм (наличие типовых отношений между производящим и производным, типовых словообразовательных значений и др.); появление нового значения – это появление нового слова. В настоящее время данные вопросы поднимаются в русле когнитивной семантики и когнитивного словообразования.

Ключевые слова: когнитивная семантика, когнитивное словообразование, семантическое словообразование.

Когнитивное направление в лингвистике, заявившее о себе на рубеже XX – XXI вв., развивает новый взгляд на язык как на механизм фиксации, хранения и переработки информации о мире. В связи с этим многие традиционные понятия получают новое истолкование: метафора – как проявление аналоговых возможностей человеческого разума [6], не «перенос слов», а перенос знаний из одной области в другую; устройство всей лексической системы с ее различными группировками, лексико-семантическими полями – как отражение концептуальной сферы сознания и т.д. Когнитивная лингвистика настаивает на необходимости связывать значение слова с лежащей в его основе структурой знания [4, с. 30] и, таким образом, выполняет объяснительную функцию, в отличие от традиционного языкознания, которое в основном наблюдало, описывало, констатировало [30, с. 5].

В последние десятилетия с показательной периодичностью появляются научные исследования и учебные пособия отечественных лингвистов по *когнитивной семантике*, в которых значение языковых единиц рассматривается как результат познавательной деятельности человека и способ репрезентации знания (Е.В. Рахилина [35], Н.Н. Болдырев [5], А.М. Плотникова [32], З.Д. Попова и И.А. Стернин [33], И.А. Угланова [39] и др.), по *когнитивному терминоведению*, анализирующему термины и терминосистемы с учетом их роли в профессиональном познании и профессиональной деятельности человека (М.М. Володина [8], Е.И. Голованова [9, 10], И.В. Евсеева [12] и др.). Когнитивные методики используются также в синтаксической типологии, анализе дискурса и т.д. [3].

Когнитивное направление в словообразовании связано с именем Е.С. Кубряковой (публикации с 1990-х гг.). Уже в ее ономаσιологических

работах 1970 – 80-х гг. языковая номинация понимается как комплексный речемыслительный процесс, имеющий логико-гносеологические и психологические основания [15, с. 6]. Термин «когнитивный анализ» получил распространение в отечественной семантике прежде всего в трудах Е.С. Кубряковой и представителей ее школы [35, с. 16].

Семантическая прозрачность многих производных слов, – говорит Кубрякова, – делает их удобной формой хранения знаний и разъяснения новых знаний на основе старых [17, с. 287], в последних своих работах она характеризует производное слово как особую когнитивно-дискурсивную структуру, удобную для упаковки информации и использования в речевой деятельности [18, с. 394].

Методологические установки когнитивного словообразования хорошо отражены в статье Л.С. Абросимовой [1], назовем основные:

1. Появление слова для когнитивиста означает не столько факт формального расширения лексического состава языка, сколько рождение нового средства закрепления смысла или смыслов в слове.

2. Исследование словообразовательных процессов рассматривается с учетом человеческого фактора, а образование слова выступает результатом активного взаимодействия познающего субъекта и предмета познания.

3. Изучение словообразования требует взаимодополнительности синхронического и диахронического подходов. Диахронический аспект делает акцент на фиксации процессов превращения одних лексических единиц в другие. Синхронический аспект изучает отношения между существующими единицами на определенном этапе функционирования языка и отражает системный характер словообразования.

4. Когнитивный подход к исследованию словообразовательных процессов предполагает выявление корреляций, соотношений, пропозиций между производным словом и структурами знания.

5. Наиболее продуктивным признаётся обращение к словообразовательным гнездам – комплексным единицам, способным отражать действительность через взаимодополняющие мотивировочные признаки, и таким образом выявлять когнитивную природу и механизмы словообразования.

Обратим внимание на то, что традиционное определение словообразовательного гнезда как «совокупности словообразовательных цепочек и словообразовательных пар, относящихся к одному исходному слову, отражающему иерархически упорядоченные отношения родственных образований» [23, с. 4] также позволяет обнаруживать в его составе языковые единицы, связанные с представлением об объекте и его признаках, субъекте и его разнообразных характеристиках, с пространственными и др. знаниями.

Новые научные теории не возникают на пустом месте, и еще задолго до оформления каждой из них накапливаются идеи, развивающие общепринятые взгляды или противоречащие им. Рассмотрим *теорию семантического словообразования* профессора Виталия Михайловича Маркова (1927–2010), представителя Казанской лингвистической школы, долгое время работавшего на филологическом факультете Удмуртского государственного университета

и оставившего после себя много учеников. В.М. Марков уже в 1980-ые гг., когда общепризнанным было требование не смешивать синхронию и диахронию и строго разграничивать их при анализе языковых явлений, отстаивал принципиальное единство этих подходов, призывал любое явление современного русского языка изучать как некий момент языковой истории.

Г.А. Николаев пишет: «В.М. Марков своими трудами внес значительный вклад в создание современной научной концепции истории русского языка. Основная суть этой концепции состоит в том, что живой язык рассматривается как постоянно функционирующий и одновременно постоянно развивающийся, причем развивающийся во взаимодействии языковых фактов разных сторон языкового бытия» [25, с. 5].

В области словообразования В.М. Марков предложил продуктивную идею существования в русском языке двух основных способов образования слов – *морфемного и семантического* – и относил к последнему все без исключения случаи так называемого «переноса значений» слов (в том числе метафору и метонимию). Для того времени это была своего рода «крамола», так как теория В.М. Маркова подвергала сомнению, и даже отрицала некоторые устоявшиеся принципы, прежде всего – понятие многозначности. Ученый пишет: «Отрицать полисемию в общепринятом смысле слова – это, разумеется, вовсе не значит отрицать то развитие лексического значения, которое проявляется в рамках определенной соотнесенности с обозначаемым явлением действительности. Значение слова эволюционирует по мере того, как осуществляется познание, как формируется определенное отношение к познанному...» [21, с. 16].

Пolemическая статья, написанная В.М. Марковым в 1999 г. в соавторстве с Б.И. Осиповым и посвященная необходимости формирования целостной теории словообразования (с включением семантического способа), более двух лет рассматривалась редакцией «Известий ОЛЯ РАН», дважды рецензировалась и в конце концов ее не приняли даже в порядке научной полемики [28]. Б.И. Осипов еще ранее, в статье 1984 г., говорил о том, что «признание единства значения в качестве основополагающего признака тождественности слова подводит под семантический анализ принципиально иную методологическую базу» и от исследователя «потребуется немалая смелость в борьбе с авторитетом сложившейся практики» [27, с. 131]. Научную смелость Виталия Михайловича отмечали многие, Г.А. Николаев писал: «В.М. Марков всегда берется за решение наиболее острых или «запущенных» проблем историко-лингвистической науки, а нередко за пересмотр «само собой разумеющихся истин», показывая в своих исследованиях, что истины эти далеко не аксиоматичны и что языкознание сильно страдает от их обилия» [25, с. 5].

Приведем основные положения *теории семантического словообразования* В.М. Маркова:

1. «Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [21, с. 15]. Данный тезис подкреплялся ссылками на высказывания А.А. Потемни и Л.В. Щербы: «Где два значения, там два слова» (Потемня); «Неправильно ду-

мать, что слова имеют по несколько значений: это в сущности говоря формальная и даже просто типографическая точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях» (Щерба).

Л.С. Андреева так прокомментировала данное положение: «В.М. Марков, вслед за А.А. Потебней, как бы снимает противоречие между границей слова и его лексико-семантическим вариантом» [2, с. 22].

2. *Образование нового слова* осуществляется либо в результате употребления морфем (*морфемный способ*), либо в результате использования фонетической оболочки производящего слова или словосочетания для выражения нового лексического значения (*семантический способ*). «Оба эти способа составляют в своем развитии определенное единство, исключающее возможность изолированного их рассмотрения» [20, с. 70].

3. *Между морфемным и семантическим способами* словообразования наблюдается четкий параллелизм: а) слова, образованные этими способами, возникают на основании аналогичных, типовых отношений, представленных рядами закономерных соответствий (например, существительные со значением лица по признаку образуются от слов, обозначающих признак, как при помощи суффикса, например: *хитрый* > *хитрец*, так и семантическим способом, например: *лиса* > *лиса* «о человеке»); б) и морфемные, и семантические производные выражают типовые словообразовательные значения, например, значение «орудия действия» (*паять* > *паяльник*, *дворник* > *дворник* «стеклоочиститель»), значение «лицо по признаку» (*борода* > *бородач* и *борода* > *борода* «о человеке»), значение «лицо по действию» (*защита* > *защитник* и *защита* > *защита* «о человеке») и др.; в) переживают стадию окказиональности, то есть не сразу закрепляются в общенародном и литературном употреблении; г) могут утрачивать структурно-семантические связи с породившими их словами; д) могут восходить как к отдельному слову, так и к нескольким словам; е) могут отличаться от породивших их слов целым рядом грамматических признаков вплоть до принадлежности к другой части речи (например, *вижу спутник / спутника*; прилагательное *скорый* и о поезде – «*пришел скорый*»).

Итак, В.М. Марков разрабатывал теоретические основы словообразования как непрерывного процесса, обусловленного единством и взаимодействием морфемной и семантической деривации в ходе развития словообразовательной системы [2, с. 22]. «Ограничивать словообразовательную семантику рассмотрением только морфемных образований – значит обрекать себя на односторонний подход к словотворческому процессу, лишая себя возможности целостного анализа словообразовательной системы языка», – делает вывод Б.И. Осипов [28, с. 8].

Теория семантического словообразования формировалась в русле системно-структурной парадигмы языкознания XX в., и ее новизна и оригинальность вполне согласовывались с основными положениями ведущего

лингвистического направления – идеей системности языка, структурных связей между единицами и уровнями языковой системы, изменчивости языковых единиц в их функционировании в речи. Новым было, на наш взгляд, прежде всего, то, что в рамках словообразования В.М. Марков объединил производные единицы двух языковых уровней – морфемного (аффиксальные производные) и лексико-семантического (семантические производные). Данный подход позволил расширить границы словообразования и доказать, что в русском языке лексические единицы образуются не только при помощи морфем, но и безморфемным способом. Из этого следовало также и то, что главное при появлении нового слова – фиксирование в системе языка нового значения, что в процессе дальнейшего функционирования языковой единицы сказывается и на ее грамматической сущности.

Вместе с тем, – пишет В.М. Марков, – «нельзя не учитывать и характер сочетаемости производных образований, что практически почти не принимается во внимание, когда дело касается многозначности в традиционном смысле этого слова» [22, с. 10]. Добавим, что функционально это будет уже иная сущность, что может проявиться в морфологии и синтагматике языковой единицы (сравн.: «*Борода* отросла» и «Опять этот *борода* пришел!»). Виталий Михайлович подчеркивал: «Слово, как правило, мыслится как единица языка, соотношенная с вполне определенным явлением действительности, и эта особенность слова отвечает необходимости по возможности полноценного сообщения мыслей. Явления омонимии при этом оказываются возможными потому, что недостаточная выразительность словесного фонетического комплекса в значительной степени возмещается контекстом, интонацией, ситуаций, – словом, рядом дополнительных показателей, обеспечивающих нужное понимание слова» [21, с. 13].

Многочисленные исследования учеников В.М. Маркова показали продуктивность его идеи как для исследования словообразовательных процессов в современном русском языке и в его истории (например, было открыто формирование новых словообразовательных морфем, появившихся в результате семантического словопроизводства), так и для детального анализа семантики слова в памятниках русской письменности. Вопросы, которые поднимал Виталий Михайлович с позиций теории семантического словообразования и ярко, полемически решал, в настоящее время рассматриваются в русле двух направлений – когнитивного словообразования и когнитивной семантики.

Как уже было сказано выше, требование объединения диахронического и синхронического аспектов в исследованиях по словообразованию является сейчас одним из принципов когнитивного словообразования. Словообразовательный тип понимается как отражение когнитивных схем сознания. И хотя, насколько нам известно, в исследованиях словообразователей-когнитивистов не привлекаются к анализу слова, образованные семантическим способом, но в то же время признаётся, что «анализ формально-семантической структуры словообразовательного типа, установление семантико-словообразовательных связей сродни поиску законов и правил организации семантической структуры многозначного слова» [11, с. 13].

Вопросы производности значений являются главным предметом обсуждения в работах по *когнитивной семантике*. Здесь рассматриваются «модели внутренней семантической мотивированности», «регулярная многозначность», «механизмы семантического развития» и др. «Когнитивная семантика берется отвечать на до сих пор запретный вопрос о том, почему или каким образом возникает то или иное значение», – пишет Е.В. Рахилина [35, с. 360]. Надо сказать, что в русской лексикографической практике факты так называемой «регулярной полисемии» учитывались уже в «Словаре Академии Российской» (1789-1794) и получали там именно словообразовательные определения, например: «имена действия» – *сжигание, выжимание* и др. [37, с. 84].

Когнитивная семантика сосредоточивает свое внимание на *производности смыслов* в нашем сознании и далее – их вербализации. Вопрос о том, как трактовать языковую единицу, фиксирующую новое знание, – отдельным однозначным или многозначным словом, уже не находится в центре внимания лингвистов. Интерес переместился с проблем внутренней структуры языка к устройству языкового сознания человека, к тому, как можно через анализ языковых единиц и их функционирование в речи понять сам механизм познания мира человеком.

Явление полисемии с позиций когнитивной семантики приводит исследователей к выводам о существовании *устойчивых типов* изменения значений слов (что вполне согласуется с выявленными школой Маркова разновидностями семантического словообразования и типами словообразовательного значения). Р.И. Розина отмечает, что в основе «*регулярной многозначности*» лежат связи, устанавливающиеся в сознании человека между различными ситуациями реального мира (например, связь между движением и звуком, в результате чего некоторые глаголы звучания имеют производное значение движения: *просвистела пуля, тархтит по мостовой*) [36, с. 45]. В работах уфимских исследователей *модели «внутренней семантической мотивированности»* описываются как закономерности развития значений многозначного слова [31]. Г.И. Кустова в качестве «*основного механизма семантического развития слова*» видит «распространение» слова на новые типы ситуаций, при этом «инициатором семантического сдвига» является изменение типа объекта или другого участника ситуации [19, с. 86, 104].

Многие современные авторы подчеркивают, что полисемия – это одно из средств концептуализации нового опыта [24, с. 70]; нельзя понять нового, не имея какого-то «данного», поэтому вынужденно используются старые знаки и приспособляются к новым функциям, распространяются на другие ситуации [34, с. 99]. Человек располагает «порождающим механизмом семантической деривации», – пишет Т.Б. Радбиль, объясняя это тем, что язык обращен к миру, «описывает» его, и количество значений в языке ничем не ограничено, кроме потребностей человека и его возможностей хранить и извлекать из памяти эти значения; но количество способов образования значений не может быть бесконечным, существуют модели (типы) значения как когнитивные модели объектов или ситуаций [34, с. 99, 100].

Таким образом, в работах по когнитивной семантике снова идет речь о наличии устойчивых типовых моделей в области рождения новых смыслов слов (в рамках данной статьи мы не касаемся вопроса о *моделях метафоризации*, описываемых в теории когнитивной метафоры, но эта современная теория также направлена на поиски закономерностей изменения значений слов).

Уже в рамках традиционной теории словообразования подчеркивался регламентируемый и моделируемый характер семантики производного наименования, которое, как писала Е.С. Кубрякова еще в 80-х гг., «в акте своего образования создается как строящееся по определенной словообразовательной модели. Это обеспечивает возможность создания новых названий по имеющемуся готовому образцу, то есть по аналогии», производное слово является «представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой, представителем такого класса слов, как словообразовательный ряд» [16, с. 15]. Данное положение, как уже говорилось выше, распространялось Кубряковой только на производные, образованные морфемным способом. Заслуживая В.М. Маркова явилось то, что он открыл наличие словообразовательных моделей среди производных слов, созданных при помощи семантического способа словообразования.

И.Э. Еселевич в статье «Словообразовательный тип при семантическом словообразовании» (1982) рассмотрела именно этот аспект, задавшись вопросом «можно ли распространить понятие словообразовательный тип на безморфемное, то есть семантическое словопроизводство?» [13, с. 27]. Положительный ответ на данный вопрос она сопровождала следующими аргументами: семантическое производное включается в ряды аналогичных образований; эти ряды создаются типовым, регулярным характером семантических отношений между производным и производящим словами; разновидности словообразовательных значений при семантическом словообразовании находятся в различном пересечении с подобными значениями в морфемном словообразовании (возможна их полная соотносительность и параллелизм) и др.

Л.О. Бутакова, используя терминологию теории семантического словообразования, дает ей современную интерпретацию: «Любые типы семантического изменения – сужение, расширение значения, метафора, метонимия – имеют когнитивную природу, обусловлены психофизиологической природой мышления, экономично закрепляют возникающие новые смыслы с помощью привлечения всей смысловой и части вербальной системы. Именно поэтому механизмы морфемной и семантической деривации принципиально близки. Различна лишь роль в них упомянутого единства акустической оболочки и акустического образа слова. В случае с семантической деривацией это единство сохраняется, смысловые трансформации затрагивают перестройку других компонентов когнитивной структуры» [7, с. 22].

Автор обращается также и к вопросу использования семантических производных в поэтических текстах. В сборнике «Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной», в котором помещена эта статья, содержатся и публикации других авторов на данную тему. Так, Т.А. Коренева в статье

«Поэтическое словообразование и его отношение к семантическому» пишет: «Поэтическое безморфемное словообразование имеет много общего с семантическим словообразованием в общенародном языке. Можно сказать, что это эстетически организованная разновидность семантического словообразования. ...Преобразование слова в поэтическом контексте ...чаще всего происходит на базе метонимии, которая лежит в основе поэтического символа и метафоры» [14, с. 79-80]. Б.И. Осипов подчеркивает, что «проблема семантического словообразования с особой остротой предстает в условиях трудного для интерпретации текста», при этом «чаще всего новизна значения сигнализирована и актуализирована, как и в обычной речи, новизной, необычностью лексической сочетаемости в пределах ближайшего контекста» [29, с. 44].

И.В. Евсева, анализируя причины наличия разных трактовок отношений между лексико-семантическими вариантами многозначного слова (одними учеными как *результатов семантической деривации*, а другими с *точки зрения ономаσιологического подхода*), отмечает: «Разница между этими подходами объясняется различиями в тех задачах, которые они призваны решать. Если при семантическом, или деривационном, подходе модели регулярной многозначности предстают как регулярные переходы от одного значения многозначного слова к другому (и именно эти переходы исследователь многозначности должен прежде всего обнаружить), то при ономаσιологическом подходе основная задача исследования формулируется иначе [11, с. 13], а именно – «объяснить причины (мотивы) использования данного языкового знака для обозначения данного денотата и затем восстановить логику применения одного и того же знака (слова) к разным денотатам» [38, с. 306].

Здесь снова и *деривационный аспект*, и *ономаσιологический подход* связываются автором исключительно с производностью значений внутри многозначного слова, и остается не отраженным третий путь – *с позиций теории семантического словообразования*, квалифицирующего так называемые «лексико-семантические варианты» как единицы, обладающие словообразовательным значением и созданные по словообразовательным моделям. (Заметим, что с целью терминологического разграничения полисемии и семантического словообразования были предложены Ю.С. Лопушанской два отдельных термина, для первого – «семантическая модуляция», для второго – «семантическая деривация». Последний термин признаётся в настоящее время более удачным, чем «семантическое словообразование», и используется многими лингвистами).

Таким образом, «вопросы семантических изменений в лексическом составе современного русского языка до сих пор остаются недостаточно изученными. Вместе с тем, по словам В.М. Маркова, понимание семантического словообразования как живого и активного процесса позволяет рассматривать явления, традиционно трактуемые как полисемия, в одном ряду с другими деривационными процессами» [26, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Л. С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. Вып. 2. С. 7–14.
2. Андреева Л. С. Взаимодействие морфемного и семантического способов словообразования в русском языке конца XVII – начала XVIII века // Актуальные проблемы истории русского языка. Тез. докл. науч. конф., посвященной 70-летию профессора Маркова Виталия Михайловича. Казань, 1997. С. 22–23.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
4. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–35.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002.
6. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
7. Бутакова Л. О. Природа семантической деривации: когнитивный аспект // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 20–35.
8. Володина М. М. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии СМИ). М., 2000.
9. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. Учеб. пос. Челябинск, 2008.
10. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта; Наука, 2011.
11. Евсеева И. В. Формально-семантическая организация словообразовательного типа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2010. № 3.
12. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: URSS, 2012.
13. Еселевич И. Э. Словообразовательный тип при семантическом словообразовании // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ч. 2. Ижевск, 1982. С. 27–28.
14. Коренева Т. А. Поэтическое словообразование и его отношение к семантическому // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 79–87.
15. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
16. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
17. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283–293.
18. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.
19. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.

20. Марков В. М. Несколько замечаний о способах русского словообразования // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Вып. 2. Ижевск, 1980. С. 69–77.
21. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
22. Марков В. М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. Сб. науч. тр. Ижевск, 1984. С. 3–12.
23. Маркова Э. В. Современный русский язык. Словообразование. Учеб. пособие. Ижевск, 2006.
24. Медведева А. В. Семантический потенциал развития многозначности разными частями речи русского языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 45. 2010. № 21.
25. Николаев Г. А. В. М. Марков и его концепция истории русского языка // Актуальные проблемы истории русского языка. Тез. докл. науч. конф., посвященной 70-летию профессора Маркова Виталия Михайловича. Казань, 1997. С. 4–7.
26. Николаева Т. М. Системность семантической деривации в лексике русского языка // Актуальные проблемы истории русского языка. Тез. докл. науч. конф., посвященной 70-летию профессора Маркова Виталия Михайловича. Казань, 1997. С. 57–59.
27. Осипов Б. И. О лексикографической интерпретации семантического словообразования // Русское семантическое словообразование. Сб. науч. тр. Ижевск, 1984. С. 131–134.
28. Осипов Б. И. Проблема целостного изучения словообразовательной системы языка: современное состояние и дальнейшие перспективы // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 5–9.
29. Осипов Б. И. Семантическая деривация и проблема понимания поэтического текста // Б. И. Осипов. К истории лексической и звуковой организации текста в русской поэзии. Омск: ЛИТЕРА, 2015. С. 44–46.
30. Панкина Ф. М. Формирование семантических структур в лексической системе языка: на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинети́ческого состояния агенса». Воронеж, 2002.
31. Печаткина О. В. Синхроническая и диахроническая мотивированность вторичных значений полисемантического слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009.
32. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на мат-ле рус. глаголов): учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
33. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006.
34. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2010.
35. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
36. Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. 2002. № 2.

37. Словари и словарное дело в России в XVIII в. М.: Наука, 1980.
38. Толстая С. М. Многозначность слова в свете ономазиологии // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
39. Угланова И. А. Когнитивная семантика. Пермь, 2010.

S.G. Sheidayeva

COGNITIVE DERIVATION AND THE THEORY SEMANTIC DERIVATION OF V.M. MARKOV

This article covers the analyze of the theory semantic derivation of V.M. Markov (1980) in the aspect of modern linguistics. The science school of Markov propound a questions about a systems of derivation and the essence of a word. The Russian language there is means of morphemic and semantic derivation, appear of a new lexical meaning is appear of a new word – is a fundamentals idea of Markov. Today this questions analyzed in the cognitive semantic and cognitive derivation.

Keywords: cognitive semantic, cognitive derivation, semantic derivation.

Шейдаева Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: sheidaeva@mail.ru

Sheidayeva S.G., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: sheidaeva@mail.ru

Русский язык в различных видах дискурса

УДК 81'272

Л.Л. Аюпова, Э.А. Салихова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЯЗЫЧНЫХ ДИСКУРС-ПРОСТРАНСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Предлагаемый вниманию материал статьи посвящен описанию особенностей использования русского языка (РЯз) как государственного и межнационального средства общения би- и трилингвальных индивидов. Показана специфика регионального варианта русского языка. Учтены ценностные ориентации этнофоров, составляющих языковой портрет социума, особенно билингвистический как уникальный феномен социолингвистики. По данным последней переписи населения описаны статистические показатели представленности языков в республике, сферы их функционирования и востребованности. Обозначаются перспективы исследований в заявленном направлении.

Ключевые слова: билингвизм / двуязычие, демолингвистические переменные, полиязычный дискурс, Turco-Slavica, Turco-Rossica, языковая компетенция, языковая ситуация.

Заявленную тему считаем целесообразным рассматривать в категориях широкого толкования дискурса: в рамках поставленного вопроса он представляется как сложная система, среда сосуществования дискурсивных личностей и определенных дискурсов, объединенных по каким-либо заданным параметрам. Подобное «социально-дискурсивное» объединение людей (в культуре, в общественной жизни и пр.) создает дискурсивное пространство, конституируемое как дискурсивный мир [11, с. 155]. Социолингвистическое описание его существования среди других дискурсов в аспекте их взаимодействия – задача предпринятого исследования. Важным является то, что полиязычные дискурс-пространства в Республике Башкортостан (РБ) позволяют изучить дискурс в его динамическом ракурсе – как многомерную структуру, проявляющуюся в разных измерениях.

По данным ВПН-2010, в РБ насчитывается 1,43 млн русских (36,1%), 1,17 млн башкир (29,5%), 1,0 млн татар (25,4%) и других национальностей. При этом РЯз владеет 98,4% населения: 96,5% башкир и 98,3% татар думают или свободно говорят на нём, около трети из них владеют им лучше, чем родным языком [12]. Демографическая мощь РЯз (96%) преобладает над демографической мощью татарского и башкирского языков. Высокие

показатели у славянского и тюркского компонентов, значительна доля у финно-угорского компонента [там же]. Коммуникативная мощность языков различна. Если в 1990/91 учебных гг. в школах республики обучение было организовано на 7 языках, то в 2009/10 гг. – на 14, на 6 из них – русском, башкирском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском – организовано обучение, а на 8 – мордовском, немецком, украинском, белорусском, еврейском, латышском, польском, армянском – изучение языков как предметов. Всего школ с обучением на родном языке и его изучением как предмета насчитывается: на башкирском языке 1763, татарском – 962, марийском – 198, чувашском – 124, удмуртском – 38, мордовском – 14 и т.д. В сфере массовой коммуникации используются русский, башкирский, татарский, а также марийский, удмуртский, чувашский языки (республиканские и районные газеты, радио- и телепередачи) [5, с. 104-130].

Содержание демографических процессов в РБ определяют процессы этнокультурного развития и межэтнического взаимодействия трех этносов – башкир, татар и русских, представляющих доминанту национального состава республики. Башкирский и татарский языки полифункциональны, т.е. используются в многообразных коммуникативных системах и в разных социальных сферах. Так порождается параллельное национально-русское (гетерогенное, инофонно-русское) и национально-национальное (гомогенное при рассмотрении тюркского компонента) двуязычия. При этом возникает вопрос о характере РЯз, который в отдельных своих вариантах в речевой практике билингвов отклоняется от общерусского языкового стандарта. Наблюдается «своеобразие не только русской речи русского населения, но и русской речи нерусских жителей при высокой степени владения РЯз последними» [1; 2, с. 166]. Предполагается нечто третье, порожденное этими двумя типами билингвизма и характерное только для жителей РБ, в частности, горожан Уфы – «новый народный разговорный язык тюркоязычных жителей Уфы» [1, с. 110-111], компактно проживающих и активно общающихся в разных сферах жизнедеятельности и представляющих в совокупности лингвистически неоднородную, гетерогенную (диалектную /ди-, тригlossную) этнокультурную группу. Особенности функционирования РЯз в РБ свидетельствуют о его вариативности в зависимости от степени распространения, национального состава пользующихся им носителей языков, их социально-психологических, этно-, лингвокультурных характеристик [14, с. 530]. Введенный нами условный термин для обозначения этого феномена – «БашТаРус» (по первым слогам и буквам распространенных в городе языков, составляющих тюркский компонент национально-русского двуязычия), – представляет социолингвистическую часть полиязычного дискурс-пространства, в поле изучения которого вовлекаются сложные коммуникационные объекты: устная речь (в т.ч. разговорная речь, городское просторечие и его виды – молодежный жаргон, корпоративные языки, полудиалект, глоссемы регионального характера, в т.ч. онимы (тюркского происхождения и пр.), письменные тексты (наименования городских объектов, торговые вывески, внешняя реклама, граффити как часть уличного искусства, уличные объявления и пр.) [6, с. 148-150]. Занимая про-

межуточное положение по структурно-функциональным характеристикам между койне, лингва франка и общенациональным литературным (русским) языком, БашТаРус являет собой региональный вариант РЯз, используемый тюркоговорящими в качестве средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и диалектов [7, с. 185-186].

В РБ, как и во многих других полиэтнических регионах РФ, при национально-русском типе билингвизма отмечается сдвиг в сторону РЯз. В подобных случаях для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизовавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата: отличная от норматива фонетическая структура базовых языков, лексико-грамматические особенности и т.п. Представляется, что в полиязычном дискурс-пространстве РБ результатом процесса контактов является ситуация Яз1+Яз2+Яз3, т.е. параллельное стабильное владение двумя/тремя системами как в языковом, так и (или) в культурном плане. Именно к процессам, ведущим к такой ситуации, применимым представляется понятие аккультурации, как отличное от ассимиляции и обозначающее появление новой локальной лингвокультуры, без сколько-нибудь существенного ущерба для старых, «взаимопроникновение, своеобразное «вхождение» многочисленных языковых и лингвокультурных средств и явлений одних культур в другие» [17, с. 193]. Разумеется, если одна общность является одновременным носителем в более или менее сравнимой степени двух/трех культур (или языков), то между последними не может не возникнуть хотя бы ограниченных взаимовлияний, как правило, обоюдных, практически всегда неравновеликих. Многое здесь будет зависеть от индивидуальных факторов, но в языковой интерференции при двуязычии они играют не меньшую роль. В подобной ситуации сосуществующие культурные и языковые системы обслуживают, обуславливают и институционализируют социальное поведение на разных уровнях и в разных дискурсах [15, с. 115].

Социолингвистический подход к изучению внешних (субстратных) и внутренних (языковых, речевых) факторов вербального проявления языкового взаимодействия позволяет всесторонне представить результаты контактов различных социалем на уровне языка, на уровне того средства общения (лингвемы) билингвов и диглоссов, которые присущи данному конкретному социуму, и определить социально детерминированные связи языка и общества – демографические, образовательные, профессиональные, религиозные и т.п. Благодатным материалом в этом отношении являются различного рода заимствования, экзотизмы, вкрапления, отмеченные в речи билингвов и диглоссов, а также различного рода интерференции и трансференции, связанные с проявлением адстратных особенностей двуязычия и мультилингвизма на территории Башкортостана.

Демолингвистические переменные вносят порою существенные изменения в полиязычные дискурсивные пространства. Прежде всего это относится к такому компоненту, как социально-функциональная иерархия языков в различных дискурсах (политическом, научном, культурном). В работах по

данной проблематике представлялась картина языкового состояния, лишь немногие исследователи имели в виду развитие, функционирование языка в разных сферах его применения (дискурсах), т.е. исследование его в развитии, а не констатацию только как факта (хотя последнее тоже важно).

Социализация личности, индивида отображается в дихотомии *язык-речь*. Отечественными учеными была создана трехчленная формула: *компетенция – отношение – ориентация*, которую вполне можно принять с одним дополнением, касающимся содержания «языковой ориентации». С учетом происходящих языковых реформ термин «языковая ориентация» несет в себе не только «психологическое отношение билингвов к различным языкам» (М.Н. Губогло), что вполне приемлемо и понятно, в современных условиях – это и отношение индивида (монолингва, билингва) или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [1].

Языковая компетенция, связанная с владением и использованием языками в РБ, может быть охарактеризована следующими показателями. Владение родным языком (этнической принадлежности) представителями основных национальностей республики можно проиллюстрировать такими показателями: башкиры – 74,7%, русские – 99,9%, татары – 92,9%, чувашаи – 82,7%, марийцы – 91,2%, украинцы – 41,4%, мордва – 66,9%, удмурты – 90%, белорусы – 26,4%, немцы – 46,9%, евреи – 12%, казахи – 65,3%, азербайджанцы – 74,3%, армяне – 57,2%, латыши – 46,9%, греки – 24,4% [4, с. 14].

Неослабевающий научный интерес к проблемам билингвизма свидетельствует лишь о перспективности исследований в этой области. К таковым, в частности, относится не теряющая своей актуальности на протяжении почти трех столетий проблематика *Turco-Slavica* вместе с её доминантной *Turco-Rossica*, которая наиболее полно раскрывает свою лингвистическую сущность в межъязыковом взаимодействии различных социумов, особенно полиэтничных. Весьма плодотворными представляются исследования в рамках *Turco-Rossica* городского билингвизма в условиях РФ, в т.ч. и РБ. В современной отечественной социолингвистике данное направление представлено скромно: в 1996 г. опубликована монография Н.А. Прокуровской «Город в зеркале своего языка» (на примере г. Ижевска), в которой есть глава, посвященная анализу удмуртско-русского двуязычия; монография З.А. Исхаковой «Двуязычие в городах Татарстана» (Казань, 2001 г.), где основательно представлено не только татарско-русское, но и русско-татарское двуязычие, а также речевое поведение татарского и русского населения г. Казани; исследование Н.Г. Искужиной «Двуязычие в городах Башкортостана» (Уфа, 2014 г.), включающее вопросы формирования и функционирования двуязычия в социально-культурной структуре городов РБ и влияния урбанизации на речевое поведение горожан. За рубежом проблему городского билингвизма активно разрабатывают в Брюсселе (Бельгия), Великом Тырнове (Болгария), Хельсинки, Тампере, Турку и Ювяскюле (Финляндия) и многих других странах.

Отрадно отметить, что в русле перечисленных направлений изучения полиязычных дискурс-пространств в РБ при БашГУ были представлены и успешно защищены научные работы – докторские и кандидатские диссертации, посвященные взаимодействию языков в двуязычном коммуникативном пространстве [1; 10], моделированию психологической (ассоциативной) структуры значения слова при двуязычии [13-16], описанию и характеристике языковой ситуации Краснокамского района РБ [3], функционированию языков в районах Зауралья РБ, а также различных языковых подсистем и билингвизма в городе Уфы [5; 8; 9]. Фронтальное изучение городского билингвизма ещё предстоит, но работа уже ведется силами аспирантов, дипломников, соискателей (см. напр.: [9; 18]).

Эскизно изложенные результаты и перспективы исследования полиязычия в различных дискурс-пространствах РБ свидетельствуют о сложном взаимодействии того, что составляет изучаемое концептуальное поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000. 156 с.
2. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблемам изучения языковой ситуации РБ // Система языка: синхрония и диахрония. Уфа, 2009. С. 165–169.
3. Галимьянова В. Р. Языковая ситуация как социолингвистическая проблема. Нефтекамск, 2007. 116 с.
4. Государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа». Уфа, 1996. 88 с.
5. Искужина Н. Г. Языковая ситуация в районах Зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект. Уфа, 2008. 216 с.
6. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Параметры варьирования русского языка в условиях городского билингвизма // В мире научных открытий. 2013(а). № 5.1(41). С. 134–154.
7. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013(б). № 3. С. 181-186.
8. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Формирование этнической идентичности: возможности в профилактике деструктивной этнорегиональной маргинальности // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2(70). С. 133–138.
9. Исмагилова Н. В., Калимуллина Л. А., Салихова Э. А. Особенности взаимодействия русского языка с тюркскими (башкирским и татарским) языками в г. Уфе // Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана. Уфа, 2007. С. 5–33.
10. Майоров А. П. Взаимодействие языков в двуязычном коммуникативном пространстве (социальные аспекты). Уфа, 1998. 137 с.
11. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Magister Dixit – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. Иркутск. 2011. № 2(06). С. 153–159.

12. Национальный состав населения Республик Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа, 2012. 54 с.

13. Салихова Э. А. Ассоциативный портрет билингва // Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана. Уфа, 2007. С. 34–139.

14. Салихова Э. А. Специфика языковых контактов в лингвоэтническом пространстве Республики Башкортостан // Социальная политика и социология. 2010. № 8. (62). С. 529–532.

15. Салихова Э. А. «Человек говорящий» vs социум в контексте полилингвизма // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 111–118.

16. Салихова Э. А. Двужычие и триязычие как социопсихолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. (62). С. 52–56.

17. Халупо О. И. Межкультурная компетенция в ситуации глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 5 (16). С. 192–195.

18. Ярмухаметова Л. Ф., Салихова Э. А. Монологические жанры в изучении языка современного города (на примере надписей в маршрутных автобусах г. Уфы) // Перспективы науки–2015. Казань, 2015. С. 184–188.

A.A. Ayupova, E.A. Salikhova

THE FUNCTIONING FEATURES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN MULTILINGUAL DISCOURSE-SPACES OF BASHKORTOSTAN REPUBLIC

We present the material of the article which is devoted to the description of the peculiarities of the use of the Russian language as the official and interethnic means of communication for bi - and trilingual individuals. The author shows the specificity of the regional variant of the Russian language. Taken into account the value orientations of ethnophors, forming a language portrait of society, especially the bilingual as a unique phenomenon of sociolinguistics. According to the latest census of the population described by the statistical indicators of the representation of languages in the Republic, the sphere of their operation and demand. The prospects of researches are broadly marked in the indicated direction.

Keywords: bilingualism / biligualism, demolinguistic variables, multilingual discourse, Turco-Slavica, Turco-Rossica, linguistic competence, linguistic situation.

Аюпова Людмила Лutfеевна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Ayupova Ludmila Lutfeevna, Doctor of Philology, Professor
Bashkir State University

Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет»

E-mail: salelah12@yandex.ru

Salikhova Elvina Ahnafovna, Doctor of Philology, Associate Professor
Ufa State Aviation Technical University

E-mail: salelah12@yandex.ru

УДК 81'272

И.А. Вотякова

МНОГОЯЗЫЧИЕ ИСПАНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Европейское образовательное пространство уже в своей основе является многоязычным, и в европейских общественных институтах официально равноправно используются все официальные языки Евросоюза. Однако существует целый ряд языков, имеющих значительные преференции перед другими, что нашло свое отражение в наборе основных языков для публикаций в научных журналах, участия в конгрессах, преподавания в университетах, которые столкнулись с новыми проблемами мультиязычного обучения на современном этапе.

Ключевые слова: многоязычие высшей школы, европейская интеграция, языковая политика, Испания.

Европейское образовательное пространство в своей основе является многоязычным. В европейских институтах официально равноправно используются следующие языки: английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латышский, литовский, мальтийский, немецкий, нидерландский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, французский, хорватский, чешский и др. Все решения, принимаемые официальными органами ЕС, переводятся на все государственные языки, и граждане вправе обращаться и получать ответ на свои запросы на любом из официальных языков. При проведении мероприятий на высшем уровне принимаются меры по осуществлению перевода выступлений участников на все официальные языки.

С другой стороны, отмечается целый ряд противоречий. Во-первых, известно, что на территории ЕС функционирует около 60 языков, а на официальных мероприятиях частотным является использование либо английского, либо немецкого, либо французского в качестве общего языка-посредника, что способствует укреплению позиций этих языков. Во-вторых, даже поверхностный анализ информационных писем научных конгрессов и конференций, проводимых в университетах, подтверждает данное положение. Этот факт, возможно, обусловлен удобством и экономическими соображениями, т.к. использование только одного добавочного языка-посредника конференции или конгресса существенно снижает расходы по их проведению. Нельзя не отметить и то, что научные публикации в наиболее авторитетных журналах, заявки на получение грантов также чаще всего выполняются на трех вышеуказанных языках, что снижает значимость других языков в научном и академическом диалоге.

Однако многоязычие ЕС не отражается на потребности изучения другого иностранного языка – лишь 66% жителей знает иностранный язык. Как правило, население небольших стран говорит на другом языке, что чаще все-

го, на наш взгляд, является вынужденной мерой. Например, иностранным языком владеют в Люксембурге 99% жителей, в Литве – 97%, в Латвии – 95%, в Дании – 94%, в Словении и Швейцарии – 92%. Во Франции, Италии и Испании этот процент составляет соответственно 59%, 60%, 51%.

Проблема межкультурной коммуникации стоит достаточно остро, т.к. столь стремительное расширение ЕС и другие внешние факторы: глобализация, рост миграционных потоков, – привели к еще большему языковому разнообразию, не способствующему культурному объединению Европы.

В связи с формирующейся языковой ситуацией, развитием интеграционных и миграционных процессов, активизацией академической мобильности, проведением образовательных реформ языковая политика в области образования направлена на полиязычное обучение как в средней, так и в высшей школе. Особенно усиливается роль многоязычия в университетских программах обучения. Так, например, в Испании в 2011-2012 учебном году среди иностранных студентов, обучающихся в бакалавриате, 46,8% составляли европейские студенты (38,6% – из ЕС, а 8,2% – из остальной части Европы), 9,4% – из Африки, 34% – из стран Латинской Америки и Карибского бассейна, 6,4% – из Азии и Океании. За последний учебный год 36718 студентов выехали на обучение в другие страны, что на 11,4% больше, чем в предыдущем году. Несмотря на это, число европейцев, въезжающих в Испанию, выше, чем число уезжающих. Наиболее привлекательными странами для испанских студентов по программе Эрасмус являются Италия (22,3%), Франция (12,6%), Великобритания (10,7%) и Германия (10,6%), в то время как в Испанию, как правило, приезжают студенты из Италии (34,2%), Португалии (23,9%) и Бельгии (22,6%).

Рассмотрим проблемы мультиязычного обучения на примере крупного европейского университета – Гранадского университета. Он был основан в 1531 году и на сегодняшний день располагает четырьмя кампусами, расположенными в исторических частях города, а также двумя другими, находящимися в городах Сеута и Мелия в Африке. Этот университет отличает сочетание традиций и инноваций, что, например, проявляется в одновременном сохранении и реставрации зданий-памятников исторического наследия и строительстве нового современного Технологического парка науки и здоровья. В настоящее время в данном вузе успешно работают 346 исследовательских групп, а в рамках программ Государственного плана по исследованиям и других фондов ведется разработка по 165 исследовательским проектам и по 78 проектам Совета по инновациям, науки и предпринимательства.

Гранадский университет предлагает 75 специальностей бакалавриата и специалитета, 68 магистерских и 116 аспирантских программ, а также 113 дополнительных курсов в 28 учебных центрах. Кроме того, так называемая «Аудитория открытого образования» проводит различные курсы для людей пожилого возраста. В стенах Гранадского университета учится 60000 студентов, магистрантов и аспирантов и 20000 человек ежегодно приезжает на программы различных летних школ и других форм обучения. Таким образом, это один из крупнейших европейских вузов, который отражает все существующие

щие тенденции обучения в условиях многоязычия, и, безусловно, его опыт работы является полезным для других образовательных учреждений, в том числе высших учебных заведений Российской Федерации.

Языковая политика Гранадского университета базируется на понимании того, что основным официальным языком обучения является испанский, для продвижения которого делается все возможное. Статус университета как престижного европейского вуза и перспективы его развития требуют конструктивного подхода к другим иностранным языкам и многоязычию. Основными положениями языковой политики университета являются:

- 1) обеспечение и повышение статуса испанского языка как научно-исследовательского и учебного языка;
- 2) обучение другим языкам, получение соответствующей аккредитации;
- 3) определение особого статуса английского языка в университете в связи с его ролью в качестве языка международного академического и образовательного обмена;
- 4) применение соответствующих языков при необходимости;
- 5) учет состояния и развития преподавания и исследований на других языках;
- 6) использование понятных и соответствующих языков в исследованиях, обучении и административной деятельности;
- 7) развитие возможностей для «частичных» носителей другого языка с целью параллельного использования языков (ни один язык не преобладает над другим), а также создание мультиязычного контекста работы.

Особое место английского языка, по мнению администрации вуза, обусловлено его международным статусом, и его продвижение в качестве языка научного обмена делает Гранадский университет более привлекательным для студентов, преподавателей и зарубежных исследователей, а также способствует конкурентоспособности выпускников бакалавриата, магистратуры и докторантуры на национальном и международном рынках труда. При этом организация обучения на английском языке в соответствии с образовательными целями не должна подрывать позиции испанского языка.

Гранадский университет имеет давние традиции в преподавании иностранных языков, разнообразных и обширных по культурному и географическому происхождению, что всегда было одной из сильных сторон этого вуза, поэтому, с точки зрения администрации университета, должны быть созданы все условия для обеспечения обучения и проведения ряда мероприятий на других языках, помимо английского языка. Глобальное развитие и европейская интеграция означают, что навыки на других языках, таких, как немецкий, французский, испанский, арабский, русский или китайский, среди прочего, играют определенную роль в научном мире и обществе в целом. Кроме того, языковые и культурные навыки студентов, исследователей, сотрудников, приехавших в Испанию из других регионов мира, рассматриваются как один из ресурсов развития университета.

Необходимо отметить, что при выборе изучаемого языка в настоящее время происходит усиление значимости группы так называемых «третьих языков», куда, как правило, входят русский, китайский, арабский языки, знание которых на сегодняшний день с учетом ситуации по безработице может стать определяющим фактором при приеме на работу.

Русский язык не является ни официальным языком Европейского Союза, ни официальным языком какого-либо государства-члена ЕС. Однако он стал довольно распространённым языком ЕС: по данным интернет-источников, он является родным примерно для 1,3 миллиона человек в Прибалтике, а также и для значительной части населения в Германии. Его активно изучают в славянских странах, и сегодня это 8-й язык по распространённости: около 7% граждан ЕС понимают русский язык или говорят на нем. Русский язык изучается на двух факультетах Гранадского университета: переводческом факультете и факультете гуманитарных наук. Кроме того, существует совместная образовательная программа Удмуртского государственного университета и Московского лингвистического университета, в рамках которой студенты имеют возможность получения двух дипломов.

Многообразие стран, представленных в Гранадском университете, отражает статистика количества студентов гуманитарного факультета, на котором обучается почти 5000 человек – представителей более 60 стран: студенты Испании составляют 82%, Италии – 2%, США – 3%, Германии и Польши – 1%, все остальные – 11%. При этом необходимо отметить, что в 2011-2012 учебному году соотношение иностранных и испанских студентов на бакалаврских специальностях, где особое место занимает изучение языков, было другим (см. соответственно): 25% и 75% (*Estudios árabes e islámicos*), 11% и 89% (*Estudios franceses*), 6% и 94% (*Estudios ingleses*), 3% и 97% (*Filología clásica*), 55% и 45% (*Filología hispánica*), 42% и 58% (*Lenguas modernas y sus literaturas*), 18% и 72% (*Literaturas compradas*). Таким образом, каждый второй и каждый третий студент является иностранцем, изучающим испанскую филологию, современные языки и литературы.

Все это отражает общую тенденцию языковых факультетов – обучение студентов в смешанных группах, когда в отдельных случаях количество иностранных студентов может быть больше, чем студентов – представителей страны университета. С другой стороны, среди последних могут быть те, кто не считает для себя родным язык этой страны, т.е., например, студенты – граждане Испании, но по национальности являющиеся славянами, китайцами, арабами и т.д.

Данные особенности обуславливают необходимость решения целого ряда дополнительных проблем:

1. Выбор языка обучения. Это может быть как официальный язык данной страны, так и с учетом всех политических коллизий региональный (например, в Испании каталонский). Кроме того, во многих университетах поощряется или требуется преподавание на английском языке.

2. Обладание преподавателем и представителями администрации языковыми, культурологическими знаниями и компетенциями во избежание

конфликтов между представителями разных культур и религий, образовательных традиций. В настоящее время складывается ситуация, когда преподаватель уже вынужден знать несколько иностранных языков и иметь представление об особенностях культуры разных стран.

3. Увеличивающаяся психоэмоциональная нагрузка преподавателя в новых условиях. Например, могут возникать довольно сложные ситуации между студентами-мигрантами или детьми мигрантов, изучающих родные языки в рамках европейских образовательных программ университетов, и преподавателями этих университетов, когда первые безосновательно полагают, что они, говоря в разной степени на родном языке, уже знают его грамматику, историю языка и т.д. В таких случаях преподавателям приходится «доказывать» свою профессиональную компетентность, что не происходит в обычных мононациональных группах.

4. Культурная и образовательная адаптация студентов, приезжающих в рамках академической мобильности. Например, вице-ректором по международным связям Гранадского университета проводится целый ряд таких специальных мероприятий, что отражено на сайте университета.

5. Отсутствие учебных пособий и материалов, отвечающих новым условиям и новым образовательным стандартам. Это очень серьезная проблема, т.к., по нашему мнению, все студенты в многонациональной группе должны работать с одинаковой нагрузкой. Но, к сожалению, на сегодняшний день отсутствуют учебники по иностранным языкам, которые предлагали бы задания для студентов разных национальностей. Например, нет учебников по славянским языкам, в которых представлены отдельные задания для студентов-славян и студентов не славян.

Все эти проблемы требуют тщательного анализа, т.к. академическая мобильность будет увеличиваться, а миграционные процессы – продолжаться. Учет особенностей многоязычия высшей школы поможет избежать целого ряда конфликтов разного уровня и будет способствовать повышению качества образовательного процесса.

I.A. Votyakova

MULTILINGUALISM OF THE SPANISH HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION

European Educational Area is inherently multilingual, and in European public institutions all the official languages of the European Union are used equally. However, there is a number of languages with significant preference over the others, which is reflected in a set of major languages used for publication in scientific journals, participation in congresses, teaching at universities that face new challenges of multilingual education today.

Keywords: multilingualism of the spanish higher education, european integration, language policy, Spain.

Вотякова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: irinavotyacova@udm.ru

Votyakova I.A., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: irinavotyacova@udm.ru

УДК 811.133.1'373.72(045) + 811.161.1'373.72(045)

Ю.В. Железнова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ АНТРОПОНИМОМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье производится сравнение французских и русских фразеологизмов, относящихся к разговорным и просторечным, которые содержат антропоним в качестве составного элемента. Фразеологизмы с антропонимами достаточно часто употребляются в речи для обозначения характеристик и качеств человека, кроме того их анализ позволяет обнаружить информацию культурно-бытового и исторического содержания, связанную с их происхождением. В результате автором выявляются как универсальные характеристики, так и специфические признаки, раскрывающие национальное своеобразие лингвокультур.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фразеологизм, антропоним, сопоставительный анализ.

Личное имя (ЛИ), которое человек получает при рождении, является необходимым условием его социализации и дальнейшей жизни в обществе. Одной из первых и, возможно, важнейших функций личного имени является идентификация индивидуума в социальной макрогруппе: мы обращаемся друг к другу по имени, полному или сокращенному, называя одно-два его компонента, например *Дмитрий Анатольевич, г-н Афанасьев, Вася Савельев*.

Второй, не менее важной функцией ЛИ остается легализация человека в сообществе, поскольку оно используется в деловых ситуациях, фигурирует в официальных и юридических документах. К другим функциям ЛИ исследователи относят указательную (антропоним позволяет отличить родственника от не родственника), кумулятивную (имя впитывает и удерживает культурно-историческую информацию, связанную с его владельцем), мифологическую, которая заключается «в выстраивании проекций имени (или фамилии!) на внешность или род занятий» [5].

Все вышесказанное доказывает социальную, в широком понимании этого слова, значимость личного имени. Однако его концептуальная и мировоззренческая суть гораздо глубже. В отечественной философии проблемой наименования занимались такие мыслители, как П. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев. Общим моментом их воззрений является отношение к имени как к антропокосмическому акту, несущему синергетический заряд, положенный в основу мироздания. А.Ф. Лосев писал об имени следующее: «Имя – как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще – есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг также и всей жизни, не только философии. Без имени – было бы бессмысленное и безумное столкновение глухонемых масс в бездне абсолютной тьмы, хотя и для этого нужно некое осмысление и, значит, какое-то имя» [3, с. 14].

Современная психология признает, что ЛИ является довольно уникальным явлением, поскольку именно этот семантико-звуковой комплекс человек слышит чаще всего, начиная с первых дней своей жизни. В его сознании постепенно закрепляется не только звукобуквенное сочетание, но также целый пласт ассоциаций, сознательных и подсознательных. В современных психологических науках установлено влияние имени на жизнь его обладателя, его интересы, личностную реализацию, а также связь имени с темпераментом и «эмоциональным портретом», присущим человеку с определенным именем.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ французских и русских фразеологических единиц с антропонимическим компонентом, извлеченных методом сплошной выборки из лексикографических источников он-лайн. В состав иллюстративного корпуса вошли фразеологизмы, которые можно разделить на несколько групп:

1) фразеологизмы с мифологическими антропонимами, например: *ouvrage de Pénélope* («работа, пряжа Пенелопы»), *Ахиллесова пята*;

2) библеизмы, например: *arche de Noé* («Ноев ковчег»), *со времен Адама и Евы*;

3) выражения, содержащие исторические антропонимы: *un beau Brummel* («очень красивый и элегантный мужчина», по имени английского денди 1778 - 1840), *как Мамай прошел*;

4) выражения, имеющие литературное происхождение: *élémentaire, mon cher Watson!* («(это) элементарно! (это) само собой!»), *сказки Шахерезады*;

5) фразеологизмы, обладающие культурной составляющей: *Oncle Sam* («дядя Сэм», *традиционный образ американца*);

6) просторечные выражения: *laissez faire à Georges, c'est un homme d'âge* («пусть сделает Жорж, он человек мудрый»), *мели Емеля, твоя неделя*.

Группы фразеологизмов, имеющих библейское и мифологическое происхождение, широко представленные в корпусе фактического материала, изучены в достаточной мере [1, 2, 4]. В поле нашего исследовательского интереса находятся фразеологизмы с антропонимами, относящиеся к разговорным и просторечным.

В корпусе фактического материала представляется возможным выделить фразеологические выражения с наиболее часто встречающимися именами, к таковым относятся мужские онимы *Jean* (25 единиц), *Martin* (9 единиц), *Jacques* (6 единиц) и женский оним *Marie* (8 единиц). На наш взгляд, объяснить такое положение можно культурно-историческими причинами. Данные имена принадлежат к категории широко распространённых личных имен на территории Европы и за ее пределами (ср. *Jean* (фр.) / *Johannes* (нем.) / *Juan* (исп.) / *Иван* (рус.) / *Yahya* (тур.)). Всеобщую популярность они snискали в связи с распространением и укреплением христианства. Так, *Marie* – имя Богородицы, *Jacques* – французский вариант библейского имени Иаков, носителем которого был *Saint Jacques le Majeur*, апостол Иисуса, один из самых его приближенных учеников. Имя *Martin* для французских носителей прежде всего связано с *Saint Martin*, святителем и проводником христианского уче-

ния среди кельтов-язычников, который, по данным энциклопедии имен, является самым почитаемым святым во французской культуре.

Рассматриваемые нами имена были традиционно популярны во Франции до середины 20 века, после чего интерес носителей к ним начал снижаться, современные социологи признают их устаревшими. Так, средний возраст обладателя имени *Jean* равен 67,6 годам, имени *Jacques* – 69,4 года, средне-статистической француженки с именем *Marie* – 64,7 года. Исключение составляет имя *Martin*, которое устойчиво к модным тенденциям. Средний возраст французов с этим именем – 24,5 года [9].

Итак, рассмотрим фразеологизмы с антропонимом *Jean*. В целом можно сказать, что данные единицы передают образ народного парня, типичного представителя французского крестьянства: *Jean farine* прост. «Жан-простак»; *Jean de Paris* «переодетый принц, сорящий деньгами»; *Jean de la suie* прост. «трубочист»; *être Jean comme devant* разг. «остаться у разбитого корыта»; *faire Jean* «быть рогоносцем»; *quand Jean bête est mort, il a laissé bien des héritiers* пров. «дураков на свете много; дураков не сеют, не жнут – они сами рождаются» и др. Также встречается ряд фразеологизмов, имеющих под собой реальную историческую основу, например: *c'est le chien de Jean de Nivelle, il s'enfuit quand on l'appelle* пров. «когда он нужен, его нет; он исчезает как раз тогда, когда он нужен» (происхождение выражения связано с бегством Жана де Нивель, сына герцога Монморанси, в тот момент, когда он услышал звуки труб глашатаев, вызывавших его в суд за совершенное преступление); *Jean des vignes* прост. уст. «козел отпущения» (королю Иоанну Доброму приписывают вину за разгром французских войск в сражении при Пуатье в 1356 году, среди виноградников); *chevalier de l'ordre de Jean-Guillaume* «висельник» (палачи носили прозвище Jean-Guillaume) и др. Интересны фразеологизмы с уменьшительными или краткими формами имени: *accroche-toi, Jeannot!* ирон. «Ну, теперь держись!»; *c'est comme le couteau de Janot* «от этого одно (только) название осталось».

Фразеологизмами с компонентом *Jacques* передается семантически близкий образ: *faire le Jacques* «валить дурака, прикидываться дурачком» / «быть послушным как овечка»; *Grand Jacquot* «простофиля»; *Paul et Jacques* разг. «каждый встречный»; *il est comme saint Jacques de l'Hôpital: il a le nez tourné à la friandise* «у него нюх на сладкое, как у святого Иакова» (намек на статую святого Иакова, повернутую лицом к улице, где жили в старину пирожники).

Идиоматические выражения с антропонимом *Martin* реализуют типажный характер простачка, деревенского пентюха: *faute d'un point, Martin perdit son âne* пров. «даже маленькое упущение может погубить дело»; *il y a plus d'un âne à la foire qui s'appelle Martin* пров. «он не один такой» и др. Другие фразеологизмы с антропонимом *Martin* актуализируют различные предметы быта или ситуации, связанные с традиционным укладом крестьянской жизни: *été de la Saint-Martin* «бабье лето» / «вторая молодость»; *le lit de Saint-Martin* «солома»; *le mal Saint-Martin* «запой» (на ярмарках

в праздник святого Мартина много пили); *Martin Bâton* уст. разг. «слуга, дающий удары палкой»/ «палка»; *la même Saint-Martin* прост. «одно и то же».

Что касается фразеологизмов, составным компонентом которых является оним *Marie*, то их можно разделить на две группы. К первой группе мы относим фразеологизмы, связанные своей внутренней формой с образом Богоматери: *enfants de Marie* «приют для девочек», «воспитанницы приюта», «ученицы церковно-приходской школы»; *fleur de Marie* прост. «невинность, девственность»; *mois de Marie* «месяц девы, месяц май»; *vin de la vierge Marie* арг. «молоко»; *marin de la vierge Marie* разг. «речник». Во вторую группу нами помещены фразеологизмы, ассоциативно передающие образ девушки из народа: *des queues Marie!* прост. «совсем нет; пустяки!»/ «не дождетесь! дудки! держи карман шире»; *Marie Bon-bec* «трещотка, болтуня, сплетница»; *une Marie couche-toi là* «проститутка».

Наиболее распространенными русскими именами, использующимися в составе фразеологизмов, являются *Иван*, *Фома*, *Еремей*, *Макар*, *Мария*, *Варвара*. По частотности употребления на первом месте стоит имя *Иван*. В большинстве случаев данный антропоним имеет нейтральную коннотацию, обозначает абстрактного человека и указывает на то, что речь идет о русском человеке: *добрый Иван и людям и нам*; *худой Иван и людям и нам*. К другим характеристикам, связанным с данным именем, можно отнести: глупость – *был Иван, а стал болван*, *а все винцо виновато*, безразличие к прошлому – *Иван, не помнящий родства*, надменность – *строить из себя какого-то Ивана*.

Образ простака закрепился и за именем *Макар*. Он не является представителем знатного рода – *не Макару с боярами знаться*, бестолков – *Макару поклон*, *а Макару на семь сторон*, а также часто попадает в сложные ситуации – *на бедного Макара все ишишки валятся*. Также образ простака и неумехи сохранился в пословице: *куда Макару телят не гонял*. При рассмотрении семантики онима *Мария* в составе фразеологических единиц можно сделать некоторые заключения, которые основаны на социокультурных сведениях о русском народе. Носительница имени *Мария* в фольклорной традиции считается простодушной, доброй, хозяйственной – *У нашей Марьюшки пироги сами мясятся, и в печь скачут*, *У вашей Глаши все пироги в саже*, *а у нашей Маши – все гости наши*, а в повседневной жизни недалекой – *Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья*. В русской культуре фразеологизмы с онимом *Мария* передают образ типичной представительницы русского народа наряду с онимом *Иван*: *Иван был в Орде, а Марья вести сказывает*; *Иван в дуду играет, а Марья вести сказывает*; *Марий да Иванов что грибов поганых*; *Марья без Ивана еще не Марья*; *Без изьяна нет ни Марьи, ни Ивана*.

Другие имена также заслуживают внимания. Так, например, для большинства русских имя *Емеля* имеет характеристику «болтун, пустослов». Однако она обусловлена чисто формальным сходством с глаголом *молоть*, вошедшим в поговорку: *мели Емеля – твоя неделя*. Большинство фразеологизмов используются для обозначения характеристик и качеств человека: *у злой Натальи все люди канальи* – злой, недружелюбный человек, который сам думает о других плохо; *Алеха сельский* – чрезмерно хвастливый человек; *Аноху строить* – валять дурака.

Также наше внимание привлекли просторечные фразеологизмы, которые можно отнести к разряду прибауток (Прибаутка — шутливое выражение, обычно в поэтической форме или поговорочного характера, употребляемое для оживления речи, разговора [7]). Отличительной особенностью этих выражений является использование аллитерации. Примеры единиц с мужскими именами: *fonce, Alphonse* разг. «давай жми!»; *ça colle, Anatole* «все в порядке»/ «порядок!»; *c'est juste Auguste* прост. «вот именно! ну конечно! точно! правильно!»; *tu parles, Charles!* разг. «еще бы! а как же! это точно!»/ «спрашиваешь! рассказывай!»; *cool, Raoul!* разг. «я думаю, еще бы, еще как, само собой!»; *hello, Charlot!* разг. «привет!»; *d'accord, Hector!* разг. «пожалуй, допустим!»; *tranquille, Émile!* прост. «я думаю, еще бы, еще как»; *relax, Max!* «успокойся! расслабься!»; *à l'aise, Blaise!* разг. «я думаю, само собой, еще бы, еще как!»; *à la tienne, Étienne!* разг. за твое здоровье! (*мочт*). С женскими именами зафиксировано только одно выражение: *ça glisse, Alice!* разг. «скользко! недолго и поскользнуться». Составными компонентами данных выражений выступают глаголы, например, *glisser, parler, coller*, и служебные частицы – *hello, d'accord*, которые помогают конкретизировать контекст ситуации их употребления.

В русском языке тоже существуют подобные устойчивые выражения, например: *Сергей-воробей; Гаврило-свиное рыло; Иван-болван, Мишка-еловая шишка; Татьяна-сметана; Алеха не подвоха; Афонька-тихонька; Афонасьи беспоясны; наши Фома пьет до дна; Зина-разиня; И на Машку бывает промашка; Маша-растеряша* и т.д. К специфическим особенностям данных единиц можно отнести контекст их употребления: личные ситуации общения иронического характера, в которых говорящий хочет «поддеть» собеседника или с юмором оценить действия другого человека. Также важной чертой приведенных выражений является незафиксированность в лексикографических источниках, что подчеркивает их разговорное употребление. К универсальным характеристикам фразеологизмов в анализируемых лингвокультурах можно отнести использование сокращенных форм имени: *Машка, Алеха, Charlot, Max*.

Таким образом, при сопоставлении фразеологических разговорных единиц с компонентом антропонимом во французском и русском языках представляется возможным выявить универсальные черты и идиоэтнические характеристики, в которых проявляется национальная специфика рассматриваемых лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровина К. Н. Библиейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 264 с.
2. Кучешева И. Л. Лингвокультурная специфика терминов-мифонимов (на материале английского языка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 15.03.2016).
3. Лосев А. Ф. Философия имени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/searchall.php> (дата обращения: 20.03.2016).
4. Назарова И. П. Библиейские фразеологизмы в национальной и социокультурной языковой картинах мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 15.03.2016).

5. Харченко В. К. Семейные родословные функции имени собственного [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/3225/1/Kharchenko_Semeynye%20r odoslovnyue.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

6. Словарь фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://frazbook.ru/frazeologizmy/> (дата обращения: 10.03.2016).

7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 18.03.2016).

8. Французско-русский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-french/dictionary-french-russian-phrase-term-297.htm> (дата обращения: 15.03.2016).

9. Ton prenom. Encyclopedie des prenom. URL: <http://tonprenom.com/djamella>.

Yu.V. Zheleznova

COMPARATIVE ANALYSIS OF CULTURAL IDENTITY IDIOMATIC EXPRESSIONS WITH ANTHROPONYMS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

This article deals with the comparative analysis of French and Russian idioms that come from colloquial language and contain an anthroponym as a composite element. Such idioms are quite often used in speech to indicate the character and distinctive quality of a person. Furthermore, their analysis allows to detect cultural and historical information related to their origin. As a result, the author reveals the distinction both common and particular features of the two languages.

Keywords: cultural identity, idiom, anthroponym, comparative analysis.

Железнова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: youliageleznova@gmail.com

Zheleznova Yu.V., Candidate of Philology, Associate Professor

Udmurt State University

E-mail: youliageleznova@gmail.com

УДК 81'373(811.161.1+811.162.1)

Е.И. Колосова

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЗМОВ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье представлен кросскультурный анализ функционирования отдельных соматизмов в русских и польских поговорках, особое внимание уделено тематической группе «Волосы» (коса, усы, борода и др.). В процессе исследования установлены универсальные и специфические черты в использовании соматизмов. Было отмечено, что сходство в паремиологии обоих народов связано с культурными факторами, а различия в концептуализации частей тела – с национальным своеобразием менталитета, специфическими чертами исторического развития, особенностями материальной и духовной культуры. Анализ репрезентации вербальных характеристик человека посредством соматизмов в русской и польской паремиологии в рамках кросскультурной лингвокультуристики вносит определенный вклад в исследование концептосферы, является информативным источником национально-культурной идентичности, формирует прецедентную базу языковых феноменов.

Ключевые слова: лингвокультурология, кросскультурный анализ, поговорки, соматизмы, русский язык, польский язык.

В современном мире перед человеческим сообществом в целом и перед конкретными носителями разных языков и культур встают различные вопросы сохранности своей национально-культурной специфики в связи с протекающими процессами глобализации и расширением коммуникационного пространства. Известно, что осознание своей этнической идентичности, как правило, происходит в случае знакомства с другой культурой и, в частности, с языком. Вообще определение оппозиции «свой» – «чужой» часто возникает при столкновении культур языков, только выйдя за рамки своей культуры и языка, человек начинает осознавать специфику своего, родного.

В языкознании особую значимость в конце XX века приобретают кросскультурные исследования, ориентированные на изучение общего и культурно-специфического как в языке, так и в культуре (см. работы Э.В. Грабаровой, Я.В. Зубковой, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, С.Г. Тер-Минасовой и др.). Кросскультурный анализ базируется на сопоставлении культур, который осуществляется на уровне вербализации национальных концептосфер и ключевых концептов языка. Данный тип анализа позволяет выявить специфические черты национального менталитета, зафиксировать культурные предпочтения представителей сопоставляемых этносов. Многие исследователи, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, отмечают, что «...проблемы в межкультурном общении могут возникнуть тогда, когда формальное “совпадение”, эквивалентность вербальных единиц оборачивается квазиэквивалентностью на содержательном уровне» [3, с. 319].

В связи с вышеизложенным анализ функционирования соматизмов в русских и польских поговорках *актуален* и объясняется прежде всего повы-

шенным интересом современных лингвистов к проблемам межкультурной коммуникации, взаимосвязи языка и культуры, языка и ментальности. Основная *цель* предпринятого исследования – установить универсальные и специфические черты в использовании соматизмов в русских и польских пословицах.

Следует отметить, что соматическая лексика связана с различными устойчивыми ассоциациями, которые могут быть соотнесены с религиозными, мифологическими и другими экстралингвистическими контекстами. Все соматизмы традиционно принято распределять по тематическим группам, обозначающим отдельные части тела человека, например, «Лицо» (лицо, лоб, нос, глаз, бровь, губы, щека и др.), «Части тела» (голова, плечи, спина, рука, нога, шея, живот и др.), «Волосы» (волосы, коса, усы, борода и др.) и под. В каждой группе обычно выделяется тот компонент, который более актуализирован в языке, или, напротив, менее популярен или полностью отсутствует, чаще в силу каких-либо отклонений. Например, можно отметить высокую частотность использования в пословицах обоих языков таких соматизмов, как *глаз (oko)*, *голова (głowa)*, *рука (ręka)*, *сердце (serdce)*, *кровь (krew)*. Встречаются единичные случаи употребления лексем, отражающих концептуальное понятие соматизма, например: *горб (garb)*, *бельмо (bielmo)*.

По справедливому замечанию Т.Г. Бочиной, «...жанровые особенности пословицы – назидательность, стремление передать накопленный народный опыт и зафиксировать в предельно сжатой, легко запоминающейся форме обобщенные наблюдения над сущностью явлений окружающего мира – теснейшим образом связаны с аксиологической картиной мира, системой ценностей и антиценностей народа» [1, с. 44]. Нами проведен кросскультурный анализ отдельных соматизмов, которые встречаются в паремиях славянской концептосферы с разным уровнем частотности и наполненности лексико-семантического поля. Наиболее популярным в обоих славянских языках является соматизм *глаз (oko)*.

Глаза, зрение – это важная составляющая в процессе восприятия окружающего мира человеком. С помощью глаз человек получает основную информацию о мире, далее происходит сложный процесс преобразования полученных сведений о реальной картине мира в концептуальную, в ряде случаев индивидуальную и общую, национально-специфическую. С древнейших времен у всех народов бытовали суеверия, связанные с так называемым дурным глазом. И в русской, и в польской традиции чужие считались потенциально более способными к сглазу, опасными признавались черные глаза. Это подтверждают примеры пословиц, ср.: русск. *Глаз чёрный, взгляд бойкий, обычай волчий; Нет проку в татарских очах, Свой глаз – миленький дружок, а чужой – вор (вороз)* [2]. Обращает на себя внимание употребление с отрицательной коннотацией словосочетания *татарский глаз*, приведенного в словаре В. Даля с пометой: Татарские очи - арх. наглый бесстыжий плут [там же]. Несомненно, это теснейшим образом связано с историей Руси, которая находилась долгое время под татаро-монгольским игом, платила дань Золотой Орде в период с 1238 – 1382 гг., лишь в 1480 г. Русь официально избави-

лась от ига. Как в русских, так и в польских поговорках чужие, черные, злые глаза воспринимаются отрицательно: *Kto ma złe oczy, ten się słońca strzeże* (букв. У кого злые глаза, тот от солнца прячется); *W złym oku zawsze zły obraz* (букв. В плохом (дурном, злом) глазу всегда плохие образы); *Złe oczy wszystko krzywo widzą* (букв.) Злые глаза все криво (косо) видят [5, с. 277].

В славянской традиции глаза воспринимаются как зеркало души, именно посредством глаз, как мы уже отмечали выше, формируются представления о жизни, по глазам также можно судить о внутреннем мире человека. Так, в русской ментальности глаза свидетельствуют о душе, намерениях человека: *Глаза – бирюза, а душа – сажа; Глазами кос, да душою прям; Честные глаза вбок не глядят; У зависти глаза рачьи* [4]. В последнем примере, скорее всего, глаза человека ассоциируются с белыми выпученными глазами рака после его тепловой обработки, что обуславливает негативную коннотацию. Обратимся к польскому языку, в котором также можно отметить значительный пласт поговорок, содержащих характеристику человека в зависимости от его глаз: *Mądre oczy lepiej w nocy widzą niż głupie w dzień* (букв. Умные глаза даже ночью лучше видят, чем глупые – днем); *Oko – do serca okno* (Око – к сердцу окно); *Starym oczom inaczej się widzi* (букв. Старые глаза по-другому видят); *Nie wszystkie mają jednakie oczy* (Не у всех глаза одинаковые) [5, с. 276-277]. В польских поговорках закреплена оппозиция, которая не во всех примерах выражена вербально, но отражена на уровне семантики: *mądre – głupie, stare – młode, jednakie – różne*. Подчеркивается важность и ценность такого органа человеческого тела, как глаз, и вообще способность человека видеть, понимать, выносить суждения.

Наше внимание привлек тот факт, что в пословицах незначительно представлены соматизмы тематической группы «Волосы» (волос (волосы), коса, усы, борода), хотя в культурной картине мира эти гендерные признаки очень важны, что и зафиксировали национальные стереотипы. При этом наличие усов и бороды у мужчин или косы и длинных волос у женщин связано с полярными коннотациями. Ср.: мужская характеристика с положительной коннотацией: русск. яз. *Ус в честь, а борода и у козла есть*; с отрицательной коннотацией: русск. яз. *Много красы: одни скулы да усы; Борода глазам не замена, Борода по колено, а дров ни полена* [4]. Обратимся к поговоркам, содержащим женскую характеристику с положительной оценкой: русск.яз. *Девичья коса – на всю Москву краса (Коса – девичья краса)*; с отрицательной оценкой: русск.яз. *Волос долог, да ум короток, У девушки нрав косою закрыт, уши золотом завешены* [2]; польск.яз.: *U kobiety włos długi, a rozum krótki* [5, с. 459]. Можно констатировать тот факт, что в польской конфетосфере меньше уделено внимания характеристике волос на лице как у мужчин, так и у женщин. Вероятно, это связано с близостью польской культуры к европейской, тогда как на Руси существовали свои стереотипы. Известно, что в русской культуре традиция отращивать длинные волосы у девушек (женщин) связана с национальным менталитетом, волосы являются непременным женским атрибутом, связанным с концептом «красота»: *Красная краса – русая коса*. При этом до замужества полагалось носить одну косу, две косы носили

замужние женщины. С момента вступления в брак никто, кроме мужа, больше не видел этих кос, их покрывали головным убором. Интересно, что старым девам строго запрещалось переплетать одну косу в две и носить кокошник. Коса – эталон женской красоты на Руси. Стереотипный образ русского мужчины на Руси также был связан с наличием бороды, которая являлась признаком мужественности, зрелости. Мужчине без бороды практически невозможно было создать семью, он считался неспособным к продолжению рода. И только Петр I в 1698 г. издал указ о запрете ношения бороды, ввел налог по образцу некоторых европейских государств. Отсутствие волос на лице мужчины в то время вступало в конфликт с культурными традициями и религиозными нормами, отсюда появившееся обидное прозвище «босое рыло», так называли выбритых мужчин (по материалам сайта <http://via-midgard.info>).

В паремиологии обеих культур делается акцент на цвете волос. Например, самым частотным является признак «седые (белые, сивые) волосы» как в русском, так и в польском языке: русск. *Борода сивая, да душа красивая, Волосом бел, а крепостью цел, Волосом сед, а совести нет* [4]; *Седина в бороду, бес в ребро* – польск. *Siwa broda, lecz myśl młoda* (букв. Седая борода, да мысль молода); *Gdy włos siwieje, to rozum dojrzeje* (букв. Когда волос седеет, ум созревает) [5, с. 459]. Надо заметить, что не только цвет, но в ряде случаев и вообще волосы на лице – это признак наличия или отсутствия мудрости, но только, естественно, у мужчин: русск. *Борода росла – разума не принесла* – польск. *Broda nikogo mądrzem nie uczyni* (букв. Борода никого умным не делает), *Z głupiej głowy mądre włosy czekają* (букв. С глупой головы умные волосы убегают) [там же]. О возможности наличия бороды (усов) у женщин говорится как о чем-то невиданном, нереальном, о том, что никогда не случится: русск. *Кабы нашей попадье да попова борода, то давно бы благочинным была* – польск. *Gdyby ciocia (babcia) miała wąsy, toby był wujaszek (była dziadkiem)* (букв. Если бы тетя (бабушка) имела усы, то это был бы дядюшка (была бы дедушкой)) [там же].

Таким образом, проведя небольшой кросскультурный анализ отдельных соматизмов в паремиях русского и польского языков, можно сделать следующие выводы. Во-первых, сходство в использовании соматизмов в русской и польской паремиологии связано с культурными факторами, в первую очередь с наличием ключевых концептов, лежащих в основе восприятия, понимания человеком мира (см. соматизм *глаз (oko)*). Во-вторых, различия в концептуализации и вербализации частей тела в русской и польской концептосферах определяются национальным своеобразием менталитета, языка, специфическими чертами исторического развития, особенностями материальной и духовной культуры русских и поляков (см. концепт «волосы» с соматизмами *борода, коса, усы*). В-третьих, репрезентация вербальных характеристик человека посредством соматизмов в русской и польской паремиологии является информативным источником о национально-культурной идентичности данного этноса, формирует прецедентную базу языковых феноменов.

На наш взгляд, подобные исследования в рамках кросскультурной лингвофольклористики как современной науки вносят определенный вклад в разработку исследования концептосферы русского и польского народов. Обращение к русским и польским паремиям позволяет расширить представление о чужой культуре и языке и вступить в межкультурный диалог. Данные материалы могут быть использованы в практике преподавания вузовских лекционных и практических курсов по русскому и польскому языку, спецкурсов «Русский язык в современной межкультурной и межъязыковой коммуникации», «Национальная языковая картина мира (на материале польского языка)», «Русские культурные концепты».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочина Т. Г., Сян Цюнь. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. *Philology and Culture*. Серия «Филологические науки. Лингвистика». 2013. №3 (33). С. 44–48.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rodon.org/dvi/prn0.htm> (дата обращения: 18.04.2016).
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М: Гнозис, 2003. 375 с.
4. Толковый словарь русского языка. Пословицы и поговорки. 2014. Режим доступа: <http://tolkru.com/pogovorka/> (дата обращения: 18.04.2016).
5. *Przysłowia polskie i obce. Od A do Z*. Redaktor prowadzący T. Jendryczko. Warszawa: Świat Książki, 2003. 511 p.

E.I. Kolosova

CROSS CULTURAL ANALYSIS OF SOMATISM IN PAROEMIAS OF THE RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES

The article presents cross cultural analysis of the way some somatisms function in the Russian and Polish paroemias, special attention is paid to the lexical group “Hair” (braid, moustache, beard). The research defines universal and specific characteristics of the somatisms usage. It is noted that similarities of the paramiology of the both nations are connected with cultural factors and differences in conceptualization of the body parts with national peculiarities, specific characteristics of historical development, specific features of the material and spiritual culture. In general the research of the human verbal characteristics representation made through somatisms in Russian and Polish paramiology helps to develop the concept sphere within the scope of the cross cultural linguofolkloristics. The representation could be an informative source of national and cultural identity as well as becoming the basics for language phenomenon formation.

Keywords: linguoculturology, cross cultural analysis, paroemia, somatisms, the Russian language, the Polish language.

Колосова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: hkolosova@yandex.ru

Kolosova Elena Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: hkolosova@yandex.ru

УДК 81'255.2:81'37(045)

А. Подставска, М. Пызык

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КОННОТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ТЕСТОВ

В статье рассматриваются проблемы, с которыми может столкнуться переводчик при переводе русского текста на польский язык и польского текста на русский язык. В данной статье приведены культурные различия, которые влияют на понимание некоторых слов или выражений. Авторы статьи дают определение перевода, рассматривают коннотацию с разных точек зрения и выделяют проблемы, связанные с передачей коннотации при переводе. Кроме того, в статье указаны типичные ассоциации и коннотации носителей польской и русской культур.

Ключевые слова: перевод, коннотация, ассоциация, культурные различия, переводческие ошибки.

Существует множество определений термина *перевод*, что обусловлено разнообразием видов этой деятельности. На основании изученных нами материалов следует сделать вывод, что перевод – это деятельность, направленная на передачу как можно большего объема информации, знаков, кодов, смыслов, чувств, эмоций или текстов из одной системы в другую. В процессе перевода переводчик может столкнуться с большим количеством трудностей, начиная с грамматических и заканчивая культурными. Причиной этому могут быть, например, крылатые выражения, которые уже давно существуют в той или иной культуре. Здесь в качестве примера можно привести фразу «Какая гадость эта ваша заливная рыба» из фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», которая «используется как шутивная форма осуждения чего-либо (не обязательно какого-либо блюда)» [3]. Переводчику необходимо знать такие популярные выражения. Кроме того, часто трудности связаны с переводом реалий, пословиц, фразеологизмов, цитат из литературных произведений, а также с передачей коннотации.

По мнению Э.Б. Бузуновой, коннотация – это «часть семантики слова, которая узуально или окказионально входит в семантику языковой единицы и выражает эмоционально-оценочное отношение субъекта речи к действительности», а также «ассоциативные и прочие значения, возникающие в процессе речи под влиянием контента» [2, с. 8-9]. Важно, что при первом подходе коннотация рассматривается как факт языка, при втором – как факт речи [2, с. 9-10].

Серьезной проблемой при переводе может являться культурная коннотация, так как представление о том или ином культурном факте нередко различается даже у двух носителей одного языка, принадлежащих к одной и той же культуре. В качестве примера можно привести польское слово «руга», которое в зависимости от района Польши является или диалектизмом, или шутивным, или даже обидным словом: руга – 1. reg. ziemniak, 2. leksew.

mieszkaniec Poznania» / 1. перг. картошка, 2. шутил. житель Poznania [8]. И так, в одном из центральных районов Польши это слово является региональным названием картошки, а в других областях, где это слово не употребляется как название, оно будет связано с человеком, который родился в этом районе, причем может обидеть человека.

Как пишет Дорота Гижыньска в своей статье «Konotacje w przekładzie», еще одна проблема, касающаяся передачи коннотации, возникает, когда коннотация рассматривается с точки зрения ее отношения к денотату. Почти каждое слово имеет свою денотацию, т.е. своего референта, но проблема возникает тогда, когда элементы денотации связаны с вещами или явлениями, которые отсутствуют в языке перевода. Надо обратить внимание на то, что денотация имеет объективное значение, а коннотация указывает на субъективную интерпретацию, и таким образом, с ее помощью могут возникать особые ассоциации, которые практически невозможно передать при переводе. Субъективность касается не только ассоциации, возникающей у читателя оригинальной версии, но также и ассоциации переводчика, которые могут не совпадать с предусмотренными ассоциациями автора оригинала. Поскольку коннотация позволяет передать множество смыслов, переводчик может их по-разному оценивать. Бывают даже случаи, когда переводчик передает коннотации, которых нет в оригинальном тексте [5].

Об этом случае пишет Марта Казимерчак в статье «Obcość w oryginalne, obcość w przekładzie – Bela Michaiła Lermontowa». Она рассматривает разные стратегии перевода произведения «Бэла» Михаила Лермонтова. В статье указано, что переводчик буквально перевел русское название «чеченцы» и «чеченец» на польский язык как «Czeczenci» и «Czeceniec», хотя правильные формы «Czecenieni» и «Czecenien». Эта ошибка создает отрицательную коннотацию из-за добавления суффикса *-niec*, на который заканчивается множество польских слов, указывающих на очень плохое, неправильное поведение или неопрятный внешний вид человека, о котором идет речь. Например, «oberwaniec» – оборванец (м. разг. Человек в изорванной, изношенной одежде) [1], «pomylenie» (pot. osoba zachowująca się w sposób odbiegający od normy) – помешанный / сумасшедший [8] или «porapraniec» (pogard. osoba, której nic się nie udaje w życiu) – презрение к человеку, которому ничто не удастся в жизни [8]. Таким образом, формы «Czeczenci» и «Czecenieniec» выражают своего рода неуважительное отношение, которое, возможно, переводчик передал ненамеренно [6].

Названия национальностей сами по себе могут быть причиной возникновения трудностей при переводе из-за дополнительной окраски слова. Примерами могут быть такие слова, как «жид», «полячка» и «русский». В польском языке слово «Żyd» является нейтральным названием для человека еврейской национальности (1. członek narodu żydowskiego, 2. wyznawca judaizmu / 1. член еврейского общества, 2. верующий в иудаизм) [8]. Если речь идет о национальности, это слово не вызывает никакой плохой ассоциации у поляков, однако в русском языке имеет отрицательную коннотацию (разг.-сниж. Презрительное название еврея) [1].

Правильное русское название для польской женщины – *полька* (поляк – м., полька – ж.) [1]. Часто употребляется в русском языке и разговорное слово «полячка» [1], можно предположить, что оно помогает русским людям отличить название национальности от названия танца (полька) и не несет в себе негативной коннотации, в то время как у носителей польского языка оно вызывает плохие ассоциации, потому что «Polaczki» (мн.ч.) – Polaczek (ед.ч.) уменьшает значимость нации в глазах поляков. Это связано также с выражением «Polaczki biedaczki», которое переводится как «поляки бедняки».

Еще одной проблемой для поляков является употребление слов «русский», «русская» и «русские», потому что в польском языке понятия русский и россиянин не отличаются друг от друга. Эти слова могут обидеть человека и имеют эмоциональную окраску, которая связана со Второй мировой войной (Ruski-leksew. Rosjanin / неуваж.русский / россиянин) [8]. Нейтральные названия – это «Rosjanin», «Rosjanka» и «Rosjanie». Кроме того, стоит добавить, что в польском языке названия национальностей всегда пишутся с заглавной буквы.

Таким образом, переводчик, особенно неопытный, может допустить большую переводческую ошибку, которая может изменить смысл текста, вызвать плохие ассоциации, чувства или эмоции. Переводчик интерпретирует текст, опираясь на свои знания и опыт. От переводчика ждут, чтобы он не только в совершенстве знал иностранный язык, как было упомянуто выше, но и очень хорошо разбирался в культурных различиях, менталитете и реалиях данной страны. К сожалению, может случиться так, что переводчик не увидит и неправильно проинтерпретирует денотативные элементы текста оригинала. Как пишет Дорота Гижыньска: «Самым важным при передаче коннотации в процессе перевода не является употребление тех самых стратегий, использованных автором оригинала, создающих определенные ассоциации, но создание возможности, чтобы люди, читающие текст перевода, имели свои коннотации, опирались на свои мнение и знание. Переводчик должен избегать решений, объясняющих прямо, лишаящих читателей возможности интерпретации» [5, с. 30].

В связи со сказанным можно привести еще один пример, в котором показана зависимость коннотации от культуры. Речь идет о цветах, которые дарят на похороны. В Польше такими цветами являются только хризантемы, которые в России не вызывают никаких отрицательных ассоциаций, в то же время в России траурными цветами являются гвоздики, которые в Польше часто дарят или выращивают на огородах. Подобные культурные различия могут играть большую роль в процессе перевода.

Особенности коннотации имеют также фразеологизмы. Возьмем для примера словосочетание «хлеб насущный». Оно имеет религиозное происхождение и означает 1. Самые необходимые средства для жизни, для существования, 2. Что-либо самое важное, жизненно необходимое [4]. В польской же культуре chleb powszedni – это вещь, к которой мы привыкли и с которой имеем дело почти ежедневно (chleb powszedni – rzecz codzienna, zwykłość /

обычная вещь) [8]. Приведем пример: «Ciężka praca to dla górników chleb powszedni» (дословно: Тяжелый труд для шахтеров – это хлеб насущный, однако так переводить нельзя, можно, например, так: Тяжелый труд для шахтеров – обычное дело).

Приведем еще один пример из религиозной сферы. В польском языке слово «поп» – официальное название священника православной церкви (*duchowny w Kościele prawosławnym* / священник в православной церкви). Поляки даже часто говорят, что это ксендз, но в православной церкви, т.е. слово не имеет никакой негативной окраски. Для некоторых русских людей слово поп (разг. Православный священник) [1] может звучать как оскорбление, во-первых, оно существует только в разговорной речи, а во-вторых, согласно информации на Православном форуме Севастополя, так называли священнослужителей после революции 1917 года, когда начались гонения на Церковь, слово ПОП стало оскорбительным.

Также известным примером является такое название молодого человека, как «пацан» (разг. мальчишка. п. лет двенадцати) [1]. Это слово у носителей русского языка вызывает положительные или нейтральные ассоциации (реальные пацаны), в то время как в Польше «расан» тоже относится в большинстве случаев к молодым мужчинам, но никогда не имеет положительной коннотации, т.к. это определение молодого, глупого и неправильно ведущего себя человека (*rasan* – *pot. głupiec* / разг. глупой) [8]. Таким образом, польское предложение «*To jest jakiś rasan*», переведенное как «Это какой-то пацан», не указывает на оценку данного человека, поэтому лучше перевести как «Это какой-то дурак».

Из-за отсутствия знаний и опыта иногда неверно употребляют в переводе женские наименования профессий. При буквальном переводе с польского на русский «*Ona pracuje jako lekarka / konduktorka*» можно написать «Она работает врачихой» или «кондукторшей», что сразу вносит определенную негативную коннотацию, так как данные слова в русском языке являются разговорно-просторечными (кондукторша – разг. женщина кондуктор) [4], (врачиха – прост. женщина врач) [1].

Кроме приведенных примеров, можно найти еще много других. Так, например, польское слово «*dąb*» ассоциируется с силой и мощью, оно используется в выражении «*chłop jak dąb*» (*mężczyzna silny, wysoki, dobrze zbudowany* / сильный, здоровый, высокий, крепкий) [10], а в русском языке по отношению к человеку, оно, наоборот, обозначает глупость (Разг.-сниж. о нечутком, тупом человеке) [1].

В заключение стоит подчеркнуть, что коннотация всегда занимает особое место в искусстве перевода, потому что определяет семантическое значение данного слова, выражения или целого предложения. Кроме того, коннотация позволяет основываться на собственной интерпретации данного текста и создает особые эмоции. Переводчик, обучаясь иностранному языку, всегда должен обращать внимание не только на языковые, но и на культурно-национальные аспекты, потому что незнание таких

аспектов может привести к переводческим изменениям, ошибкам или даже неприятным ассоциациям, которые в целом изменяют смысл авторского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. Бузунова Э.Б. Передача образной коннотации при переводе. М., 2006.
3. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
5. Giżyńska D. Konotacje w przekładzie. SCRIPTA COMENIANA LESNENSIA PWSZ im. J. A. Komeńskiego. № 7. Leszno, 2009.
6. M. Kaźmierczak. Obcość w oryginale, obcość w przekładzie – Bela Michaiła Lermontowa // Odmienność kulturowa w przekładzie. S. 177.
7. Polsko – Rosyjski. Rosyjsko – Polski słownik. Kompakt plus. Wydawnictwo REA, 2002.
8. Słownik języka polskiego PWN. Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015.
9. Szerszunowicz J. Konotacje intrakulturowych skrzydlatych słów w przekładzie. Studia Wschodniosłowiańskie. Nr 14. Białystok, 2014.
10. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego. Wydanie 2 – internetowe, uaktualnione. 2015.

A. Podstawska, M. Pyzik

PROBLEMS OF TRANSFERRING CONNOTATION IN TRANSLATION OF POLISH AND RUSSIAN TEXTS

The article describes the problems which may occur in translation of russian and polish texts. It shows cultural differences in perception of specific words or phrases. The authors of this article give the definition of translation, examine the connotation from different points of view and mark out different types of problems connected to connotation. Moreover, the article shows typical associations and connotations of people from a specific culture, as well as other difficulties, connected to translation.

Keywords: translation, connotation, asociacion, cultural, differences, translation mistakes.

Подставска Анна, аспирант
Силезский университет (Польша)
E-mail: ania_podstawska@onet.eu

Podstawska A., Graduate Student
University of Silesia (Poland)
E-mail: ania_podstawska@onet.eu

Пызык Михал, студент бакалавриата
Силезский университет (Польша)
E-mail: m.pyzik95@gmail.com

Pyzik M., Bachelor student
University of Silesia (Poland)
E-mail: m.pyzik95@gmail.com

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 371.398

Л.С. Патрушева

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ К СУБТЕСТАМ ПО ПИСЬМУ И ЧТЕНИЮ ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ГРАЖДАНСТВО РФ

Наибольшие трудности при сдаче теста для принятия в гражданство РФ вызывает у кандидатов субтест по письму. Подготавливая соискателя, необходимо обучать написанию текстов таких жанров, как анкета, заявление и поздравительная открытка; ситуации должны быть максимально приближены к российской действительности. Кроме того, при подготовке следует обратить внимание на субтест по чтению, так как тексты, с которыми кандидат сталкивается на экзамене, отличаются от текстов учебных пособий базового и первого уровней. Соискателя необходимо обучать поисковому, просмотровому и анализирующему видам чтения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, гражданство РФ, чтение, письмо, тестирование.

Тестирование по русскому языку как иностранному для получения гражданства Российской Федерации появилось в 2002 году в связи со вступлением в силу Федерального закона № 62 «О гражданстве РФ». Согласно данному закону «иностранцы граждане и лица без гражданства, достигшие возраста восемнадцати лет и обладающие дееспособностью, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в общем порядке при условии, если указанные граждане и лица: <...> д) владеют русским языком...». Подтвердить знание русского языка иностранный гражданин может сертификатом о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку в объеме не ниже базового уровня [4].

Как показывает статистика, наибольшие трудности у кандидатов при сдаче данного экзамена вызывает субтест по письму. Письмо – это продуктивный вид речевой деятельности, обеспечивающий выражение мысли в графической форме [5, с. 197]. Целью данного субтеста является измерение коммуникативной компетентности в области *письма*. Тест состоит из трех заданий, на выполнение которых дается 45 минут. Задания

проверяют умения тестируемого решать задачи при официальном и неофициальном общении. Соискателю требуется заполнить какой-либо бланк / анкету, написать заявление / служебную записку и поздравительную открытку в соответствии с определенной ситуацией [3, с. 15].

Работа кандидатов оценивается по параметрам, заданным в рейтинговой таблице. При оценке учитывается адекватность выполненного задания, полнота изложения материала, коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые ошибки. За выполнение субтеста по письму можно получить максимум 100 баллов. Результат свыше 65% считается удовлетворительным и позволяет получить сертификат [3, с. 45].

Для того чтобы подготовить кандидата к успешному прохождению данного субтеста, его необходимо обучать составлению текстов определенных жанров. Первый жанр – анкета. Для обучения следует подбирать такие анкеты, которые используются в реальной жизни: анкета для получения паспорта, анкета при поступлении ребенка в сад / школу, анкета при устройстве на работу, анкета при получении дисконтной карты, анкета при регистрации на сайте и т.п. Следующий жанр – заявление. Можно предложить обучающемуся такие ситуации: устройство на работу, уход в отпуск, отгул, заявление в полицию и т.п. Обучение заполнению поздравительной открытки производится по шаблону.

Исходя из типов заданий теста на гражданство, можно сделать вывод, что из всего многообразия подходов к обучению письму рекомендуется обратить внимание на технику обучения *по моделям*. «Главной чертой этого подхода является организация письма. Студентам даются образцы писем, даются отдельные предложения» [1, с. 122].

Приведем несколько заданий и пример обучения написанию заявления.

Задание 1. Прочитайте диалог двух преподавателей. Какая проблема у Эммы? Что Мария предлагает сделать Эмме?

Ситуация. Эмма из Финляндии, она первый год преподает в России финский язык. На рождественские каникулы Эмма поедет домой. Мария – русская, она тоже работает в университете.

Эмма: Мария, скажите, а когда начнутся зимние каникулы у нас в университете?

Мария: В России каникулы начинаются с 1 января, то есть с нового года.

Эмма: С 1 января? Очень жаль, потому что у нас в Финляндии Рождество празднуют 25 декабря. А я хотела приехать домой на каникулы к 24 декабря...

Мария: Эмма, не переживайте! Напишите заявление декану факультета, вас отпустят на каникулы пораньше.

Давайте поможем Эмме написать заявление.

Модель:

Кому? (должность Д.п.)

Ф.И.О. (Д.п.)

От кого? (Р.п., должность)

Ф.И.О. (Р.п.)

Заявление

Прошу + инфинитив .....(в чем состоит вопрос) ..... в связи с + Т.п.
(или: в связи с тем, что/ так как...) (указывается причина) ..... с 00.00.00 г. по
00.00.00 г. (дата).

00.00.00 г.

подпись

Задание 2. Прочитайте заявление и ответьте на вопросы. <...>

Задание 3. Прочитайте заявление и найдите ошибки. <...>

Задание 4. Выберите одну из ситуаций и напишите заявление:

В кафе у вас украли мобильный телефон. Напишите заявление на имя начальника полиции.

Вы поступаете на новую работу. Напишите заявление [2, с. 64].

Вам срочно требуется уехать, поэтому Вы не сможете работать ближайшую неделю. Напишите заявление директору фирмы.

Вы устраиваете ребенка в первый класс. Заполните анкету.

Таким образом, подготовка к субтесту по письму для сдачи тестирования на гражданство представляет собой обучение написанию анкеты, заявления и поздравительной открытки по моделям и в соответствии с ситуациями, характерными для официально-деловой и социально-бытовой сфер общения.

Кроме того, при подготовке следует обратить внимание и на субтест по чтению, так как он содержит тексты, также свойственные социально-бытовой и официально-деловой сферам общения, что не всегда отражается в учебных пособиях для базового и первого уровней: «Чтение – это один из рецептивных видов речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание письменного текста... Важнейшая среди целей обучения языкам – формирование умения в процессе чтения извлекать информацию из графически зафиксированного текста, что позволяет активно использовать изучаемый язык в различных видах деятельности» [5, с. 347].

Субтест по чтению выполняется в течение 45 минут, содержит 7 текстов и 15 заданий к ним. Каждый текст сопровождается описанием ситуации, важной для жизни будущих граждан РФ. Тематика текстов соответствует социальной, бытовой, культурной и официально-деловой сферам общения. Например, это могут быть тексты о кредитовании, прогнозе погоды, жилищном вопросе и т.п. Экзаменуемым предлагаются тексты разных жанров: интервью, рекламный анонс, объявление, справ-

ка, статья и др. Задания имеют разную стоимость – от 3 до 8 баллов. Кандидату необходимо набрать минимум 65 баллов для достижения удовлетворительного результата [3, с. 7].

При подготовке к данному субтесту следует владеть несколькими видами чтения. Для решения 1 и 2 ситуаций подойдет просмотровое и выборочное поисковое чтение, так как данные задания подразумевают нахождение нужной информации, цифровых данных и общее понимание текста. Для решения ситуаций 3 и 5 можно рекомендовать ознакомительное чтение, потому как задания направлены на понимание содержания в целом. Ситуации 4 и 6 дают возможность заработать максимальное количество баллов, так как являются самыми трудными. Для решения заданий потребуется внимательное, анализирующее, изучающее чтение.

При подготовке к экзамену по чтению следует выбирать аутентичные тексты (объявления в газетах, статьи в журналах, новостные анонсы в Интернете и т.п.). Чтобы научиться находить нужную информацию для решения тестовых заданий по чтению, следует обратить внимание на следующие типы упражнений.

А. Просмотровое и ознакомительное чтение:

- 1) по выделенным словам в тексте определить, о чем данный текст;
- 2) прочитать первые фразы абзацев и сказать, о чем текст;
- 3) подчеркнуть ключевые слова в тексте;
- 4) вычеркнуть слова из текста без ущерба для его понимания.

В. Поисковое чтение: найти в тексте ответы на вопросы, синонимы к слову, ключевые слова, слова с определенным значением и др.

С. Анализирующее чтение:

- 1) составить вопросы к тексту;
- 2) разбить текст на части и озаглавить его;
- 3) выделить макротему и микротемы абзацев [1, с. 103].

Итак, подготовка к сдаче субтестов по чтению и письму для тестирования на гражданство РФ должна представлять собой систему упражнений, тексты которых соответствуют социально-бытовой и официально-деловой сферам общения и отражают ситуации, характерные для современной российской действительности. Обучая письму, мы в первую очередь обучаем созданию текстов таких жанров, как заявление, анкета и поздравительная открытка. При обучении чтению кандидатам нужно предлагать аутентичные тексты, содержащие тестовые задания разного уровня сложности, предполагающие просмотровое, анализирующее и поисковое чтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А. А., Коган О. Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2002. 256 с.
2. Копылова Т. Р., Патрушева Л. С. Русский язык. Готовимся и сдаём В2. Ижевск, 2009. 80 с.

3. Типовой тест по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации. СПб., 2014. 60 с.

4. Федеральный закон о гражданстве РФ № 62-ФЗ от 31.05.2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 03.05.2016).

5. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 448 с.

L.S. Patrusheva

TRAINING SYSTEM TO WRITING AND READING FOR TESTING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR NATURALIZATION CERTIFICATE

The greatest difficulties of the test for Russian Federation naturalization certificate is for writing. It is necessary to teach writing genres such as application request, application form and greeting card. In addition, during the preparation should pay attention to the subtest for reading. Applicant must be trained search, look-up and analyzes the types of reading.

Keywords: Russian as a foreign language, test for Russian Federation naturalization certificate, reading, writing.

Патрушева Лидия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: line_lidia@list.ru

Patrusheva L.S., Candidate of Philology, Senior Lecturer

Udmurt State University

E-mail: line_lidia@list.ru

УДК 372.881.161.1

С.А. Семеновская

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается вопрос об использовании авторского словотворчества как школьного дидактического материала, помогающего осмыслить сложные вопросы словообразования, а также делается обзор современных школьных учебников русского языка с позиции наличия в них теоретических сведений и практических заданий по авторской неологии.

Ключевые слова: авторская неология, окказиональное слово, словообразование, школьный учебник русского языка.

В лингвистике последних десятилетий немало внимания уделяется так называемым авторским неологизмам (другие названия этого языкового явления – индивидуально-авторские новообразования, индивидуально-стилистические неологизмы, окказионализмы, окказиональные слова). На сегодняшний день уже сделаны попытки определить положение таких слов относительно системы языка, исследовать их стилистические возможности, описать индивидуально-авторское словотворчество отдельных мастеров слова [7, с. 1-20]. Исследователей интересуют такие аспекты изучения индивидуально-авторских новообразований, как типология причин словотворчества, языковые словообразовательные модели, активно использующиеся в словотворчестве (и причины такой активности), стилистический резонанс новообразований в текстах. Авторские неологизмы представляют собой пласт лексических единиц, ограниченных в употреблении, и тем самым их изучение органично вливается в круг вопросов, связанных с лексической организацией текста [5, с. 178-183; 6, с. 280-282].

Довольно долгое время материал по словотворчеству никак не отражался в школьных учебниках русского языка. Основной причиной была недостаточная изученность этого явления, вследствие чего авторским неологизмам присваивался статус «нарушителей» словообразовательной системы. Однако практика показывает, что «нарушителей» среди авторских неологизмов в художественном тексте не так уж и много: если они и выходят за рамки языковых «образцов», то происходит это скорее всего там, где действующая в языке словообразовательная модель отличается высокой продуктивностью. Кроме того, авторские неологизмы представляют собой интересный объект исследования с позиций не только словообразования, но и стилистики текста. Все это привело к тому, что с некоторых пор материал, касающийся авторской неологии, начал проникать и в школьные учебники русского языка.

Очевидно, что для изучения такого явления, как авторский неологизм, учащиеся должны иметь понятие о словообразовании и лексике, а также владеть приемами филологического анализа текста. Неудивительно поэтому, что материал, связанный с авторской неологией, можно встретить в учебниках русского языка для старших классов, нацеленных на повторение, обобщение и углубление уже полученных знаний о языке.

В каком же объеме рассматривается вопрос об авторских неологизмах в школьных учебниках?

Нами были проанализированы три учебника по русскому языку для старших классов, активно используемые учителями-словесниками. Это учебник «Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи» А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой, «Русский язык. 10-11 классы» В.В. Бабайцевой и «Русский язык. 10-11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина.

Анализ учебников показывает, что вопрос об авторских неологизмах рассматривается при изучении двух разделов русского языка: «Лексика», а также «Морфемика и словообразование». Такое распределение материала по разделам вполне логично и закономерно вытекает из обозначенных выше аспектов изучения индивидуально-авторского словотворчества.

При изучении лексики русского языка индивидуально-авторские слова, как правило, рассматриваются в теме «Устаревшая лексика и неологизмы». При изучении словообразования к авторским неологизмам обычно обращаются уже после обобщения знаний учащихся о способах словообразования.

Рассмотрим, как дается этот материал в разных школьных учебниках.

В учебнике «Русский язык. 10-11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина четко разграничиваются языковые и индивидуально-авторские неологизмы. Первые, подчеркивают авторы учебника, постепенно утрачивают свою новизну и становятся частью лексического запаса языка. Вторые являются словотворчеством поэта или писателя и создаются с определенной стилистической целью [4, с. 28]. В разделе «Морфемика и словообразование» теоретические сведения об авторских неологизмах уже не даются, но есть упражнения, материалом которых является индивидуально-авторское словотворчество. Они позволяют учащимся понять назначение авторских неологизмов в художественных текстах, а также увидеть, как создаются подобные слова. Всего авторами учебника предлагаются три таких задания. Приведем их.

Упражнение 42. Из произведений поэтов «серебряного века» выпишите 5-10 примеров индивидуально-авторских неологизмов. Какую стилистическую функцию они выполняют?

Упражнение 43. Всем известные песенки знаменитого Винни-Пуха называются шумелки, пыхтелки, сопелки, кричалки... Являются ли эти слова индивидуально-авторскими неологизмами? Какие особенности песенок отражаются в этих словах?

Упражнение 80. Прочитайте предложения, выписывая из них окказиональные слова (индивидуально-авторские неологизмы). Определите способ их

образования. Языковым материалом последнего упражнения являются выдержки из произведений, относящихся, в основном, к Серебряному веку русской поэзии. Все эти сведения и упражнения сохранены в разных изданиях учебника.

В старой (до введения ФГОСов нового поколения) версии учебника А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой сделана попытка развести понятия «неологизм» и «индивидуально-стилистический (индивидуально-авторский) неологизм». К сожалению, авторы изложили теорию несколько невнятно: в учебнике сказано, что «есть неологизмы, созданные писателями» [2, с. 45], но остается неясным, какое место отведено им в лексической системе языка (и есть ли им там место вообще, ведь традиционно авторская неология относится исследователями к речетворческому процессу). В новой же версии учебника, переработанной в соответствии с требованиями ФГОСов, отсутствует не только приведенная выше информация, но даже определение понятия неологизм: авторы вскользь упоминают о том, что к пассивному запасу лексики относятся недавно вошедшие в язык слова. Следующее за теоретическим блоком упражнение 68 имеет своей задачей разграничение неологизмов, устаревших и общеупотребительных слов. Итак, в новой версии учебника информация об авторской неологии остается вне поля зрения учащихся [3, с. 62].

В учебнике В.В. Бабайцевой «Русский язык. 10-11 классы», который рассчитан на углубленное изучение курса, теоретические сведения об авторских неологизмах отсутствуют, но есть три задания, относящиеся к разделу «Словообразование». В упражнении 217 предлагается найти окказионализмы в предложениях, определить способы их образования и выделить в них морфемы. В упражнении 218 предлагается выписать не менее десяти окказионализмов Вл. Маяковского, определить способ их образования, выделить морфемы и оценить эти окказионализмы (под словом «оценить» вероятно, имелась в виду оценка стилистического эффекта авторских неологизмов). В упражнении 219 предлагается обозначить морфемы в авторских новообразованиях, приведенных в литературе для детей. Также требуется ответить на вопросы: понятны ли эти слова детям и с какой целью они используются [2, с. 248-250].

Итак, мы проанализировали, каким образом даются сведения об авторских неологизмах в разных школьных учебниках. Возникает вопрос: много ли этих сведений или мало? С одной стороны, их, пожалуй, довольно много, учитывая особый статус окказионального слова в лексике и дериватологии русского языка. С другой стороны, по нашему мнению, уже сейчас ясно, что потенциал авторских неологизмов как учебного материала раскрыт не в достаточной мере.

Занимаясь изучением вопросов словотворчества в художественном тексте, мы пришли к выводу, что в абсолютном своем большинстве авторские неологизмы – это, так сказать, «стандартные» слова, т.е. слова, не вступающие в конфликт с нормами словопроизводства. Новым во многих индивиду-

---

ально-авторских новообразованиях является лишь лексическое наполнение, «одежда», которая облекает действующую в языке стандартную словообразовательную модель. Конечно, авторский неологизм непривычен и тем самым деавтоматизирует сознание читателя/слушателя, который, однако, может быть абсолютно грамотным с точки зрения соответствия словообразовательным стандартам. Думается, именно в силу своей непривычности, с одной стороны, и «грамотности» – с другой, авторские неологизмы могут служить оптимальным фактическим материалом при изучении сложных случаев словообразования. Безусловно, к отбору языкового материала следует отнестись особенно тщательно, выбирая те авторские неологизмы, которые не выходят за рамки соответствующего им словообразовательного типа (согласно распространенной классификации авторских неологизмов по отношению к словообразовательным стандартам такие слова квалифицируются как потенциальные).

Какие же сложные случаи могут быть прояснены путем анализа индивидуально-авторских новообразований? Практика показывает, что у учащихся неизменно вызывает затруднение словообразовательный анализ слов типа *синь* или *бег*. Дело в том, что, являясь результатом так называемого обратного словообразования, такие производные слова по структуре своей проще, чем слова производящие (соответственно *синий* и *бежать*). Как пишет Н.М. Шанский, «под обратным словообразованием следует понимать такое словопроизводство, посредством которого новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего. Тем самым возникшая благодаря редеривации лексическая единица выступает уже по отношению к слову, на основе которого она появилась, как нечто более простое по структуре...» [8, с. 291]. Это часто вводит учащихся в заблуждение: они ошибочно полагают, что слова типа *синий* или *бежать* образованы соответственно от *синь*, *бег*, поскольку знают, что в словообразовательных парах производное слово должно быть более сложным по структуре, чем производящее. Учителя обычно предлагают запомнить такие случаи, однако простое заучивание не дает такого эффекта, какой мог бы возникнуть в результате выяснения мотивационных отношений слов в словообразовательной паре. Помочь прояснить эти отношения могли бы авторские неологизмы. Учащиеся быстро понимают, что, например, авторский неологизм И. Северянина *заурядь* образован от прилагательного *заурядный*, а не наоборот, основываясь на том, что слова *заурядь* «нет в словарях», а слово *заурядный* в словарях зафиксировано. Руководствуясь критерием «привычность/непривычность слова», учащиеся делают вывод о том, что от общеупотребительного (зафиксированного в словарях) «привычного» слова образовано слово «непривычное». Подобных примеров можно подобрать большое количество хотя бы из стихотворений того же И. Северянина: *юнь* (от *юный*), *хрупь* (от *хрупкий*). По результатам анализа учащимися делается вывод, что в словообразовательных парах «отвлеченное существительное с нулевым суффиксом ← качественное прилагательное (или глагол)» производящим словом является прилагательное

(глагол), а производным – существительное, несмотря на то, что производное слово в таких парах по структуре проще производящего.

Анализ авторских неологизмов можно использовать и при изучении других сложных вопросов словообразования. Так, например, на практике нередко бывает сложно отграничить префиксальный и конфиксальный (в школьной практике префиксально-суффиксальный) способы словообразования. Разграничение сфер действия каждого из этих способов освещается в научной лингвистической литературе [см., например: 8, с. 279-283], однако в школьном учебнике способы словообразования обычно даются списком, без подробных указаний на сферу действия каждого из них. Обращение к авторским неологизмам типа *накорзинить* (И. Северянин), *бескометный* (К. Бальмонт) при отсутствии в языке слов «корзинить» или «кометный» формируют у учащихся представление о конфиксальном способе словообразования, а также о том, какие комбинации префиксов и суффиксов чаще всего участвуют в образовании слов данным способом.

Грамотный подбор языкового материала, основанного на авторском словотворчестве, может дать учащимся понятие и о синонимии морфем. Так, например, авторские неологизмы А. Слаповского *московец* (ср.: *москвич*) или *уродица* (вм. *уродина*) могут дать представление о синонимичных суффиксах, служащих для обозначения лица (*-ец/-ич* или *-иц(а)/-ин(а)*). То же можно сказать, например, о синонимии суффиксов *-ор(ёр)/-ун/-льщик* (*гарцор – гарцун – гарцовальщик*) у И. Северянина.

Таким образом, авторская неология обладает дидактическим потенциалом, почти не реализованным на сегодняшний день. Тем не менее, этот языковой материал именно в силу своей непривычности может работать при изучении сложных вопросов словообразования, и использовать его на уроках русского языка и в проектной деятельности учащихся необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В. В. Русский язык 10–11 кл. М., 2015. 448 с.
2. Власенков А. И., Рыбченкова Л. М. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учеб. для 10–11 кл. М., 2007. 383 с.
3. Власенков А. И., Рыбченкова Л. М. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учеб. для 10–11 кл. М., 2014. 287 с.
4. Гольцова Н. Г., Шамшин И. В. Русский язык. 10–11 классы. М., 2011. 448 с.
5. Мурзаева Т. И. Функции диалектизмов в рассказах А. И. Солженицына // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. С. 178–183.
6. Орлова Н. М. «Лихая колея болезней»: медицинская лексика в газетном тексте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–1. С. 280–282.

7. Хромова С. А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 20 с.

8. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 2005. 336 с.

S.A. Semenovskaya

DIDACTIC POTENTIAL OF INDIVIDUAL NEOLOGISMS IN DERIVATION STUDY AT THE CLASSES OF RUSSIAN

The article is devoted to the use of individual word creation as didactic material that helps comprehend some problems in word-formation. It also highlights modern school textbooks of the Russian language from the perspective of the theoretical knowledge and practical tasks related to individual neology.

Keywords: individual neology, occasional word, word-formation, school textbook of the Russian language.

Семеновская Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
НИУ «Саратовский государственный университет»

E-mail: sv.seed77@gmail.com

Semenovskaya S.A., Candidate of Philology, Associate Professor
Saratov State University

E-mail: sv.seed77@gmail.com

УДК 371.272:001.895(045)

Е.Н. Сулимова

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ УЧАЩИХСЯ К ЕГЭ

Работа при подготовке учащихся к единому государственному экзамену по русскому языку должна представлять собой строгую систему, поскольку контрольно-измерительные материалы проверяют знания учащихся по русскому языку, накопленные за весь период их обучения в школе. Новая образовательная парадигма требует применения инновационных подходов к подготовке учащихся к ЕГЭ, когда принципиально важным оказывается умение работать с большим объемом информации, проявлять способность к самоорганизации в процессе не только очной, но и дистанционной подготовки к итоговой аттестации.

Ключевые слова: ЕГЭ, информационная графика, дистанционное обучение, мониторинг.

ЕГЭ по русскому языку – достаточно сложное испытание для выпускников школ, к которому необходимо готовиться. Школа должна учить ребят новому мышлению: отбирать нужную информацию, отсеивать второстепенную, рассматривать явления целостно и в динамике, самостоятельно организовывать свою деятельность.

Опыт работы по подготовке учащихся к сдаче ЕГЭ по русскому языку показал, что в этом вопросе существует ряд проблем. Самыми важными, на наш взгляд, являются следующие:

1) недостаточно серьёзная работа ученика по предмету, в том числе степень включённости в работу на уроке, отсутствие навыков самостоятельной работы, неспособность заучивания теории, выполнения домашнего задания и тренировочных упражнений, пропуски занятий в связи с участием в спортивных соревнованиях, сборах, тренировках и др.;

2) низкая мотивация (ряд учащихся и их родители нацелены на то, чтобы пройти пороговый минимум);

3) психологические особенности ребёнка, прежде всего – психологические проблемы в ситуации сдачи экзаменов;

4) отрицательная настроенность на ЕГЭ дома, в семье (отсутствие поддержки в стимулировании учащихся к серьёзной работе со стороны родителей, законных представителей).

Можно наметить следующие пути решения данных проблем:

1. В 5-9 классах при изучении материала, входящего в содержание ЕГЭ, необходимо предлагать учащимся типовые задания.

2. Нужно включать в тематическое поурочное планирование в 10-11 классах задания формата ЕГЭ. Важно опираться на такие задания при отработке темы, использовать их в самостоятельных, проверочных, контрольных работах по теме.

3. В 11-м классе необходима систематическая «организационная» подготовка учеников в работе с форматом ЕГЭ (работа с бланками ответов, порядок прочтения заданий и т.д.).

4. Необходимо регулярно проводить консультации, тренинги психологов.

5. Учитель должен посещать занятия, инструктажи, семинары по вопросам содержания ЕГЭ, методики подготовки к ЕГЭ для повышения компетентности в вопросах подготовки учащихся к ЕГЭ.

Успешность сдачи экзамена повышается, если ученик: а) умеет собранно и самостоятельно работать с информацией и письменно излагать ответы, б) выбирает верные стратегии планирования времени, в) умеет справляться с волнением (экзамен не вызывает у него тревоги), т.е. уверен в себе, своих способностях.

Мы разработали определённую систему подготовки к ЕГЭ на уроках русского языка и элективных занятиях. Материалом, используемым нами для подготовки учащихся к ЕГЭ, являются учебные программы, учебники, программы элективных курсов, КИМы, индивидуальные папки школьника.

Подготовка начинается уже в 5-м классе, когда учащиеся на уроках русского языка знакомятся с новыми орфограммами и пунктограммами, работают над развитием речи, культурой общения. И здесь хорошим подспорьем для учителя служат учебники по русскому языку под редакцией С.И. Львовой. Курс отличается ярко выраженной семантической направленностью в изучении грамматико-орфографического материала, усиленным вниманием к особенностям употребления в речи языковых единиц, к эстетической функции изучаемых явлений языка. Так, например, в каждом параграфе раздела «Культура речи» рассматриваются орфоэпические, грамматические и лексические языковые нормы, знание которых необходимо для выполнения ряда заданий ЕГЭ.

Целенаправленно же ученики начинают готовиться к ЕГЭ только в 10-11 классах. В рабочие программы для этих классов включаются темы из Спецификации и Кодификатора контрольных измерительных материалов для проведения единого государственного экзамена по русскому языку.

В 10-м классе в начале учебного года проводится диагностическая работа в форме тестирования с целью определения остаточного уровня знаний учащихся. По результатам составляется сводная таблица, проставляются баллы по каждому заданию, подводятся итоги. Затем проводится работа над ошибками и, в первую очередь, по тем заданиям, с которыми не справилось большинство учащихся. Школьники выполняют аналогичные тренировочные упражнения. Систематическое повторение пройденного материала осуществляется и во время разминки. Такой вид работы применяется при повторении всех разделов русского языка. Разминка включает в себя следующие этапы: орфоэпические упражнения, работа над лексическим значением слов, работа над орфографией и синтаксисом, работа по исправлению грамматических ошибок.

Неоценимую помощь учителю при подготовке учащихся к ЕГЭ оказывают современные технологии. Объективное развитие процесса информатизации образования диктует необходимость добавления новых технологий: представления информации с помощью информационной графики, или инфографики, и дистанционного обучения.

В настоящее время наглядное представление информации, данных и знаний посредством иллюстраций и графики в целом считается актуальным и эффективным. Связано это с тем, что большинство людей ориентировано на зрительные образы и легче воспринимает изображения, схемы, коллажи, клипы. Термин *инфографика* расшифровывается как инструмент преподнесения информации читателю и пользователю в более лаконичной, ёмкой форме. Это один из видов альтернативного изложения определенной информации посредством создания художественных зарисовок, графиков, диаграмм, прочих графических объектов на бумаге и в электронном варианте. Инфографика предполагает визуальное, художественное, нарисованное изложение текста или статьи. Основная цель инфографики – информирование. При этом часто её объекты выступают в качестве дополнения к текстовой информации, которая охватывает тему в полном объёме, и содержат некоторые визуальные пояснения/уточнения. Основная задача инфографики – сделать трудно понимаемые и осознаваемые вещи более простыми и понятными для восприятия. На основании инфографики можно быстро проанализировать информацию, сделать выводы и запомнить, так как вниманию представляется не только текст, цифры, графики, содержащиеся к примеру в статье, но и сбалансированный визуальный ряд. В пользу применения этой технологии при подготовке к ЕГЭ говорят её классификационные параметры, целевые ориентации и принципы. В большей же степени эффективность объясняется особенностями её содержания. Учебный материал komponуется блоками, оформляется в виде опорных схем-конспектов, что существенно облегчает учащимся процесс восприятия и усвоения учебного материала.

Данную технологию можно успешно применять при подготовке к написанию сочинения-рассуждения. Этот вид работы продолжает оставаться неразрешимой проблемой для тех учащихся, которые, в силу разных причин и обстоятельств, не овладели таким основным коммуникативным навыком, как умение ясно, логично выражать свои мысли в письменной форме при создании собственного высказывания (типа рецензии) на основе предложенного текста. Решение задачи, связанной с поиском формы, способной помочь даже слабым учащимся справиться с проблемой написания сочинения-рецензии и позволяющей получить им более высокие баллы на ЕГЭ, привело нас к использованию рекомендаций по написанию сочинения с помощью инфографики, составленных Зоей Николаевной Суховой, Заслуженным учителем РФ МОУ «СОШ №5 с углубленным изучением отдельных предметов» Ступинского района Московской области.

Уже не первый год работу по написанию сочинения мы начинаем в 10-м классе, включая её в рабочую программу по предмету. Перед тем, как при-

ступить к написанию сочинения, учащиеся знакомятся с критериями оценивания задания с развёрнутым ответом. Учащимся также предлагается структура написания сочинения по абзацам в виде инфографики. Затем по данной структуре коллективно отрабатывается один текст. И только после этого учащиеся самостоятельно пишут сочинение, после чего проводится оценивание сочинения по критериям.

Неоценимую помощь в подготовке к экзамену оказывает материал, собранный нами в «Индивидуальную папку школьника “Подготовка к ЕГЭ по русскому языку”». Такую папку имеет каждый ученик в классе, её материалами он пользуется в течение 2-х лет при выполнении тестовых заданий и написании сочинения.

Папка включает в себя следующие разделы:

1. Демонстрационный вариант ЕГЭ.
2. Содержание КИМ ЕГЭ.
3. Орфоэпический минимум.
4. Словарь паронимов.
5. Словарь-справочник лингвистических терминов.
6. Справочные материалы (окончания существительных).
7. Критерии оценивания сочинения.
8. Памятка «Как писать сочинение».

В ходе подготовки учащихся к ЕГЭ мы также активно используем дистанционное обучение, которое представляет собой взаимодействие учителя и учащихся на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность. Дистанционное обучение предполагает самостоятельную форму обучения учащихся, поэтому информационные технологии в дистанционном обучении являются ведущим средством.

В нашей школе используется система дистанционного обучения Moodle, которая позволяет:

- 1) дать всем обучающимся доступное качественное образование независимо от места их проживания, социального статуса и состояния здоровья;
- 2) создать условия для эффективной подготовки обучающихся к сдаче государственной итоговой аттестации за счёт дистанционного образовательного ресурса;
- 3) углубить и расширить знания по отдельным учебным предметам и элективным курсам.

Основными принципами применения дистанционного обучения являются:

- 1) принцип интерактивности, выражающийся в возможности постоянных контактов всех участников учебной деятельности с помощью специализированной информационно-образовательной среды (форумов, электронной почты, Интернет-конференции, онлайн-уроков и др.);

2) принцип адаптивности, позволяющий легко использовать учебные материалы нового поколения, содержащие цифровые образовательные ресурсы, в конкретных условиях учебной деятельности, что способствует сочетанию разных дидактических моделей проведения уроков с применением дистанционных образовательных технологий и сетевых средств обучения: интерактивных тестов, тренажеров, лабораторных практикумов удалённого доступа и др.;

3) принцип гибкости, дающий возможность участникам учебной деятельности работать в необходимом для них темпе и в удобное для себя время;

4) принцип модульности, позволяющий использовать обучающемуся и преподавателю необходимые им сетевые учебные курсы (или отдельные составляющие учебного курса) для реализации индивидуальных учебных планов;

5) принцип оперативности и объективности оценивания учебных достижений обучающихся.

В обучении с применением дистанционных образовательных технологий мы используем следующие организационные формы учебной деятельности: лекция, консультация, практическое занятие, тест, самостоятельная работа.

Для анализа готовности учащихся по тем или иным темам применяется технология мониторинга. Мониторинг – это сбор, системный учёт, обработка и анализ информации по организации и результатам образовательной деятельности для эффективного решения задач управления качеством образования. Основная задача мониторинга – непрерывное отслеживание учебного процесса. В ходе мониторинга выясняются следующие вопросы: а) достигается ли цель образовательной деятельности, б) существует ли положительная динамика в развитии учащихся по сравнению с результатами предыдущих диагностических исследований, в) соответствует ли уровень сложности учебного материала возможностям учащегося, г) какие предпосылки существуют для совершенствования работы преподавателя и др.

В 11-м классе в первом и во втором учебных полугодиях школа организует репетиционные экзамены по материалам контрольно-измерительных материалов ЕГЭ. После проверки проводится анализ результатов пробного ЕГЭ, выявляются недочёты. Кроме того, заместитель директора по учебно-воспитательной работе и учитель-предметник консультируют родителей (законных представителей) по проведению ЕГЭ. В частности, на родительских собраниях обсуждаются следующие вопросы:

1. Что такое ЕГЭ? В чём его своеобразие?
2. Каковы главные официальные источники информации о ЕГЭ?
3. Какие вопросы остаются «открытыми», не освещёнными на данный момент?
4. Каковы содержание и форма ЕГЭ по предмету (на основе демоверсий)?
5. Как оценивается экзаменационная работа? Какова критериальная база? (Количество баллов за тестовую часть, критерии проверки задания с развёрнутым ответом и максимальное количество баллов за данную часть, процент выполнения по частям и в целом, примерная шкала перевода первичного балла в тестовый).

6. Какие интерактивные источники, сборники заданий, упражнения, справочники, учебники рекомендуется использовать при подготовке к ЕГЭ?

Таким образом, подготовка к ЕГЭ по русскому языку – серьезная и ответственная работа учителя, ученика и его родителей. Опыт работы по данной системе в течение нескольких лет показал, что результат экзамена напрямую зависит от организации целенаправленной подготовки к ЕГЭ. При правильной организации этого процесса и достаточном количестве времени подготовиться к сдаче ЕГЭ на самые высокие баллы реально для учащегося с любым уровнем знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меттус Е. В., Турта О. С. Работа по информированию учащихся и их родителей при подготовке к ЕГЭ. Анкеты для выпускающих учителей // Научно-практический журнал «Управление современной школой. Завуч». 2012. № 2. С. 94–99.

2. Нарушевич А. Г. Методика подготовки к ЕГЭ по русскому языку: планирование занятий, организация урока, система упражнений: лекции 5–8. М., 2010. 14 с.

3. Ривкин Е. Ю. Рекомендации по обеспечению качества результатов ЕГЭ // Справочник заместителя директора школы. 2012. № 8. С. 36–41.

4. Савина М. В., Бруяка В. А. Методические аспекты подготовки к ГИА и ЕГЭ // Справочник заместителя директора школы. 2012. № 3. С. 40–43.

5. Сенина Н. А., Нарушевич А. Г. Русский язык. Сочинение на ЕГЭ. Курс интенсивной подготовки: учебно-методическое пособие. Ростов н/Дону: Легион-М, 2015. 192 с.

6. Сухих З. Н. Современные подходы к написанию сочинения части «С» // Сервис публикации документов «DOCME». Режим доступа: <http://docme.ru/doc/983253/sovremennye-innovacionnye-podhody-k-ege-#expanded:on> (дата обращения: 15.04.2016).

7. Тимерманис В. А., Шилина И. Ю. Десять шагов по подготовке к ЕГЭ. Памятка для учителя-предметника // Практика административной работы в школе. 2014. № 1. С. 34–35.

8. Шаталина Н. М. Планирование работы учителя по подготовке учащихся к единому государственному экзамену (на примере русского языка) // Справочник заместителя директора школы. 2015. № 3. С. 49–56.

E.N. Sulimova

AN INNOVATIVE APPROACH TO PREPARE STUDENTS FOR THE EGE

The work of preparing students for EGE of Russian language should be a strict system, as the control and measuring materials check students' knowledge of the Russian language, the accumulated over the entire period of their schooling. The new educational paradigm shows the need for innovative approaches to preparing students for the exam, when the ability to work with large amounts of information,

and therefore, the ability to self-organization in the process of not only internal, but also remote preparation for final certification is fundamentally important.

Keywords: EGE, info graphics, remote training, monitoring.

Сулимова Екатерина Николаевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Вавожская СОШ»
E-mail: katyasulimova@mail.ru

Sulimova E.N., Teacher of Russian language and Literature
Vavozh School
E-mail: katyasulimova@mail.ru

УДК 373.1.02-372.8:811.161.1(045)

Н.Ю. Тодерика

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается опыт использования приемов технологии развития критического мышления посредством чтения и письма (ТРКМ) на уроках русского языка. Также дается обзор некоторых приемов применительно к урокам русского языка. Материал статьи содержит методические пояснения учителя-практика в использовании методических приемов технологии на разных этапах урока. Приведены примеры ученических работ рассмотренных уроков. Значение технологии в формировании универсальных учебных действий на уроках русского языка.

Ключевые слова: технология, методический прием, федеральный стандарт, русский язык, критическое мышление.

Школа, в которой учится современный ученик, изменилась. Новые федеральные образовательные стандарты, в основе которых лежит системно-деятельностный подход, сегодня внедряются уже и в старшей школе. Смысл данного подхода заключается в том, что знания и умения формируются в процессе деятельности учащихся на уроке. Для того, чтобы реализовать данное положение, учителю необходимо владеть современными образовательными технологиями и применять их в своей работе.

Авторы стандарта в своих рекомендациях по реализации основных положений данного документа указывают на ряд технологий: проектная деятельность, мастерские построения знаний (т.н. французские мастерские), кейс-метод, а также технология развития критического мышления посредством чтения и письма (ТРКМ), поскольку вышеперечисленные технологии в полной мере реализуют требования федерального стандарта в части организации учебной деятельности и тем самым способствуют реализации деятельностного подхода в обучении [1, с. 140].

ТРКМ была разработана американскими педагогами Джинни Стил и Куртом Мередитом для реформы образования Словакии [2, с. 4]. ТРКМ посредством чтения и письма состоит из 3 этапов: вызов, осмысление содержания, рефлексия. Эту модель обучения называют базовой. Задача этапа вызова – актуализация уже имеющихся знаний учащихся, появление интереса к получению новой информации. Задача этапа осмысления содержания – получение новой информации. Задача этапа рефлексии – размышление, рождение нового знания. Это сравнение себя с самим собой, осознание того, что я знаю, а что – нет. Авторы технологии и их последователи, которые активно используют данный инструмент в своей работе, пользуются широким спектром приемов и стратегий, направленных на реализацию организации деятельности учащихся на различных этапах занятия. Рассмотрим некоторые приемы данной технологии.

Первый прием – кластер (гроздь), выделение смысловых единиц текста и графическое их оформление в определенном порядке в виде «грозди» [2, с. 28]. Данный прием универсален, его можно реализовать на любом этапе урока. Так, например, кластер может быть применен на стадии вызова, когда ученикам необходимо систематизировать свои знания по изучаемому вопросу, прежде чем они познакомятся с новой информацией. Эти знания оформляются в виде смысловых блоков.

На стадии осмысления содержания также можно применять данный прием. Так, на уроке-повторении правописания НЕ с разными частями речи в 6 классе ребята составляли кластер, опираясь на теоретический материал, данный в учебнике. В парах они отработали 5 правил, вспомнив, как пишутся НЕ с существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями, наречиями. Сначала эта работа проводилась в черновиках. Ребята распределяли обязанности самостоятельно: один искал информацию в учебнике, так как она содержится в разных параграфах, другой ее фиксировал на листе. Конечный результат представлен ниже (Рис. 1).

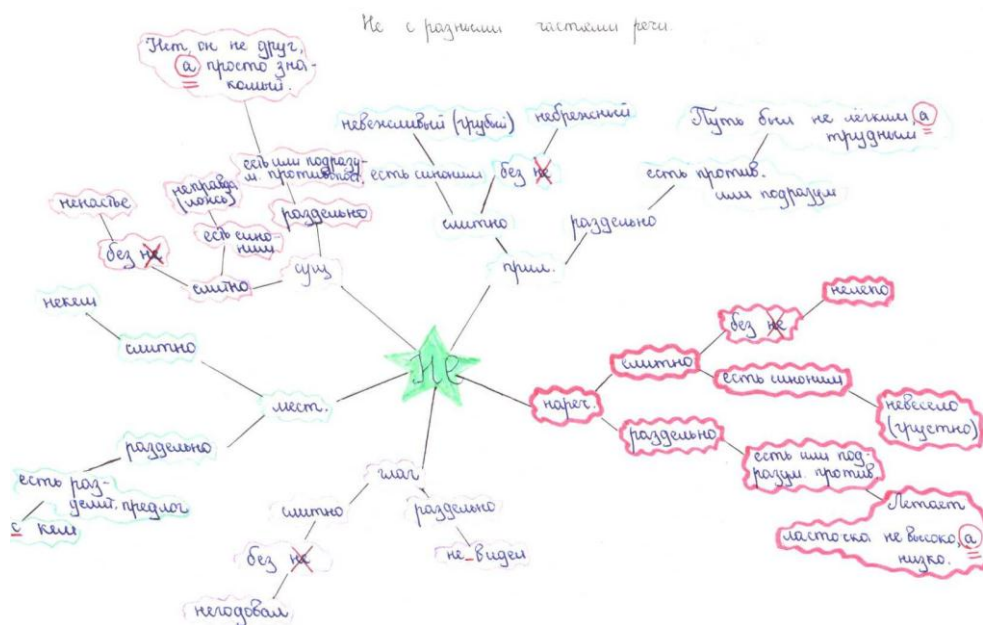

Рис. 1

Плюсы этой работы заключаются в том, что дети сами вспомнили правила, сделав при этом вывод, что правописание существительных, прилагательных, наречий с НЕ подчиняется одному правилу. Это было открытием для них. Затем, написав словарный диктант по этой теме, дети показали хорошие результаты: неудовлетворительных оценок не было, оценку «3» получили только 13 % учащихся.

Кластер можно использовать и на стадии рефлексии. Смысл такой работы заключается в том, что ученики сравнивают свои кластеры, составленные на этапе вызова, и те, что у них получились после знакомства с новой информацией. Такая работа позволяет ученикам осмыслить свои заблуждения по изучаемому вопросу.

Следующий прием – «верные-неверные утверждения» [6]. Его целесообразно использовать на стадии вызова, когда дети, читая утверждения, полученные от учителя, опираются на свой жизненный опыт, на ранее полученные знания и либо соглашаются с этими высказываниями, либо нет. На стадии рефлексии нужно возвратиться к этим высказываниям и пересмотреть их, исправить свои ошибки. Например, работая с темой «Отрицательные местоимения», ребята соглашались или нет с предложенными учителем высказываниями:

- 1) отрицательные местоимения с НЕ и НИ пишутся всегда слитно;
- 2) отрицательные местоимения образуются от вопросительных при помощи частиц КОЕ, ТО, ЛИБО, НИБУДЬ;
- 3) отрицательные местоимения изменяются так же, как вопросительные, от которых они образованы;
- 4) отрицательные местоимения в предложении бывают только второстепенными членами предложения;
- 5) в отрицательных местоимениях НЕ пишется под ударением, НИ – в безударной позиции;
- 6) отрицательные местоимения указывают на отсутствие предметов, признаков, количества;
- 7) НИКТО, НИКОГДА, НИКОЛЬКО, НЕ С КЕМ – отрицательные местоимения.

Познакомившись с текстом параграфа, учащиеся делали исправления в своих записях.

Следующий прием «ИНСЕРТ» – интерактивная размечающая система для эффективного чтения и размышления. Ее целесообразнее применять на стадии осмысления нового материала. Во время чтения текста ученику рекомендуется делать пометки на полях, а затем заполнить таблицу, в которой значки будут заголовками граф [2, с. 31]:

- 1) «v» – уже знал;
- 2) «+» – новое;
- 3) «?» – не понял, есть вопросы.

«v»	«+»	«?»
Поставьте «v» на полях, если то, что вы читаете, соответствует тому, что вы знаете или думали, что знаете.	Поставьте «+» на полях, если то, что вы читаете, является новым для вас.	Поставьте «?» на полях, если то, что вы читаете, непонятно, или вы хотели бы получить более подробную информацию по данному вопросу.

В предложении определительные местоимения бывают определениями и обстоятельствами	Сам, весь, всякий, любой, всюду, везде – определительные местоимения	На что указывают определительные местоимения?
---	--	---

Таким образом мы формируем вдумчивое, внимательное чтение. После того, как таблица заполнена, целесообразно обсудить записи.

Хочется обратить внимание на знак «?», который очень важен во всех отношениях. Вопросы, заданные учениками по той или иной теме, приучают их осознавать, что знания, полученные на уроке, не конечны, что многое остается «за кадром». Это стимулирует учеников к поиску ответа на вопрос, обращению к разным источникам информации: можно спросить родителей, что они думают по этому поводу, можно поискать ответ в дополнительной литературе, можно получить ответ от учителя на следующем уроке.

Что же формирует и развивает такая работа? Практика применения данного приема позволяет утверждать, что у учеников, во-первых, формируется умение ранжировать информацию по степени новизны, во-вторых, развивается умение анализировать и классифицировать, в-третьих, в процессе такой работы ребята учатся пересказывать информацию, обсуждать и текст и доказывать свою точку зрения.

Так, при изучении темы «Определительные местоимения» был использован этот прием. Обсуждая таблицу, ученики пришли к выводу, что, во-первых, кто-то знал больше информации по данной теме, кто-то – меньше, во-вторых, остался вопрос: какие местоимения называются определительными, так как в параграфе не дается определение этого разряда местоимений. У самих ребят появилась потребность выяснить, что же такое определительные местоимения. Дети сами захотели узнать, а не учитель заставил их это сделать.

Еще один приём «Что я знаю», который целесообразно применять на стадии вызова. На первом этапе учитель озвучивает тему. Затем дети в течение 3 минут записывают на листке ответы на вопрос: «Что я знаю по теме урока или мне кажется, что я знаю?». На следующем этапе происходит обсуждение с партнёром или с группой своих знаний, после чего все идеи, озвученные учащимися, записываются учителем на доске. В финале рассматриваются все разногласия, возникшие в ходе обсуждения, а ответы на появившиеся вопросы дети ищут в учебнике или другой справочной литературе [6].

Например, работая с темой «Синонимы», ребята записывали все, что помнили по данному вопросу. Вот что получилось.

Синонимы:

- 1) другое название предмета,
- 2) близкое по значению слово,
- 3) поясняют значение слова,

- 4) голубой-небесный,
- 5) украшают речь,
- 6) синоним – это «двойняшка» слова ...

В процессе обсуждения темы ребята обратились к учебнику и сделали вывод о том, что они были правы и самостоятельно сформулировали определение термина.

Следующий прием – составление синквейна. Данный прием позволяет ученику в краткой форме изложить суть изучаемого вопроса. Синквейн состоит из 5 строк. В первой заявляется тема или предмет (1 существительное), во 2 дается описание предмета – 2 прилагательных или причастия, в 3, состоящей из трех глаголов, характеризуются действия предмета, в 4 приводится фраза, состоящая обычно из 4 значимых слов, выражающая отношение автора к предмету, в 5 – синоним, обобщающий или расширяющий смысл темы или предмета (обычно 1 слово) [2, с. 160].

С шестиклассниками мы составляем синквейны в парах, так как этот вид работы пока для них сложен. Вот пример синквейна по теме «Определительные местоимения», в котором ребята постарались обобщить все знания по данной теме:

- 1) определительное местоимение
- 2) нужное, разнообразное
- 3) заменяет, изменяется, обогащает
- 4) указывает на обобщенный признак
- 5) часть речи

Рассмотренные выше примеры применения ТРКМ на уроках русского языка позволяют утверждать, что данная технология помогает ученикам самостоятельно ставить познавательные цели на занятиях, формировать умение выделять главное, систематизировать информацию, устанавливать причинно-следственные связи и делать умозаключения, анализировать, творчески обобщать информацию. Использование приемов ТРКМ учителем на занятиях позволяет работать на более высоком профессиональном уровне и постоянно самосовершенствоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Е. О., Осмоловская И. Н. Теория обучения в информационном обществе. М.: Просвещение, 2011. 190 с.
2. Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителей общеобразоват. Учреждений / 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2011. 223 с.
3. Муштавинская И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя: учебно-методическое пособие. СПб.: КАРО, 2009. 144 с.
4. Павлова А. И. О технологии развития критического мышления учащихся на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2007. № 8. С. 11–15.

5. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. 159 с.

6. Карпачёв С. В. Использование приемов технологии развития критического мышления посредством чтения и письма на уроках русского языка (из опыта работы) [Электронный ресурс] // Персональный сайт учителя русского языка и литературы Карпачёва Сергея Владимировича. Режим доступа: http://karpachevsergey.ucoz.ru/publ/tehnologija_kriticheskogo_myshlenija_posredstvom_chtenija_i_pisma/1-1-0-8 (дата обращения: 13.04.2016).

N.Y. Toderika

USING TECHNOLOGY OF CRITICAL THINKING METHODS FOR LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE.

The article deals with the experience of using methods of technology development of critical thinking through reading and writing (TRKM) on the Russian language lessons. Also it provides an overview of some of the techniques applied to the lessons of the Russian language. The value of technology in the formation of universal educational actions on the Russian language lessons.

Keywords: technology, methodical procedure, federal standards, the Russian language, critical thinking.

Тодерика Надежда Юрьевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 32 с углубленным изучением отдельных предметов»
E-mail: ntoderika@yandex.ru

Toderika N.Y., Teacher of Russian language and Literature
Secondary school № 32 with in-depth study of specific subjects
E-mail: ntoderika@yandex.ru

УДК 811.161.1'36(045)

Е.В. Туктангулова, М.А. Бубякина

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛЕКСИКИ В ГРУППАХ РКИ УРОВНЯ В1 ПОСРЕДСТВОМ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА

Песенный материал на занятиях по русскому языку как иностранному оказывается чрезвычайно важным в рамках коммуникативного подхода к обучению РКИ, поскольку позволяет изучить живой русский язык в лексико-грамматическом аспекте. При этом важными оказываются критерии отбора песенного материала, для того чтобы обучение лексике и грамматике русского языка как иностранного посредством песни и с подключением лингвострановедческого аспекта было максимально эффективным в поликультурной аудитории.

Ключевые слова: русский как иностранный, песни, методика преподавания РКИ, лексика, грамматика.

Песни в качестве учебных текстов на уроках иностранных языков вообще и русского как иностранного в частности используются в практике уже давно и являются хорошим материалом для изучения иностранного языка. Авторы многих учебников используют песенный материал, так как он добавляет в процесс обучения элемент ненавязчивости и поддерживает интерес учащихся к изучению языка, что, в свою очередь, является мощным фактором на пути достижения главной цели – формирования умения вступить в коммуникацию на русском как иностранном.

Русские песни в таком аспекте – это огромный, очень разнообразный и постоянно обновляющийся источник, в котором для каждой учебной темы можно найти актуальные, яркие примеры. Песни России отображают не только душу народа, но и его историю, традиции, быт, культуру, понятия и нравы, поведение и эмоции. Всё это представляет собой огромный пласт новой лексики, необходимый для пополнения словарного запаса, для вступления в коммуникацию, а также для объяснения русской истории, русской культуры. Учитывая все указанные аспекты, можно говорить о том, что песни на уроках РКИ целесообразнее назвать песенным материалом, поскольку он позволяет решить комплекс учебных задач, а именно непосредственно развить языковые навыки, лексические с привлечением орфоэпии и грамматические, познакомиться с культурой России, увидеть современную Россию, в том числе сквозь призму языка.

Музыка, как неотъемлемая часть песни, является сильнейшим психическим побудителем, а значит, способствует более быстрому и продуктивному запоминанию новой лексики, усвоению орфоэпических, лексических и грамматических норм русского языка. Отмечая психологическую составляющую, важно обратить внимание на то, что человек способен запоминать быстрее и

легче эмоционально пережитое. Таким образом, песня является универсальным вариантом, так как содержит в себе два самых главных компонента – лирический текст и музыку. При синтезе двух этих составляющих возникает материал, способствующий наиболее быстрому запоминанию новой лексики и грамматических норм, в том числе и на эмоциональном уровне, что значительно ускоряет процесс обучения.

Использование песен на занятиях РКИ способствует преодолению языкового барьера. Учащиеся начинают выражать свои мысли на иностранном языке не отдельными словами, а целыми фразами, учатся понимать связную речь. В этом смысле речь зарифмованная представляется более легкой для восприятия.

Необходимо отметить целый ряд методических преимуществ использования песенного материала на уроке русского как иностранного:

Песенный материал разнообразен не только по содержанию, но и с точки зрения содержащейся в нём лингвистической информации: здесь проявляются все речевые жанры (рассказ, описание, рассуждение), содержится прямая и косвенная речь, демонстрируются образцы разных стилей речи (от разговорного до книжных).

Аутентичность текстов песен свидетельствует об их образности, а образы реализуются в языке с помощью метафор, эпитетов и других средств выразительности, которые показывают, как в языке выражается то или иное явление, отображают культуру, образ мыслей носителей русского языка.

Песенный материал удобен и практичен тем, что лексика, используемая в этих текстах, является лексикой активного запаса, а значит, правильно подобранный песенный материал может расширить лексический запас учащегося и облегчить коммуникацию.

Один и тот же песенный материал может применяться для достижения различных целей обучения в зависимости от выполняемых на его основе заданий (песенный материал обладает свойством комплексного многоцелевого использования).

В качестве опоры при обучении могут использоваться различные компоненты песенного материала (музыка, тексты, легенды).

Песни носят личный характер: как правило, затрагивается проблема, близкая каждому человеку, поэтому текст песни ассоциируется с личными переживаниями, что, в свою очередь позволяет запомнить новую лексику, подкрепив её ярким ассоциативным рядом и обеспечив максимальное запоминание новых слов, фраз, грамматических форм.

В отличие от других аудиоматериалов, предполагающих максимально трехкратное прослушивание, песни, как правило, впоследствии разучиваются учащимися наизусть.

Использование песенного материала способствует естественному, не требующему особых усилий запоминанию.

Песенный и музыкальный материалы можно успешно использовать не только при обучении аспектам языка, но и при формировании речевой дея-

---

тельности. Речевые клише вводятся и заучиваются учащимися целиком, без грамматического или структурного анализа фразы или словосочетания, если в этом нет необходимости. Воспроизведение слов с учетом рифмы упрощает процесс восприятия нового текста на слух. А если песенный материал при этом подкреплён видеорядом, то это еще в большей степени облегчает понимание сложных для восприятия фраз, отражающих определенные ситуации общения.

Таким образом, песня является универсальным материалом обучения, используемым для достижения различных целей и актуализирующим знания на всех уровнях языка и, конечно, песня как учебный материал выполняет воспитательную функцию, поскольку формирует толерантное отношение к культуре другого народа.

Песенный материал способствует успешному обучению языку на всех уровнях. Лексический аспект в методике преподавания РКИ посредством песенного материала проявляет возможности использования песни для отработки знаний антонимических, синонимических рядов, что становится актуальным на уровне В1. Кроме того, многие песни содержат в своем тексте большое количество идиом, характерных для русского языка. Это способствует заучиванию новых фраз и возможности активного использования их в своей речи. При этом лексический аспект естественным образом пересекается с культурологическим, так как помогает приблизиться к традициям народа и понять образ мыслей носителей данного языка.

Песня является аутентичным материалом и подбирается в зависимости от темы, поэтому текст песни всегда будет содержать новую лексику. Лексика является одним из важнейших аспектов изучения иностранного языка. По мысли исследователя В.В. Морковкина, «обучение языку – это, прежде всего, обучение правильному пониманию и употреблению его слов, лексики. Если извлечь лексику, то в ней не останется ничего. Все в языке начинается со слов и кончается словами, вследствие чего овладение словарным запасом языка является центральной проблемой обучения иностранному языку» [2, с. 86].

Благодаря освоению данного раздела формируется словарный запас учащегося, с помощью которого возможна коммуникация на иностранном языке. Определенную сложность представляет отбор лексического материала для изучения на уроках русского языка как иностранного, так как важно помнить о лексике активного и пассивного словарного запаса. Принципиальное отличие данных типов в методическом аспекте заключается в том, что активный словарь включает в себя слова, с помощью которых учащиеся смогут вступить в коммуникацию, пассивный словарь – слова, которые учащийся должен понимать при чтении текста на русском языке и при слушании (аудировании). Отбор лексики осуществляется путем определения целей и уровня владения русским языком, а также частотностью и употребительностью лексических единиц и словосочетаний. Для заучивания отбираются новые слова и фразы с широкой употребительностью с той целью, чтобы студент смог

использовать на практике те или иные слова. И наконец, важную роль играет ситуативно-тематический подбор. Согласно определенной ситуации подбирается лексика на заданную тему.

Для того чтобы в более короткие сроки запомнить большой объем новой тематической лексики, можно эффективно использовать песню в качестве учебного материала. Рассмотрим использование песенного материала в группах по русскому языку уровня В1. Для этого приведем список тем, которые необходимо проработать студенту, претендующему на знание русского языка на I сертификационном уровне (В1) и соответствующий им песенный материал:

1. Биография («Дорогою добра» Ю. Энтина).
2. Семья («Как дети» группы «25/17»).
3. Учеба, работа («Самый лучший начальник» В. Уриевского).
4. Система образования в вашей стране («Учат в школе» М. Пляцковского).
5. Ваша страна. Ваше знакомство с Россией («Увезу тебя я в тундру» М. Пляцковского).
6. Город («Этот город самый лучший» группы «Браво»).
7. Ваши интересы («Хобби» О. Газманова).

Рассмотрим пример работы с песенным материалом на занятии РКИ уровня В1. Разработанный нами материал посвящен теме «Город». В качестве примера взята песня на заданную тему – «Этот город самый лучший...» (группа «Браво»). Система заданий состоит из цикла предтекстовой работы, собственно текстовой работы и послетекстовой работы.

Задание №1. Актуализируется тематическая лексика. Выслушиваются мнения по вопросам типа *Какой ваш родной город? Какие достопримечательности есть в вашем городе? У вас красивый город? Какой город (какие города) вы любите и почему?*

Задание №2. Это задание актуализирует орфографические и грамматические знания, полученные ранее, проверяет навыки аудирования. *Прослушайте песню и заполните пропуски.*

Этот город – самый лучший город на _____,
Он как будто нарисован _____ на _____,
Нарисованы бульвары, _____ и _____,
Разноцветные веснушки, белые банты.

Этот город, просыпаясь, смотрит _____.
Где-то там совсем недавно пряталась луна,
А теперь взрывают птицы _____ восход,
И куда-то уплывает белый пароход.

Этот город не похожий ни на что вокруг,
 Улыбается прохожий, и _____,
 Помогая _____ верить __ _____,
 Распускаются фонтаны прямо __ _____.

Припев:

Я не знаю, где ещё на этом _____
 Есть такая же весна.
 Я, пожалуй, отпущу попутный ветер
 И останусь навсегда (с тобою).
 Голубые тротуары, синие цветы,
 Ярко-желтые трамваи, розовые сны.
 Он как будто нарисован _____ на _____,
 Этот город - самый лучший город на _____.

Припев.

Практика показывает, что работа над аутентичными текстами не только положительно воздействует на эмоциональную сферу личности студента, но и решает сугубо прагматические задачи, «ведёт к активизации и обогащению словарного запаса, расширяет социокультурный компонент их иноязычной речевой компетентности, интенсифицирует процесс освоения иностранного языка за счёт подключения дополнительной мотивации» [1, с. 161].

Задание №3. Предполагаются устные ответы на вопросы, которые проверяют понимание текста песни. Ответы учащихся должны содержать новую лексику, которая была актуализирована в данной песне, что способствует развитию речевых навыков студентов. *Послушайте песню и ответьте на следующие вопросы:*

1. Какие цвета встречаются в песне?
2. Что есть в этом городе?
3. Как вы думаете, что значит выражение «попутный ветер»?
4. Похож ли этот город на что-то или кого-то? Какой он?
5. О каком времени года говорят в этой песне?
6. Человеку, который написал эту песню, нравится этот город? Почему вы так решили?

Задание №4. Проявляет способности учащихся на основе понятого текста песни продуцировать собственный текст по заданной теме. *Посмотрите видеоклип и скажите, что еще вы узнали, слушая песню и смотря видео. О чем же эта песня? Только о городе?*

Задание №5. Отрабатывается использование новой лексики для более быстрого её запоминания и включения в активный словарный запас.

Напишите видовые пары глаголов. Поставьте рядом с каждым глаголом существительное в нужном падеже. Составьте рассказ о вашем городе (5 предложений), используя данные глаголы.

Глагол	Видовая пара
Знать	
Нарисовать	
Остаться	
Отпускать	
Прятаться	
Распускаться	
Смотреть	
Улыбаться	
Уплывать	

Задание №6. Задание нацелено на вычленение тематической лексики, что углубляет понимание содержания песни, и проецируется на обсуждение проблемы жизни в мегаполисе и в маленьком городе. *Выпишите из текста песни слова, которые связаны с природой.*

Задание №7. Рассматривается такое лексическое явление, как употребление слов в переносном значении. *Как вы думаете, что ещё может распускаться?*

Таким образом, использование песенного материала на уроках РКИ имеет целый ряд методических преимуществ, что указывает на комплексность, универсальность и прогрессивность данного метода. Благодаря включению песенного материала в процесс обучения представляется возможным усиление мотивации иностранных студентов к изучению русского языка, снятие психологического и языкового барьеров, более быстрое вступление в коммуникацию. Успешность использования песенного материала во многом зависит от выбора песни. При правильном ее подборе можно ускорить усвоение тематической лексики и обеспечить эффективную коммуникацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коротюк Т. С. Чтение аутентичных текстов лингвострановедческого содержания на начальном этапе обучения иностранному языку в вузе // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Электросталь: Новый гуманитарный институт, 2011. С. 159–162.

2. Морковкин В. В., Кочнева Е. М. Лексика в обучении языку // Методика / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. С.83-95.

3.

E.V. Tuktangulova, M.A. Bubyakina

THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE VOCABULARY AND THE GRAMMAR TEACHING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE GROUPS OF THE LEVEL B1 THROUGH THE SONG MATERIAL

The song material on employment on Russian as a foreign language is very important in the framework of the communicative approach to learning trials, because it allows you to explore the living Russian language in lexical and grammatical aspect. Here are the important criteria for the selection of the song material to learning vocabulary and grammar of Russian as a foreign language through songs and connecting the regional studies aspect was as effective as possible in a multicultural audience.

Keywords: Russian as a foreign language, songs, teaching methods RFL, vocabulary, grammar.

Туктангулова Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: tuctangulova@gmail.com

Tuktangulova E.V., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: tuctangulova@gmail.com

Бубякина Мария Андреевна, магистрант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: bmasha14@mail.ru

Bubyakina M.A., Master's degree student
Udmurt State University
E-mail: bmasha14@mail.ru

Текст как объект литературоведческого исследования

УДК 821.161.1-1

Д.В. Баталов, М.В. Серова

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРАТЕКСТА В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» НА ПРИМЕРЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ТРЁХ ЭПИГРАФОВ

На материале ранних редакций «Поэмы без Героя» рассматривается сюжет замены эпитафия из стихотворения В. Хлебникова на эпитафии из стихотворений М. Лозинского и В. Князева на фоне композиционного обособления четвёртой главы первой части поэмы. Анализ биографического контекста в сочетании с культурно-историческим фоном эпохи позволяет раскрыть «ретуширующий» принцип работы ассоциативных механизмов памяти биографического автора и, соответственно, – психологические мотивы, воплотившиеся в эволюции композиции и паратекста поэмы.

Ключевые слова: паратекст, эпитафия, контекст, история текста, интертекст, автор.

В первых четырёх авторских редакциях «Поэмы без Героя» (1942-1946) Часть первая имеет только три главы [См. по текстам авторских ред.: 35]. При этом Глава Третья изначально содержала в себе фрагмент, в 5-й ред. (1956) ставший Главой Четвёртой и последней: «Кто застыл у померкших окон, / На чьём сердце палевый локон... <...> Это я – твоя старая совесть / разыскала сожжённую повесть / и на край подоконника / в доме покойника / положила и на цыпочках ушла» [Цит. по 3-й ред.: 9, с. 242; ср. с 5-й ред.: 7, с. 316-319]. Вычленение этого фрагмента в отдельную главу означает постановку на нём смыслового акцента, поскольку четвёртая глава находится в сильной финальной позиции и завершает всю «Петербургскую повесть» – Часть Первую поэмы. Соответственно этому композиционному решению Ахматовой изменяется паратекстовое оформление указанных глав. Так, первоначальной Главе Третьей (ещё существовавшей в единстве с четвёртой главой) в 1-й и 2-й редакциях был предпослан эпитафия из В. Хлебникова: «Падают Брянские, растут у Манташева, / Нет уже юноши, нет уже нашего» [6, с. 170; 4, с. 203]. В 3-й ред. (1944) этот эпитафия вписан, но зачёркнут и заменён на эпитафия «То был последний год» – начало стихотворения М. Лозинского [9, с. 240—241]. В 4-й ред. (1946) хлебниковский эпитафия окончательно исключён [10, с. 275]. Наконец, в 5-й ред. Глава Четвёртая и последняя, выделившаяся

яся из Главы Третьей, приобретает композиционную самостоятельность и отдельный эпиграф – строки из стихотворения В. Князева «И нет напевов, нет созвучий...»: «Любовь прошла и стали ясны / И близки смертные черты» [7, с. 316]. При этом данный эпиграф в пятой редакции первоначально входил в Главу Третью в контексте указанного выше эпиграфа из стихотворения М. Лозинского. Но в процессе работы автора над редакцией в Главе Третьей князевский эпиграф был заменён на другой – начало стихотворения О. Мандельштама: «В Петербурге мы сойдёмся снова, / Словно солнце мы похоронили в нём»; при этом строки Князева не были исключены из поэмы, а перенесены в качестве эпиграфа в Главу Четвёртую и последнюю [См. текст Главы Третьей и коммент. к рукописи 5-й ред.: 7, с. 313, 316, 348, 350]. То есть князевский эпиграф в «Поэме без Героя» так или иначе для Ахматовой был ассоциативно связан со строками Хлебникова, от которых она по каким-то причинам вынуждена была отказаться.

Таким образом, история эпиграфов не только к Главе Третьей, но и к выделившейся из неё Главе Четвёртой и последней восходит к эпиграфу из Хлебникова, бывшему единственным в 1-й и 2-й редакциях поэмы. Прояснение логики внутривидового и семантического взаимодействия этих эпиграфов требует осмысления авторских замен в хронологическом и композиционном аспектах, что позволит раскрыть ещё один психологический аспект ахматовской работы над текстом.

Источником первоначального эпиграфа является стихотворение Велимира Хлебникова «Где волк воскликнул кровью...» 1915 года, вошедшее впоследствии в его поэму «Война в мышеловке», посвящённую событиям Первой мировой войны:

Где волк воскликнул кровью:
 «Эй! Я юноши тело ем», –
 Там скажет мать: «Дала сынов я».
 Мы, старцы, рассудим, что делаем.
 Правда, что юноши стали дешевле?
 Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?
 Ты, женщина в белом, косящая стебли,
 Мышцами смуглая, в работе наглей!
 «Мёртвые юноши! Мёртвые юноши!» –
 По площадям плещется стон городов.
 Не так ли разносчик сорок и дроздов?
 – Их перья на шляпу свою нашей.
 Кто книжечку издал «Песни последних оленей»,
 Висит, продетый кольцом за колени,
 Рядом с серебряной шкуркою зайца,
 Там, где сметана, мясо и яйца.
Падают Брянские, растут у Манташева...
Нет уже юноши, нет уже нашего

*Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам!*
(Курсив наш. — Д.Б., М.С.) [29, с. 180]

К привлёкшим внимание Ахматовой хлебниковским строкам существует реальный комментарий, не вызывающий разногласий в исследовательской среде: «Падают Брянские, растут у Манташева – акции Общества брянских машиностроительных заводов и Общества бакинских нефтяных промыслов “Манташев и К^о”» [1, с. 513]. Именно об этих строках в стихотворении, показывающем «картину продажи мёртвых юношей в мясной лавке, ставших “дешевле земли”», Н. Степанов говорит как об «очень точной детали, связывающей... обесценение человеческой жизни с биржевой игрой» [23, с. 164]. Таким образом, в тексте Хлебникова образ смерти – это гипербола профанированной эпохой жертвы, но в контексте лишь двух выбранных Ахматовой строк можно понять этот образ в ещё более профанирующем смерть ключе – как самоубийство вследствие биржевого краха.

Обратим внимание на комментарий Н.И. Крайневой к тексту 3-й ред. «Поэмы без Героя»: «в <ноябре> 1945 года был зачёркнут эпитаф – две строки из поэмы В. Хлебникова, а вместо него под вписанной ранее карандашом ремаркой к Главе Третьей было записано начало первой строки стихотворения М. Лозинского “То был последний год. Как чаша в сердце храма...”» [9, с. 260]. Таким образом, первостепенного внимания заслуживает замена хлебниковского эпитафа на эпитаф из стихотворения Лозинского 1914 года из сборника «Горный ключ». Восстановим его контекст:

То был последний год. Как чаша в сердце храма,
Чеканный, он вместил всю мудрость и любовь, –
Как чаша в страшный миг, когда вино есть кровь,
И клир безмолвствует, и луч нисходит прямо.

*Я к жертве склонил спокойные уста,
Чтоб влить бессмертие в пречистый холод плоти,
Чтоб упокоить взор в светящейся дремоте.
И чуда не было. И встала темнота.*

Но лёгким запахом той огненной волны
Больные, тихие уста напоены.
Блаженный и слепой, в обугленном молчанье,
Пока не хлынет смерть, я пью своё дыханье
(Курсив наш. — Д.Б., М.С.) [20].

Как нетрудно заметить, оба стихотворения (Лозинского и Хлебникова) объединены темой жертвенной смерти. При всей крайней фантазмагоричности и апокалиптичности изображаемой катастрофы «настоящего Двадцатого

Века», сводящего на нет все общечеловеческие ценности, стихотворение Хлебникова вполне реалистично по отношению к описываемой эпохе, а эпиграф из него конституирует исторический подтекст содержания Главы Третьей «Поэмы без Героя», где воссоздаётся ощущение приближения этой катастрофы:

Оттого что по всем дорогам,
Оттого что ко всем порогам
Надвигалась медленно тень –
Становилось темно в гостиной,
Жар не шёл из пасти каминной
И в кувшинах вяла сирень
[Цит. по 3-й ред.: 9, с. 241].

Исходя из воспоминаний современников, можно говорить о неоднозначном восприятии Ахматовой Хлебникова: «Хлебников обладал ясновидением, но не обладал толковостью и властностью» [32, с. 113], – приводит Л.К. Чуковская слова Ахматовой. И кроме того: «Я очень люблю Хлебникова... но не во все периоды его. <...> Я терпеть не могу раннего Хлебникова...» [Там же, с. 225]; «...он писал плохо до [революции] и прекрасно — после» (Курсив автора. – Д.Б., М.С.) [33, с. 372]. Но именно к «плохому», по словам Ахматовой, дореволюционному периоду и относится заинтересовавшее её стихотворение Хлебникова.

Любопытным в плане ахматовской саморефлексии воспринимается её высказывание о Лозинском за год до собственной смерти, когда она интенсивно подводила жизненные и творческие итоги: «стихи были строгие, всегда высокие, свидетельствующие о напряжённой духовной жизни» [16, с. 702]. Заметим, что такая характеристика вполне соотносима со стихами самой Ахматовой. С Лозинским, как известно, Ахматову связывали и близкие отношения, пронесённые из 10-х годов через всю жизнь. Р.Д. Тименчик приводит фрагмент из сохранившегося в архиве М. Лозинского письма: «С Михаилом Лозинским связаны лирические переживания, стоящие за рядом стихотворений Ахматовой поздней осени 1913 года. Ср. в её письме к М. Лозинскому сентября 1917 года: “...и странно мне, что четыре года тому назад <...> чёрная и тихая трагическая осень, о которой я написала так много стихов”» [25, с. 549]. И именно эта осень предстаёт в поэме своеобразной героиней Главы Третьей: «Петербург в 1913 году», – читаем мы в ремарке к главе, и уже в основном тексте: «...в духоте морозной — / Предвоенной, блудной и грозной / Непонятный таился гул...» [Цит. по 3-й ред.: 9, с. 240–241]. Эту же осень описывает в своём стихотворении и Лозинский, по-видимому, желая, по выражению Гумилёва, «вспомнить “невспоминяемое слово”», которое «уже мучило его губы» [15, с. 760], то есть произнести, зафиксировать (а в платоновско-аристотелевском смысле воплотить в художественном слове буквально и значит – *припомнить*; подобный же механизм свойствен и поэтике Ахмато-

вой) невыразимое предчувствие катастрофы: «То был последний год. <...> Но лёгким запахом той огненной волны / Больные, тихие уста напоены. <...> Пока не хлынет смерть, я пью своё дыханье». Весь этот смысловой диапазон Ахматова, как всегда, лаконично сводит к одному предложению, смысл которого в полной мере раскрывается в поэтическом контексте: «То был последний год...».

Таким образом, замена хлебниковского эпитафия на эпитаф из Лозинского может быть объяснена акмеистическим желанием Ахматовой весь эмоциональный ужас и накал мировой катастрофы «свернуть» до предела даже не одной, а лишь половины строки своего друга, и на минимальном пространстве текста, буквально в одном слове (которое, по известному определению Мандельштама, «является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны») [21, с. 413]) – «последний год» – развернуть при этом подлинный масштаб всех страшных «канунов» XX века. Так обнаруживается одна из возможных причин замены хлебниковского эпитафия в 3-й ред. к пока ещё единой Главе Третьей.

Как мы отметили выше, эпитаф из Хлебникова относился к единой Главе Третьей в первых редакциях поэмы. В 5-й ред. Ахматова композиционно обособляет Главу Четвёртую, сопровождая её эпитафом из В. Князева, оставляя при этом эпитаф из М. Лозинского в обособленной Главе Третьей. Как известно, в основе Главы Четвёртой расположен эпизод, где описывается самоубийство поэта. Эта тема вполне очевидно просвечивает в избранном Ахматовой в качестве эпитафа фрагменте князевского текста: «Любовь прошла и стали ясны / И близки смертные черты». В тексте самой главы этот мотив реализован, например, в строках: «Столько гибелей шло к поэту. / Глупый мальчик: он выбрал эту...» [Цит. по 5-й ред.: 7, с. 318]. Отчасти на него намекает и эпитет «...и последняя» в названии главы. Но в то же время в первых редакциях, где Глава Третья ещё не была разделена на две, хлебниковские слова: «Нет уже юноши, нет уже нашего...» – вводят в ахматовский текст уже тему самоубийства. В связи с этим есть основания предполагать, что замена эпитафа из Хлебникова к Главе Третьей на известную биографическую отсылку к Князеву может быть вызвана ещё и авторским желанием композиционно вычленив из третьей главы «Главу Четвёртую и последнюю», реализуя таким образом тему самоубийства поэта как *отдельную* романтическую тему.

Наряду с постановкой князевских строк («Любовь прошла...») из стихотворения «И нет напевов, нет созвучий...» в качестве эпитафа к четвёртой главе, в которой на лестничной площадке совершает самоубийство поэт, прямая цитата («палевый локон») из стихотворения Князева «Сколько раз проходил мимо окон...» в характеристике персонажа, на которую указывает Т.В. Цивьян [31, с. 267], устанавливает интертекстуальную связь двух поэтических систем – Князева и Ахматовой. Р.Д. Тименчик на схожих примерах определяет подобный интертекст как «знаки “мышления 1913 года”», «знаки-символы эпохи “1913 года”», которые, «как правило, в “Поэме” выбираются из репертуара знаковых индексов той эпохи – частей её языкового запаса» [26, с. 440–441]:

Сколько раз проходил мимо окон,
 Где головка и плечи её,
 Сколько раз проходил мимо окон,
 Где за кружевом счастье моё!..
 Сколько раз видел палевый локон,
 Когда ветер им нежно играл,
 Сколько раз видел палевый локон,
 Сколько раз его видеть желал!..
 Сколько раз с безнадежной тоскою
 Уходил в одинокий мой сад,
 Сколько раз с безнадежной тоскою
 Я встречал безнадежный закат!..
 А сегодня прелестной рукою,
 Словно в сказке ожившего сна,
 А сегодня прелестной рукою
 Ярче крови мне роза дана... [18]

Кто застыл у померкших окон,
 На чьём сердце палевый локон
 У кого пред глазами мгла?
 Помогите — ещё не поздно!
 Никогда ты такой морозной
 И чужою, ночь, не была
 (Курсив в обеих цитатах наш. —
 Д.Б., М.С.) [9, с. 242].

Заметим, что строфа «Кто застыл у померкших окон...» впервые появилась именно в 3-й ред. поэмы, одновременно с исключением хлебниковского эпиграфа, а значит – в процессе авторского поиска нового эпиграфа и соответствующего ему выстраивания образа героя, что, по всей видимости, и воплотится в 5-й ред. в виде обособления четвёртой главы. Это дополнительно усиливает статичность достаточно традиционного в ахматоведении толкования героя не только Главы Четвёртой, но и фактически всей поэмы как Всеволода Князева. Эта интерпретация разработана с самого начала критического и научного осмысления поэмы с подачи самой Ахматовой, которая в «Письме к NN» даёт своему читателю своеобразное указание: «Тем же, кто не знает некоторые “петербургские обстоятельства”, поэма будет непонятна и неинтересна» [12, с. 350]. Очевидцы же этих «обстоятельств», как правило, объясняют ахматовский текст так: «Юный поэт Всеволод Князев, двадцатилетний драгун, подсмотрел как-то ночью, что “петербургская кукла, актёрка”, в которую он был иступлённо влюблён, воротилась домой не одна, и, недолго думая, в ту же минуту пустил себе пулю в лоб перед самой дверью, за которой она заперлась со своим более счастливым возлюбленным», – комментирует К.И. Чуковский «мифологическую» биографию Князева как основу «Поэмы без Героя» [34], пренебрегая биографией реальной, на что указывает Р.Д. Тименчик: «То и дело приходится читать в критических статьях, что в ахматовском сочинении воспроизведён подлинный эпизод самоубийства В.Г. Князева на пороге квартиры О.А. Глебовой-Судейкиной.

<...>

Как раз в действительности дело обстояло иначе.

В разговоре с пишущим эти строки в июле 1965 года Анна Андреевна сказала:

– А вы знаете, что Князев застрелился в Риге?» [28]

Таким образом, вопрос о конкретном биографическом адресате если не снимается вообще, то уходит на второй план, что отчасти допускает даже К. Чуковский: «Самоубийства стали эпидемией и даже, как это ни удивительно, модой. <...> Вряд ли необходимо допытываться, вспоминает ли она действительный случай или это её авторский вымысел» [34].

В то же время в рассматриваемой нами 5-й редакции в выделенной из третьей главы Главе Четвёртой появляются строки:

Столько гибелей шло к поэту.
 Глупый мальчик: он выбрал эту, —
 Первых он не стерпел обид.
В полудетской тёмной тревоге
 Он не знал, на каком пороге
 Он стоит, и какой дороги
 Перед ним откроется вид
 (Курсив наш. – Д.Б., М.С.) [7, с. 318].

При этом в комментарии указано: «Другим карандашом вписана строка “В полудетской тёмной тревоге”» [7, с. 351]. Также карандашом эти слова вписаны в тексте 6-й ред., во всех остальных редакциях она отсутствует [См. рукопись 6-й ред. и коммент. к ней: 11, с. 420; 11, с. 444; ср. с 7-9 редакциями: 8, с. 496; 3, с. 555; 5, с. 604]. Тем не менее, эта строка дополнительно акцентирует «детскость» сознания героя. Здесь следует отметить особое мировосприятие поколения 1910-х годов, для которого жизнь представлялась игрой и которое достаточно безответственно в своём поведении «театрализовало» все формы собственного самовыражения, обесценивая при этом традиционные общечеловеческие ценности, главная из которых – жизнь, и превращая *естественный круговорот* жизни и смерти в некое подобие *рулетки*. Это теоретически сформулировал В. Ходасевич: «...едва ли не всё наиболее значительное открывается не иначе, как в связи с внутренней и внешней биографией автора. <...> ...именно у этих, столько раз объявленных “головными”, “неискренними”, – связь жизни и творчества так сильна, так неразрывна, как, может быть, это было лишь у немногих раньше, ни у кого – после них» [30, с. 175-176].

С этих позиций исследователи и трактуют образ героя поэмы как Князева – и в мифологизированном смысле его биографии, и в литературном плане: «...одно стихотворение, написанное Князевым в Риге в январе 1912 года, вызвало, по-видимому, сцену гибели Корнета в “Поэме без героя”: “...Я приду и застыну на лестнице у далёкой, звёздной, нездешней... Я застыну, склоняясь над перилами, где касалась её перчатка...”», – предполагает Р.Д. Тименчик [25].

Но в перспективе *творческой истории* «Поэмы без Героя» при рассмотрении князевского эпитафия и связываемого с ним исследователями об-

раза Князева как героя поэмы необходимо иметь в виду важный смысловой нюанс, указанный Н.И. Крайневой в комментарии к рукописи 3-й ред.: «В основной текст списка [Островская 46], переписанный 18 января 1946 года, входит эпиграф – цитата из поэмы В. Хлебникова (с дополнением – третьей строкой: “Сероглазого короля”; у Хлебникова “Черноглазого короля”), т. е. эпиграф был восстановлен предположительно в период <ноябрь 1945 – 18 января 1946>» [9, с. 260]. Здесь примечательно, что указанный список отмечен как «авторский список с третьей редакции “Поэмы без Героя”» (Курсив наш. – Д. Б., М. С.) [19, с. 34]. Это даёт основания говорить об ахматовском приёме искажённой цитаты в эпиграфе. Попробуем раскрыть значение этого приёма.

Вновь восстановим контекст поэмы Хлебникова: «Падают Брянские, растут у Манташева... / Нет уже юноши, нет уже нашего / Черноглазого короля беседы за ужином. / Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам!» (Курсив наш. — Д. Б., М. С.). Несомненно, ахматовская замена «черноглазого короля» на «сероглазого» не может не отсылать к её стихотворению «Сероглазый король». Возможно, учитывая игру и ретушь как одни из основных принципов построения «Поэмы без Героя», Ахматову могла привлечь забавная переключка «черноглазого» и «сероглазого» королев. Это вполне удовлетворяло жизнотворческой концепции начала века, когда жизнь отождествлялась с игрой, поскольку собственное стихотворение о сероглазом короле (по крайней мере, уже в годы написания «Поэмы без Героя») сама Ахматова воспринимала в пренебрежительно-ироническом ключе: «Смрадный “Сероглазый король” и ещё что-то... Не помню уже что...» – а также как своеобразную игру: «Её раздражал успех, выпавший на долю “Сероглазого короля”. Об этих стихах она говорила тоном оправдания: “Мне же было тогда двадцать лет, и это была попытка баллады”» [17].

С другой стороны, соотнеся контекст поэмы Хлебникова с контекстом «Поэмы без Героя», обнаруживаем, что «сероглазый король», на котором обрывается эпиграф у Ахматовой, в контексте полной строфы в поэме Хлебникова («нет... короля беседы за ужином») прежде всего будет содержать явный подтекст: наряду с бытовым значением ужин в «Поэме без Героя», как и в поэзии Ахматовой вообще, наделяется мистическим, сакральным смыслом. Так, поэма начинается с обстановки новогоднего ужина и прямой цитаты из «Новогодней баллады», к которым примыкают рассредоточенные по всей Части первой образы «человека, что не появился» и «тени без лица и названья». Очевидно, что именно этот «король», которого «нет... за ужином», и характеризуется словами «И вдвоём с ко мне не пришедшим / Сорок первый встречаю год» [Цит. по 3-й ред.: 9, с. 234] в Главе Первой Части первой поэмы. Таким образом, «сероглазый король» в эпиграфе становится одним из призраков карнавальная эпохи тринадцатого года, одним из тех, на кого «из года сорокового, как с башни, на всё глядит» героиня поэмы, и прежде всего она глядит на самоё себя.

Но семантика смерти, заявленная в эпитафии и реализованная в тексте Главы Третьей, вынуждает спроецировать образ сероглазого короля и на героя-поэта в этой главе. Мы уверены, что в данном контексте поэт становится королём исключительно *карнавальным*, чей образ, по определению М. Бахтина, сопровождается «карнавальным пафосом смен и обновлений, образом зиждительной смерти» [14, с. 167]. Рассмотрим, как карнавальная природа короля реализуется в 3-й редакции:

Кто за полночь под окнами бродит,
На кого беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
Тот и видел, как стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой не одна.
Уж на лестнице пахнет духами
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит —
Он тебе, он своей «Травиате»
Поклониться пришёл. Гляди...
(Разрядка автора. – Д. Б., М. С.) [9, с. 241-242]

Карнавальная условность здесь явлена в образе «стройной маски». Маска сама по себе – нечто безличное и условное. Поставленная в пару карнавалному королю, она намеренно возвращается домой «не одна», что дополнительно акцентируется выделением разрядкой. При этом путь маски лежит «из Дамаска»; расшифровывая его, Ж. Нива отмечает «преступную амбивалентность “нового религиозного сознания”. Ведь “путь в Дамаск” для любого христианина, как и для святого Павла, – озарение божественным, встреча с Богом. “Обратный путь из Дамаска” – это не только намёк на мифологию позднего символизма... – но прежде всего возврат в то ещё не осмысленное прошлое, когда жили ещё беспечно, сами не подозревая о трагическом будущем» [22, с. 104]. Такой синтез священного и греховного также полностью соответствует карнавальным принципам, определяющим мироощущение эпохи тринадцатого года. Кроме того, маска обозначена в тексте как «его “Травиата”»: во-первых, это безымянный, условный и обезличенный образ куртизанки; во-вторых, притяжательное местоимение свидетельствует о том, что поэт сознательно выбирает себе в пару заблудшую женщину, а значит, уравнивает себя с ней.

Любопытно, что образ «его “Травиаты”» присутствовал лишь в первых четырёх редакциях поэмы – до момента обособления Главы Четвёртой и возникновения в ней князевского эпитафия. Учитывая, что первая часть поэмы восстанавливает культурный срез эпохи десятых годов,

можем утверждать, что в массе смыслов и источников этого образа содержится и собственное стихотворение Ахматовой, представляющее автохарактеристику её лирической героини – той самой, «какою была когда-то, в ожерелье чёрных агатов»:

Жрицами божественной бессмыслицы
 Назвала нас дивная судьба,
 Но я точно знаю – нам зачислятся
 Бденья у позорного столба,
 И свиданье с тем, кто издевается,
 И любовь к тому, кто не позвал...
 Посмотри туда – он начинается,
 Наш кроваво-чёрный карнавал [2, с. 267].

Таким образом, не только поэт-персонаж уравнивает себя в жизненном карнавале начала века с Травиатой, но и сама героиня поэмы – *Я-поэт*. Но в самоопределении образа героини подчёркнута его условность: «жрицами божественной бессмыслицы». Так же условен и герой поэмы: «со стихами и с бессмысленной смертью в груди». Возможно, в этом контексте «бессмысленности» строки о Травиате могли вызывать у Ахматовой невольную ассоциацию с собственным ранним стихотворением. При этом механизм *личной* памяти героини «Поэмы без Героя» чётко сформулирован впервые в 3-й ред. и не менялся на протяжении всей последующей истории поэмы: «С той, какою была когда-то / До долины Иосафата / Снова встретиться не хочу» [9, с. 236].

Вместе с тем строки о Травиате: «...корнет со стихами / И с бессмысленной смертью в груди / Позвонит, если смелости хватит – / Он тебе, он своей “Травиате” / Поклониться пришёл. / Гляди...» [Цит. по 4-й ред.: 10, с. 276] – заменяются в 5-й ред. строками: «...корнет со стихами / И с бессмысленной смертью в груди / Позвонит, если смелости хватит... / Он мгновенья последние тратит, / Чтобы славить тебя. / Гляди...» (Курсив в обеих цитатах наш. – Д. Б., М. С.) [7, с. 318]. То есть одновременно с исключением из поэмы хлебниковского эпитафия (в том числе в варианте с искажённой цитатой – «сероглазым королём») исключается и образ Травиаты, *излишне* указывающий на карнавальную природу эпохи и ассоциативно вызывающий *лишний повтор* («Жрицами божественной бессмыслицы...» и «с бессмысленной смертью в груди»).

Можем подытожить, что история этого фрагмента в «Поэме без Героя» вкупе с историей варианта хлебниковского эпитафия с искажением цитаты («...нет уже юноши, нет уже нашего / Сероглазого короля...») вводит в поэму предельно и излишне театрализованный в сознании Ахматовой образ и, по всей видимости, является своеобразным, дополнительным «цитатным мостиком» (термин Р.Д. Тименчика [См. его ст.: 24, с. 107]) от хлебниковского эпитафия к князевскому, указывая отчасти на

сюжетную мотивированность этой замены – если *буквально* верить Ахматовой, что в поэме речь идёт исключительно об известной любовно-бытовой истории 1910-х годов, с чем, впрочем, категорически не согласился Р.Д. Тименчик: «...подобный ход мысли равно оскорбителен как для русской предреволюционной жизни, рисуя её в каких-то условно-балетных категориях и подвёрстывая “гибель всерьёз” к несомненно распространённой в ту пору страсти позировать, так и для законов искусства...» [28]. Но, как мы показали, важной здесь оказывается не сюжетная, а психологическая значимость этой замены для биографического автора, который таким образом регулирует защитные механизмы собственной памяти, ведь, по словам Ахматовой, даже при великолепной памяти «можно и *должно* что-то забывать» (Курсив наш. – Д.Б., М.С.) [13, с. 21]. В данном случае речь идёт не столько о личной, сколько об исторической памяти. Прделанный анализ позволил раскрыть «ретуширующий» принцип работы этих механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арензон Е. Р., Дуганов Р. В. // В. Хлебников. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904–1916. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 449–527.
2. Ахматова А. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 624 с.
3. Ахматова А. Поэма без Героя. Восьмая редакция (1962) // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 539–568.
4. Ахматова А. Поэма без Героя. Вторая редакция (1943) // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 195–212.
5. Ахматова А. Поэма без Героя. Девятая редакция (1963) // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 587–615.
6. Ахматова А. Поэма без Героя. Первая редакция (1942) // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 163–177.
7. Ахматова А. Поэма без Героя. Пятая редакция (1956): описание рукописи // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 338–358.
8. Ахматова А. Поэма без Героя. Седьмая редакция (1962) // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме.

Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 477–509.

9. Ахматова А. Поэма без Героя. Третья редакция (1944): коммент. к рукописи // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 255–262.

10. Ахматова А. Поэма без Героя. Четвёртая редакция (1946) // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 265–284.

11. Ахматова А. Поэма без Героя. Шестая редакция (1959): описание рукописи // Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 436–448.

12. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 448 с.

13. Ахматова А. А. Pro domo mea // Ахматова А. А. Тайна и соблазн. Проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 21–59.

14. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 364 с.

15. Гумилёв Н. С. Письма о русской поэзии // Н. С. Гумилёв Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 800 с.

16. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Einaudi editore, 1996. 849 с.

17. Ильина Н. Анна Ахматова, какой я её видела [Электронный ресурс] // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=225> (дата обращения: 06.07.2016).

18. Князев В. Г. Сколько раз проходил мимо окон... [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slova.org.ru/knjazev/skolkoraz/> (дата обращения: 16.07.2016).

19. Крайнева Н. И. К творческой истории «Поэмы без Героя» // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. С. 13–160.

20. Лозинский М. Л. То был последний год. Как чаша в сердце храма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slova.org.ru/lozinskiy/tobylposlednij/> (дата обращения: 06.07.2016).

21. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Э. Выпрямительный вздох: Стихи. Проза. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 403–446.

22. Нива Ж. Барочная поэма // Ахматовский сборник. Париж: Ин-т славяноведения, 1989. С. 99–108.

23. Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1975. 280 с.

24. Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. С. 106–118.

25. Тименчик Р. Д. Заметки о «Поэме без героя» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/timenchik9.htm> (дата обращения: 06.07.2016).

26. Тименчик Р. Д. К семиотической интерпретации «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам: Т. 6. Тарту, 1973. С. 438–442. (= Учён. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 308).

27. Тименчик Р. Д. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: в 2 т. Т. 2. Сноски и выноски. 2-е изд., испр. и расш. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2015. 632 с.

28. Тименчик Р. Д. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой [Электронный ресурс]. Даугава. 1984. № 2. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/timenchik3.htm> (дата обращения: 06.07.2016).

29. Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 504 с.

30. Ходасевич В. Ф. О символизме // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М.: Согласие, 1996. С. 173–177.

31. Цивьян Т. В. Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971. С. 255–277. (= Учён. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 284).

32. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1. 1938–1941. М.: Время, 2013. 544 с.

33. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2. 1952–1962. М.: Время, 2013. 864 с.

34. Чуковский К. И. Анна Ахматова [Электронный ресурс] // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Люди и книги. М.: Худож. лит., 1967. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/chukovsk.htm> (дата обращения: 14.07.2016).

35. «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. СПб.: Издат. дом «Мирь», 2009. 1488 с.

D.V. Batalov, M.V. Serova

MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF PARATEXT IN «POEM WITHOUT A HERO» ON THE EXAMPLE OF THE STRUCTURAL AND SEMANTIC CONNECTIONS OF THREE EPIGRAPHS

Using the early editions of «Poem without a Hero» the author considers the plot of the replacement of the epigraph from the poem by V. Khlebnikov with the epigraphs from M. Lozinskiy's and V. Knyazev's poems against the backdrop of the compositional separation of the fourth chapter in the first part of the poem. The analysis of the biographical context combined with the cultural and historical

background of the epoch can reveal a «retouching» principle of the associative mechanisms of the biographical author's memory and consequently the psychological motives that are manifested in the evolution of the poem's composition and paratext.

Keywords: paratext, epigraph, context, history of the text, intertext, author.

Баталов Дмитрий Владимирович, соискатель
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: bat-demon@yandex.ru

Batalov D.V., Applicant
Udmurt State University
E-mail: bat-demon@yandex.ru

Серова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova M.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: serova1967@inbox.ru

УДК 373.5.016:821.161.1(045)

М.И. Гарачёва

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебно-познавательная компетенция – это совокупность компетенций ученика в сфере самостоятельной познавательной деятельности, элементы логической, общеучебной деятельности, соотношенные с реальными познаваемыми объектами. Сюда входят знания и умения целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки учебно-познавательной деятельности и т.п. Этап целеполагания занимает ведущее место в структуре урока, учитель не транслирует свою цель, а создает условия, включающие каждого ученика в процесс целеполагания. Помимо ключевых компетенций, общих для всех предметных областей, выделяются и предметные компетенции – это специфические способности, необходимые для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающие узкоспециальные знания, особого рода предметные умения, навыки, способы мышления.

Ключевые слова: учебно-познавательная компетенция, целеполагание, технология проблемного обучения, самооценка.

При формировании учебно-познавательной компетентности могут использоваться элементы технологии проблемного обучения. Чтобы уроки литературы превратились в процесс сопереживания, соразмышления, постижения и истолкования, перед ребятами ставятся проблемные вопросы.

Например, при изучении поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» внимание акцентируется на следующих вопросах:

1. Почему на протяжении многих десятилетий поэма будоражит и волнует чувства читателей?
2. Почему М.Ю. Лермонтов назвал поэму «Мцыри»?
3. Учащимся необходимо поразмышлять, почему в названии поэмы указано не имя, а социальное положение.
4. Чем необычна личность семнадцатилетнего юноши?

При формировании учебно-познавательной компетентности на уроке литературы можно предложить ученикам эпиграф, который ярко, точно и сжато выражает тему урока, освещает основную идею произведения. Учащиеся соотносят эпиграф и текст, делают вывод о том, как текст помогает раскрыть тему произведения. Несколько примеров:

1. Урок по произведению Максима Горького «Старуха Изергиль». Эпиграфом могут послужить слова самого автора: «Если только для себя, то зачем ты?»
2. К сказке-притче Экзюпери «Маленький принц» эпиграфом могут быть слова автора «У каждого человека свои звезды».

Основным способом включения ученика в процесс работы над произведением считаем триединство «деталь – вопрос – проблема». Например,

изучая повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель», обращаем внимание учащихся на деталь («картинки» на стене), задаем проблемный вопрос (Почему именно эти иллюстрации использует автор?) и формулируем проблему (взаимоотношения «отцов и детей»). Так мы учим семиклассников задавать вопросы к наблюдаемым фактам, отыскивать причины явлений, обобщать, делать выводы. В произведении А.П. Чехова обращаем внимание на художественную деталь – шинель.

Компетентностно-ориентированные задания на уроках литературы позволяют формировать учебно-познавательные навыки. При изучении повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» прошу ребят дома найти в тексте повести диалектизмы и устаревшие слова. На уроке предлагаю детям объяснить значения этих слов, используя словари. Это необходимо для наиболее полного и осмысленного восприятия художественного произведения, анализа текста, погружения в эпоху, обогащения собственной лексики.

Поготовить ответ на поставленный вопрос-проблему, который выступает как учебная задача, можно с помощью метода индивидуального и коллективного поиска. Рекомендую использовать групповые, межгрупповые и индивидуальные формы работы, что обеспечивает развитие учебно-познавательных навыков. Ребята овладевают разными видами речевой деятельности, умением задавать вопросы, корректно вести диалог, что способствует усвоению знаний по предмету.

В 6 классе, знакомясь с рассказом И.С. Тургенева «Бежин луг», учащиеся с удовольствием характеризуют мальчиков и пересказывают истории, прозвучавшие ночью у костра. Примерный план составления характеристики: 1) портрет мальчика; 2) его роль среди товарищей; 3) история, которую рассказывает герой; 4) поведение мальчика; 5) характер героя; 6) отношение к нему автора и ваше. Мальчиков пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя, Ваня, поэтому для одного учащегося это задание довольно большое, и вполне оправдано в данной ситуации разделить его. Каждая группа будет характеризовать своего героя, кроме того, в задание можно включить и речевую характеристику героев. Итоги работы подводим путем составления обобщающей таблицы.

При изучении богатства и разнообразия жанров лирики и прозы А.С. Пушкина желательно дать задание не просто сделать сообщение о жизни писателя, а распределить темы, например, «Семья Пушкиных», «Пушкин и Жуковский», «Поэты о Пушкине», «Пушкин и Державин» и др.

Учебные задачи на уроках должны формулироваться с учетом уровня подготовленности учащихся, с использованием разноуровневых заданий, таким образом, формируется учебно-познавательная компетентность даже у слабых учеников.

Организуя домашнее задание по работе с текстом сказа Н.С. Лескова «Левша», предлагаю ребятам ответить на вопросы, позволяющие каждому ученику набрать определенное количество баллов.

Уровень «1»

1. Прочитайте сказ о Левше.
2. Понравился ли этот рассказ вам, если «да», то чем? Какой эпизод вам запомнился? Проиллюстрируйте его.
3. Почему сказка называется «Левша»? Придумайте свой заголовок.

Уровень «2»

1. Как вы думаете, кого на Руси называли праведниками? (Посмотрите в словаре значение этого слова). Является ли «праведничество» гарантией безгрешности? Так в чем же «праведность» Левши и его товарищей?
2. Какой эпизод, на ваш взгляд, является в рассказе важнейшим и почему?
3. Какие два мира противопоставляет автор и с какой целью?

Уровень «3»

1. Какие реальные исторические персонажи действуют в рассказе? С какой целью автор упоминает о них?
2. Почему Лесков выбирает «сказовую» форму повествования?
3. Подготовьте рассказ о писателе.

Созданию условий для формирования ключевых компетентностей способствует и применение метода творческого чтения. Выразительное (художественное) чтение учителем, аудиозаписи чтения мастерами художественного слова, видеофрагменты исполнения отдельных сцен актерами, обучение выразительному чтению учащихся, комментированное чтение – все это развивает эстетический вкус, интерес к предмету и творческие способности учащихся.

Интерес у учащихся вызывают работы, связанные с созданием иллюстраций к произведению. Например, при изучении произведения А. Вампилова «Несравненный Наконечников» в 7 классе предлагаю учащимся самим оформить афишу к пьесе.

С целью формирования учебно-познавательной компетенции также использую проектную деятельность на основе компьютерных технологий. Это позволяет развивать исследовательские и творческие способности учащихся. Формированию коммуникативной и учебно-познавательной компетенций способствует применение разнообразных интерактивных методов обучения, которые предусматривают моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, совместное решение проблем. Графическую организацию материала на уроке помогают осуществлять кластеры – элементы технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Такой вид работы позволяет ученику не только систематизировать изученный материал, но и проявлять творческие способности.

Наибольший интерес у ребят вызывают приёмы:

- 1) мозговой штурм,
- 2) инсценировка,
- 3) решение ситуационных задач («А как поступили бы вы, если ...»),
- 4) интервью,

- 5) обсуждение сюжетных рисунков,
- 6) кейс-метод,
- 7) синквейн и диамант (зеркальный синквейн),
- 8) толстые и тонкие вопросы.

Таким образом, при формировании учебно-познавательной компетентности учащиеся приобретут следующие умения: ставить цель и организовывать её достижение, пояснять свою цель; организовывать планирование, анализ, рефлексию, самооценку своей учебно-познавательной деятельности; задавать вопросы к наблюдаемым фактам, отыскивать причины явлений, обозначать свое понимание или непонимание по отношению к изучаемой проблеме; формулировать выводы; рассказывать устно и письменно о результатах своего исследования с использованием компьютерных средств и технологий (текстовых и графических редакторов, презентаций).

M.I. Garacheva

THE FORMATION OF LEARNING AND COGNITIVE COMPETENCE AT THE LESSONS OF LITERATURE

The necessity of developing school pupils' learning-cognitive competence in the process of Russian Language study is grounded in the article. The author carries out an analysis of modern scientists' approaches to define structural components of learning-cognitive competence. The author attempts at characterizing the components of learning-cognitive competence at a school stage according to modern Federal Educational Standards demands.

Keywords: elementary level communicative competence; learning-cognitive competence; cognitive activity; learning skills; universal educational actions; technology of problem-based learning, self-assessment.

Гарачёва Марина Ивановна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Вавожская СОШ»
E-mail: marinagaracheva@gmail.com

Garacheva M.I., Teacher of Russian language and Literature
Vavozh School
E-mail: marinagaracheva@gmail.com

УДК 373.5.016:821.161.1(045)

Т.В. Зверева

СЛОВО КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОЗДАНИЯ В «ЗЕРКАЛЕ» А. ТАРКОВСКОГО

В статье поднимается вопрос об онтологической функции Слова в фильме Андрея Тарковского «Зеркало». Автор исследования обращает внимание на то, что звучание поэтических текстов возникает в шоковые (не артикулируемые) моменты, когда обычное профанное слово не способно выразить сути происходящего. Звучание стихов в «Зеркале» замедляет течение экранного времени, соотносит конкретно-исторический сюжет с Вечностью. Одной из определяющих функций Слова становится маркирование мужского начала: базовая для «Зеркала» оппозиция мужского и женского коррелирует с оппозицией аудиальное/визуальное, невидимое/видимое, голос/взгляд. Все четыре стихотворения в фильме расположены между «водными» и «огненными» кадрами, т.е. слово связывает стихию огня и стихию воды, тем самым обеспечивая целостность природного универсума.

Ключевые слова: автор, слово, художественное время, мотив, звуковая структура.

«Быть может, всемирная история – это история нескольких метафор», – писал Х.Л. Борхес. В этом аспекте фильм Андрея Тарковского «Зеркало» – важнейшее звено в развитии одной из ключевых метафор человеческой культуры. В последние годы интерес к Тарковскому возрос, при этом к кинематографическим прочтениям всё чаще обращаются ученые-филологи. К наиболее значимым научным интерпретациям относится монография Михаила Перепелкина «Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания» [4], где впервые представлен развернутый анализ стихотворных включений и их функции в фильмах Тарковского. Несмотря на убедительность и достоверность концепции, предложенной самарским исследователем, необходимо указать на ее относительность. Впрочем, эта относительность будет касаться и всех дальнейших рассуждений, поскольку фильм Тарковского относится к особым феноменам человеческой культуры. «Зеркало» можно сравнить с упомянутым в «Евгении Онегине» «магическим кристаллом», поворот граней которого обеспечивает наращивание смыслов во времени. Как точно заметил Л. Баткин, «...смотреть “Зеркало” – значит утверждаться в некотором понимании и *тут же* (курсив мой – Т.З.) сознавать его предварительность или ошибочность» [1, с. 134]. Именно этот фильм провоцирует исследователей на постоянные поиски расположенного в «зазеркалье», почти неуловимого в своей последней сути. Множественная игра отражениями как на объектном, так и на субъектном уровне приводит к идее относительности любого установления и может быть уподоблена бесконечной игре зеркал в «Менинах» Веласкеса. При этом сам режиссер отказывался от символической трактовки собственных фильмов. Вслед за Анной Ахматовой Тарковский мог бы сказать: *никаких третьих, седьмых, двадцать девярых смыслов* «Зеркало» не содержит

(кстати, на структурную близость фильма к «Поэме без героя» в свое время обратила внимание Паола Волкова [2, с. 467 - 468]).

В рамках настоящей статьи предлагается еще одно прочтение фильма Тарковского. Предметом изучения станут четыре звучащих в фильме стихотворения («Первые свидания», «Вчера я тебя дожидался...», «Жизнь, жизнь», «Эвридика»). Сразу же оговоримся: мы пройдем мимо литературоведческого анализа текстов, нас будет интересовать вопрос об онтологии поэтического Слова, его включенности в художественный универсум «Зеркала».

Начнем с очевидных смыслов, о которых не раз было сказано: Слово в «Зеркале» преодолевает исходную немоту мира. Одна из первых значимых фраз, произнесенных в начале фильма («Я могу говорить»), восходит к первому откровению Иоанна («В начале было Слово»). Собственно, первичный уровень конфликта задан соотношением бытия и Слова – двух равноправных стихий, живущих по собственным законам. В исследовании звуко-музыкальной природы фильмов А. Тарковского Х.-И. Шлегель отметил, что «медиативная напряженность составляет фундаментальное отличие фильмов режиссера» [9, с. 51]. Именно эта «медиативная напряженность» приводит к внезапному порыву ветра, странному пожару дома во время летнего ливня, необъяснимому падению керосиновой лампы... Человек, таким образом, приходит в изначально драматичный мир, полный невидимых противоречий. Искусство, понимаемое как артикуляция и проговаривание смыслов, призвано преодолеть исходную конфликтность бытия и тем самым отодвинуть Апокалипсис. «Я снимаю напряжение», – произносит женщина-врач в начале фильма, и эти слова также могли бы стать эпиграфом к фильму. Немыслимое напряжение кадра в «Зеркале» почти всегда разрешается выходом в артикулированный искусством мир: неожиданный ветер, сопровождающий уход Незнакомца, – звучанием «Первых свиданий»; сцена в типографии, по атмосфере напоминающая романы Достоевского, – чтением стихотворения «Вчера я тебя дожидался...»; кадры хроники с русскими солдатами на реке Сиваш сопровождаются декламацией цикла «Жизнь, жизнь»; сцена с невзорвавшейся гранатой отсылает к брейгелевским «Охотникам на снегу»; эпизод, в котором почти обезумевшая мать отрубает голову петуху, разрешится чтением «Эвридики» и т.д. Искусство в целом и поэзия в частности – необходимейшее условие существования бытия. Отсылки к опыту искусства в «Зеркале» возникают в шоковые (неартикулируемые) моменты, когда профанное слово («Всё пошлости говорим») не может выразить сути происходящего. Мир Тарковского не столько возникает из Слова, сколько постоянно возвращается к нему, чтобы обеспечить возможность своего дальнейшего существования. Само количество поэтических текстов – четыре – символично, поскольку данное число является «образом статической целостности, идеально устойчивой структуры» [8, с. 630], лежащей в основании мира.

Чрезвычайно значима для режиссера и способность поэзии предопределять движение времени. Как известно, проблема «запечатленного времени» является краеугольной для эстетики Андрея Тарковского: «В чем суть автор-

ской работы в кино? Условно ее можно определить как ваяние времени» [6, с. 510]. Звучание стихов в «Зеркале» *всякий раз* замедляет течение экранного времени. Замедленное неспешное движение камеры вторит ритму «Первых свиданий», с самого начала фильма начинается иной отсчет времени, соотносимый с Вечностью. Сцена в типографии снята едва заметным рапидом; по замыслу режиссера, у зрителя должно было возникнуть ощущение странности происходящего. Бесконечно длинный план «Перехода через Сиваш» усилен звучанием стиха «Жизнь, жизнь». Наложение на хроникальные кадры голоса поэта вновь изменяет временной регистр: конкретно-историческое время переводится в Вечность, а мучительное движение обреченных солдат оборачивается их шествием в бессмертие («На свете смерти нет, Бессмертны все, бессмертно всё»). Наконец, за «Эвридикой» следуют уже отснятые заметным рапидом кадры, в которых представлены детские сновидения героя. Иными словами, поэзия останавливает движение времени, препятствуя неумолимому вторжению смерти в жизнь.

В связи с этим понятна парадоксальная мысль художника о принципиальном единстве таких видов искусств, как кинематограф и музыка, имеющих дело с переживанием чистого времени. В «Зеркале» звучание стихов функционально замещает звучание музыки, на что обратила внимание Ю. Михеева [3]. Именно поэтому режиссер так долго добивался нужной интонации стиха от Арсения Тарковского, не удовлетворяясь теми вариантами, которые ему предлагал отец: искался тот единственно возможный ритм, в котором бы разрешалось напряжение кадра. Уже не раз было отмечено, что между звучанием стихов и воспроизводимыми в кадре событиями часто отсутствует прямая связь. Слово в «Зеркале» как бы растворяется в эмоционально-звуковой стихии, утрачивая свою семантическую оболочку. Тарковского интересует процесс развоплощения слова, его переход к чистому звуку. Не случайно темой последнего звучащего стихотворения «Эвридика» становится тема души, устремленной за пределы тела к мировой симфонии: «И слышит сквозь решетку // Живой тюрьмы своей // Лесов и нив *трещотку*, // Трубу семи морей» [7, с. 221].

Кинематографический универсум Тарковского всецело обращен к слуху. Характерно, что излюбленным ракурсом Тарковского является ракурс вполоборота, позволяющий взять крупным планом шею и ухо персонажа (этот ракурс присутствует в одном из начальных кадров «Зеркала» – мать сидит на плетне вполоборота к зрителю; ближе к концу зритель вновь увидит сидящую вполоборота женщину, которую уже играет не Маргарита Терехова, а Мария Вишнякова. (Логическим пределом подобного операторского решения в творчестве Тарковского станет «ухо Криса» в «Солярисе», ассоциативно уводящее к «уху мира» Е.А. Боратынского).

Поскольку важнейшее значение в универсуме «Зеркала» обретают отношения женского и мужского (в иной философско-понятийной системе – инь и ян), то одной из функций Слова становится маркирование мужского начала. По авторскому замыслу мужское начало неизменно связано с голо-

сом: на протяжении всего фильма зритель слышит закадровый голос главного героя, но не видит его (за исключением последних кадров, где на экране появляется рука умирающего героя). На зеркальную структуру взаимоотношений двух главных героев (Алексея и Игната) накладывается биографический план, в котором представлена еще одна фигура отца, на этот раз реального, – образ Арсения Тарковского, в исполнении которого звучат стихи, также скрыт за кадром, то есть фигура отца расположена в принципиально невидимой сфере. Напротив, мать дважды визуально запечатлена (мать Алексея и мать Игната). Заданная двойная экспозиция образа оборачивается по мере движения сюжета его тройной экспозицией, поскольку в пространство кадра вступает Мария Вишнякова – настоящая мать режиссера. В результате подобного построения видео- и аудио ряда базовая для «Зеркала» оппозиция мужского и женского начинает коррелировать с оппозицией аудиальное/визуальное, невидимое/видимое, голос/взгляд.

Образы матери и отца разрастаются в «Зеркале» до символических воплощений – за визуально воплощенной фигурой матери и бесплотным голосом отца явно различаются очертания бытийного конфликта. По точной мысли Н. Савченковой, «голос Арсения Тарковского в фильме «Зеркало» становится камертоном отцовского чувства, фигура отца конституируется как невозможная, то есть абсолютная, соотносимая с божественной. Потому все другие ее воплощения в фильме – явления Олега Янковского в образе отца, голос Смоктуновского – лишь симптомы распада. Если фигура отца невозможна, она распадается» [5]. Следовательно, человек Тарковского живет в мире, оставленном Отцом. Думается, что речь в «Зеркале» идет не столько о принципиальной невидимости Бога, сколько о слепоте, свойственной человеку. Мир сущностей отделен от реального мира множеством покровов, сквозь которые не в состоянии проникнуть человеческое зрение. Не случайно через весь фильм проходит мотив занавеса (колыхание занавесок, штор, покрывал...). Земное трагически отчуждено от небесного, отсюда невысказанное напряжение, переживаемое не только человеком, но и природой. Мир Тарковского укоренен в материнском лоне, но при этом испытывает тоску по утраченной связи с Отцом, путь к которому осуществляется через Слово.

Слово соединяет в «Зеркале» две стихии – Огня и Воды. Обращает на себя внимание, что все четыре стихотворения в фильме расположены между «водными» и «огненными» кадрами. Чтение «Первых свиданий» сопровождается взглядом камеры на предметы и явления, связанные с водой (графин, банка, сосуд, молоко, слезы матери, ливень и т.д.), после чего перед зрителем возникают кадры горящего дома. Стихотворение «Вчера я тебя дождался...» исполняется во время дождя: ливень, слезы героини, очищающий душ контрастируют с «огненными» картинками – слепящим светом лампы и огоньком зажженной папиросы. Наиболее зримое воплощение связи поэтического слова с природными стихиями представлено в хроникальных кадрах: шествие измученных людей по мертвой воде Сиваша завершается кадрами, восходящими к огненной семантике, – орудийными залпами и салютом. Начало сти-

хотворения «Эвридика» наложено на эпизод, в котором мать с сыном идут вдоль реки, а конец эпизода совпадает с отраженным в зеркале слепящим светом. Легко заметить, что на визуальном уровне все звучащие стихотворения связаны с проходом, перемещением-передвижением героев. Под этим углом зрения поэтическое слово обеспечивает внутреннюю целостность универсума, становясь связующим элементом для таких противоположных, с точки зрения мифопоэтики, стихий, как «вода» и «огонь».

В заключение отметим, что собственно поэтический сюжет в «Зеркале» венчается ослепительным светом. Мотив *горящего слова* – один из ключевых в поэтической системе Арсения Тарковского: «А я *горел*, и жил и *пел* – когда-то» [7, с. 213]; «*Загореться* посмертно, как *слово*» [7, с. 344]; «В каждой радуге яркострекочущих крыл // Обитает *горящее слово* пророка...» [7, с. 65]; «Свой *пересохший рот* моим *огнем* *обжечь*» [7, с. 209]; «*Слова* *горели*, как под ветром свечи...» [7, с. 215]; «И разве это я ищу *сгоревшим ртом*...» [7, с. 319]; «О, если б *жар* мгновенный, // Что я в *стихи* вложил...» [7, с. 408] и т.д. Показательно, что первоначальным эпиграфом к сценарию «Зеркала» был пушкинский «Пророк» – стихотворение, в котором утверждается основополагающая функция поэзии («*Глаголом* *жги* сердца людей»). Только огненное Слово обеспечивает необходимую связь между твердью земной и твердью небесной, становится путем от Материнского к Отцовскому, от образа – к голосу, от воплощенного и видимого – к невоплощенному и невидимому. Именно этим путем в «Зеркале» и в жизни двигались отец и сын – Арсений и Андрей Тарковские:

*И снится мне другая
 Душа, в другой одежде:
 Горит, перебегая
 От робости к надежде,
 Огнем, как спирт, без тени
 Уходит по земле,
 На память гроздь сирени
 Оставив на земле* [7, с. 222].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баткин Л. «Не боясь своего голоса»: («Зеркало» А. Тарковского) // Пристрастия: Избр. эссе и ст. о культуре. М.: Курсив-А., 1994. С.129–161.
2. Волкова П. Цена «Nostos» – жизнь. М.: Зебра-Е., 2013.
3. Михеева Ю. Молчание. Пауза. Тишина. Свет (Апофатика звука в «Зеркале» Андрея Тарковского) [Электронный ресурс] // Киноведческие записки. 2002. № 57. Режим доступа: www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/481/ (дата обращения: 28.04.2016).
4. Перепелкин М. А. Слово в мире Андрея Тарковского: Поэтика иносказания. Самара: Самарский университет, 2010.

5. Савченкова Н. Эдипов конфликт в творчестве Андрея Тарковского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spho.ru/library/122> (дата обращения: 20.04.2016).

6. Тарковский А. Запечатленное время // История отечественного кино. Хрестоматия. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. С. 509–514.

7. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1.

8. Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. Т. 2.

9. Шлегель Х.-И. Звучащие миры внутреннего: о звуко-музыкальной концепции Андрея Тарковского // Киноведческие записки. 2007. № 82. С. 50–58.

T.V. Zvereva

WORD AS THE UNIVERSE ELEMENT IN "MIRROR" A. TARKOVSKY

The author solves a question on ontologic function of the Word in Andrey Tarkovsky's "Mirror". The author of research believes that sounding of poetic texts arises during the shock (not articulated) moments. Sounding of verses in "Mirror" slows down a current of screen time. The main function of the Word is machismo marking: base for "Mirror" the opposition of the man's and female correlates with opposition audialnoe/visual, invisible/visible, a voice/sight. All four poems in a film are located between "water" and "fiery" shots. The word connects elements of fire and elements of water. Thus, the poetic text provides integrity of a natural universum.

Keywords: the author, a word, art time, motive, sound structure.

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

УДК 821.111(73)-32/-7(045)

А.И. Лаврентьев

ТЕОРИЯ СИМУЛЯКРОВ Ж. БОДРИЙЯРА В РАССКАЗЕ ДЖ. СОНДЕРСА «КРАСНЫЙ БАНТИК»

В статье анализируется рассказ современного американского писателя Джорджа Сондерса «Красный бантик». Основной темой рассказа является современная массовая культура, которую можно рассмотреть с точки зрения концепции симулякров Ж. Бодрийяра. Текст рассказа Сондерса демонстрирует, как символ человеческой трагедии – красный бантик убитой бешеными собаками девочки – последовательно проходит четыре этапа симуляции, подвергается фальсификации и, превращаясь в инструмент манипуляции массовым сознанием, становится образом, выражающим ожесточение, варварство и озверение сообщества обычного американского городка.

Ключевые слова: Джордж Сондерс, Жан Бодрийяр, симулякр.

В романе Джеймса Фенимора Купера «Пионеры, или У истоков Саскуиханны», стоявшего у истоков американской литературы, одним из ключевых эпизодов является глава о голубиной охоте. Действие романа происходит на западе штата Нью-Йорк в небольшом городке Темпльтаун, над которым каждую весну в течение нескольких дней совершают перелет с юга на север голуби. Для жителей городка это праздник, они вытаскивают все, что может стрелять, и тысячами уничтожают птиц, телами убитых белых голубей усеяны все окрестности. Никакой практической значимости это массовое истребление не имеет: голуби не причиняют людям никакого вреда, и для пропитания их почти никто не использует, тела мертвых птиц так и остаются брошенными на земле.

Этот вопиющий пример хищнического отношения к природе в критике традиционно объясняется двумя основными причинами. Во-первых, стрелять во все, что движется, это рефлекс первопроходцев, осваивающих чужую, незнакомую, непонятную, а потому несущую опасность среду. То есть пионеры рассматривали природу в первую очередь как врага. Во-вторых, и на это особое внимание обращает Купер, для городских обывателей уничтожение всего живого – это еще и развлечение, своего рода спорт. Причем в данном действе имеет значение и развлечение, как отвлечение от повседневных дел, некое разнообразие и новые впечатления в жизни обитателя Темпльтауна, так и его массовость, желание пострелять охватывает весь город. В результате жители города не только весело проводят время, но и чувствуют свою сопричастность неким общественно значимым категориям. Эти две характеристики очень точно отражают психологию человека, живущего в условиях потребительского общества.

К данной теме будут часто обращаться писатели на протяжении развития американской литературы, в особенности это касается периода конца XX-

начала XXI вв. Одним из таких авторов является Джордж Сондерс (George Saunders, 1958). С самого начала своей литературной деятельности в 1990-х гг. Сондерс пользовался неизменной благосклонностью критики. Как указывает автор, исследующий его последний на данный момент сборник рассказов американского писателя, такие определения, как «очень оригинальные рассказы», «один из общепризнанных авторов страны», «один из самых талантливых и пользующихся серьезным успехом писателей жанра короткого комического рассказа, работающих в нынешней Америке» уже стали «расхожими штампами, и все они, безусловно, соответствуют действительности» [5, p. 142]. Джордж Сондерс лауреат целого ряда премий: четырежды Национальной журнальной премии (1994, 1996, 2000, 2004), Мировой премии фэнтези (2006), премии мастера короткой прозы PEN/Маламуд (2013). В 2013 году он попал в число ста самых влиятельных людей мира по версии журнала «Тайм».

Подобного же рода отклики Сондерс получил от своих коллег. Томас Пинчон отметил близость, актуальность и жизненность прозы Сондерса: «Голос Сондерса – как безупречно настроенный инструмент; с изяществом и горечью, правдиво и остроумно он рассказывает именно те истории, которые помогают выжить в наши времена» [4, с. 95]. Наши времена для Сондерса – это массовое потребительское общество, и свой талант сатирика он обращает именно на исследование данного явления. На эту особенность обращает внимание коллега Сондерса: «Американский писатель Хутон Диас говорил: «Он, как никто, метко подметил абсурдные и обесчеловечивающие параметры нашей нынешней «Культуры Капитала» [2, с. 84].

Виднейшим теоретиком современной массовой культуры, исследователем роли средств массовой информации в современном обществе, философом, занимающимся изучением потребительского общества, является Жан Бодрийяр, который среди всего прочего еще и автор книги «Америка», посвященной стране, занимающей лидирующие позиции в развитии общества потребления.

Один из исследователей творчества Джорджа Сондерса обратился к концепции симулякров Ж. Бодрийяра [См.: 6]. Она вполне применима и к рассказу «Красный бантик» (The Red Bow), написанному в 2003 году.

Центральным образом в этом произведении является красная лента погибшей от нападения бешеных собак маленькой девочки, пропущенная через социальные институты и медийные ресурсы, она превращается в символ ожесточения, варварства и озверения местного сообщества. Происходит это строго в соответствии с теорией симулякров Ж. Бодрийяра.

Согласно Бодрийяру знак на пути к симуляции проходит четыре стадии: «он отражает фундаментальную реальность; он маскирует и искажает фундаментальную реальность; он маскирует отсутствие фундаментальной реальности; он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде. В первом случае образ – доброкачественное отображение: репрезентация имеет сакраменталь-

ный характер. Во втором – злокачественное: вредоносный характер. В третьем случае он лишь создает вид отображения: характер чародейства. В четвертом речь идет уже не об отображении чего-либо, а о симуляции» [1, с. 23].

Красный бантик растерзанной бешеными собаками девочки последовательно подвергается всем четырем видам трансформации.

Первая стадия – «отражение фундаментальной реальности», «доброкачественное отображение» – представлена в самом начале рассказа: «На следующую вечер я нашел там, где это случилось, ее красный бантик. Я принес его домой, бросил на стол, повторяя: боже мой, боже. – Давай посмотрим на него вместе, ты и я, – сказал дядя Мэтт. – Ведь мы никогда этого не забудем, правда?» [3]. «Боже мой» выражает горе от потери очень дорогого человека, а слова «давай посмотрим на него вместе» и «Ведь мы никогда этого не забудем, правда?» фиксируют желание использовать бантик как знак памяти об этом человеке. Но уже в этой первой сцене заметно стремление сделать скорбь массовой, а чувство утраты коллективно переживаемой эмоцией: обращение «давай <...> вместе» и оформление эмоции в виде риторического вопроса, подразумевающего наличие оратора и слушателя.

На второй стадии «маскировки и искажения фундаментальной реальности» красный бантик изменяется: «–Надеюсь, вы не собираетесь прикончить совершенно здоровую собаку, – сказал отец Терри. А дядя Мэтт достал из кармана рубашки красный бантик и сказал: – Отец мой, как по-вашему, что это такое и где мы его нашли? Но это был не настоящий бантик, не бантик Эмили, поскольку тот все время лежал у меня в кармане, – этот был малость посветлее и чуть побольше настоящего, и я признал в нем бантик из коробки Карен, которую она держала на комод» [3]. В этой сцене близкие погибшей девочки убеждают местного священника, что его собаку нужно пристрелить, решающим средством убеждения, а точнее манипуляции, оказывается красный бантик. Обращает на себя внимание примечательная деталь: чтобы совершить акт манипуляции, понадобился поддельный красный бантик, «но это был не настоящий бантик», потому что этот казался более выразительным, «малость посветлее и чуть побольше настоящего». Подобная же подмена мотивов наблюдается и в поведении дяди Мэтта, по тексту рассказа становится ясно, что он хочет пристрелить эту собаку, потому что с неприязнью относится к священнику.

Третья стадия – «маскировка отсутствия фундаментальной реальности» – наступает тогда, когда дяде Мэтту необходимо убедить в необходимости уничтожения всех животных в округе других жителей города. Инструменты для такого рода информационной работы представляют собой копирование и фальсификацию копий и фальсификаций. «И тогда дядя Мэтт засел за компьютер и сделал объявления о созыве Общего собрания жителей нашего Города – наверху было фото красного бантика (не настоящего, а темно-розового бантика Карен – дядя Мэтт добавил ему яркости на компьютере и поместил рядом снимок Эмили), а внизу шли крупные буквы ОСТАНОВИМ БЕЗУМИЕ» [3]. Эти крупные буквы прямо противоположны фундаменталь-

ной реальности, после использования этого объявления город охватит массовый психоз уничтожения всего живого. Мелким шрифтом в тексте объявления в очень многословной, обезличенной и стереотипной форме упоминается о том, с чего все началось: «...а мелкий текст гласил что-то вроде, ну знаете: зачем мы еще живем в этом мире, если не ради любви к близким, и когда одного из нас жестоко лишили самого дорогого, настала пора сплотиться и бросить вызов тому, что угрожает отнять у нас самое дорогое, дабы никому больше не пришлось пережить такой страшный удар. Теперь, когда мы узнали и поняли, что такое эта ужасная боль, давайте встанем грудью против всего и вся, что способно причинить или усугубить эту или аналогичную боль сейчас или в любое другое время...» [3]. Реальное событие – гибель девочки – не проговаривается, фундаментальная реальность исчезла, зато появляются еще две фальсификации: «а еще дядя Мэтт добавил на эти листки – сначала я возражал, пока не увидел, как люди реагируют, – так вот, он добавил туда крошечные отпечатки зубов (видно было, что они не настоящие, но дядя Мэтт сказал, что это просто символическое напоминание)» [3]. Возражения рассказчика были вызваны тем, что «видно было, что они не настоящие», но от них отказывается, когда видит, «как люди реагируют».

Во время собрания, на котором было принято решение очистить город от подозрительных животных (а подозрительными в конечном счете оказываются все), сцену украшала «увеличенная, прямо-таки гигантская копия этого объявления над подиумом для выступающих» [3]. Это копия объявления, которое в свою очередь содержит фотографию (тоже копию) не настоящего красного бантика и не настоящего отпечатка зубов. В терминах Бодрийера это очередная стадия симуляции.

На заключительной четвертой стадии собственно гибель девочки мало кого заботит, всех захватывает публичная демонстрация присоединения к общей скорби и сам процесс истребления животных: «В тот вечер моя жена вышла из спальни впервые после трагедии, и мы рассказали ей обо всем, что случилось. И я внимательно наблюдал за ней – хотел понять, что она думает, и разобраться, что я сам должен думать, потому что она всегда была для меня ориентиром. – Убейте каждую собаку, каждую кошку, – произнесла она очень медленно. – Убейте каждую мышь, каждую птицу. Убейте каждую рыбу. А если кто-то будет мешать, убейте его тоже. Потом она снова легла в постель. И это было настолько... я так переживал за нее, она просто на себя была не похожа – ведь это была та самая женщина, которая раньше, наткнувшись на паука, заставляла меня посадить его в чашку и выпустить в саду» [3].

Другие жители города тоже с азартом принялись выполнять План Неотложных Действий по стопроцентному уничтожению животных: «Нам постепенно пришлось-таки принести в жертву всех кошек и собак, находившихся в Городе и его окрестностях во время первого нападения. Но что касается мышей, птиц, рыб – нет, у нас не хватало мотивов для проведения такой акции, по крайней мере в то время, пока мы еще не добавили к нашему Плану Примечание об Обоснованных Подозрениях, а что касается людей <...> мы были вынуждены

разработать специальные методы обращения с лицами, которые по какой-либо причине считали нужным подрывать наши усилия тем, что с болезненной настойчивостью критиковали на публике наши расширенные Планы из Пяти и Шести Пунктов, с этими несчастными, достойными глубокого сожаления» [3].

Механизм подобной трансформации, если использовать концепцию Бодрийера, состоит в том, что знак, в данном случае красный бантик, в массовом сознании переживает несколько стадий, последовательно подвергаясь воздействию трех факторов: тиражированию для массового воздействия, утрате аутентичности, нарастанию агрессивности. Эти три фактора взаимно усиливают друг друга, поэтому коллективные усилия, направленные на борьбу с бешенством по своей внутренней логике, неизбежно принимают форму эпидемии, которая на уровне толпы превращается в человеческую форму бешенства. И так же, как бешеным может оказаться внешне вполне безобидное животное, инструментом агрессии может стать любой образ, пропущенный через медийные ресурсы и запущенный в массовое сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийер Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
2. Силакова С. От переводчика // Иностранная литература. 2014. № 1. С. 83–84.
3. Сондерс Дж. Красный бантик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://esquire.ru/fiction/krasnyj-bantik?page=2> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Сондерс Дж. Рассказы // Иностранная литература. 2001. № 7. С. 95–127.
5. Galef D. Fiction in review: George Saunders // The Yale review. July 2014. Vol. 102. Issue 3. Pp. 141–151.
6. Pogell S. «The verisimilitude inspector»: George Saunders as the new Baudrillard? // Critique. 2011. Vol. 52. № 4. Pp. 460–478.

A.I. Lavrentev

BAUDRILLARD'S SIMULACRUM THEORY AND THE SHORT STORY "THE RED BOW" BY GEORGE SAUNDERS

The short story "The Red Bow" by a contemporary American writer George Saunders is analyzed. One of the main themes in the essays and short stories by George Saunders is contemporary mass culture. Thus for interpreting his works it is acceptable to apply Baudrillard's theory of mass culture and mass media. In the story by George Saunders the red bow of a little girl killed by rabid dogs engaged in public and mass media spheres gradually loses its humanistic pathos and is developed into a tool for mass consciousness manipulation and enhancement of aggressiveness in the local community.

Keywords: George Saunders, Jean Baudrillard, simulacrum.

Лаврентьев Александр Иванович, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: lavr130@yandex.ru

Lavrentev A.I., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: lavr130@yandex.ru

УДК 821.Б11.131-95(045)

Г.В. Мосалева

«ЗАПИСКИ ГАЛИЛЕЙСКОГО ТРУДНИКА» В.В. ШКЛЯЕВА В КОНТЕКСТЕ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются «Записки галилейского трудника» В.В. Шкляева в контексте паломнической традиции и как явление современной духовной прозы Удмуртии. «Записки...» В.В. Шкляева соединяют в себе черты двух жанров: «хождения» и «дневника», основанных на личных впечатлениях автора от пребывания на Святой Земле. Автор «Записок...» по отношению к изображаемым событиям оказывается не вне их (как наблюдатель), а внутри (как непосредственный участник), что обуславливает специфику произведения в целом. Анализ «Записок...» показывает, что их поэтике свойственны иконизация изображаемых событий, литургичность повествования, отсутствие индивидуализации впечатлений при соприкосновении со святынями, что свидетельствует о тяготении автора, скорее, к традиционному паломническому канону, чем к вариантам его трансформации.

Ключевые слова: паломническая традиция, поэтика, современная духовная проза в Удмуртии.

«Записки галилейского трудника» В.В. Шкляева были изданы в Ижевске в 2007 году. Книга основана на отражении личных впечатлений автора от пребывания на Святой Земле, на западном побережье Галилейского озера, в Тиверии. В 2003 году В.В. Шкляев отправился на полгода (с октября по апрель) в качестве трудника-бригадира в распоряжение Русской духовной миссии на восстановление монастырской стены, разрушенной ливневой природной стихией. В жанровом отношении «Записки» соединяют в себе черты «хождения» и сокровенно-откровенного «дневника». Характерными чертами древнерусских паломничеств являются ориентация на центры христианского Востока (Царьград, Иерусалим, Палестина), на сакральную географию и связанную с ней особую избирательность в изображении пространства (сакральное, «пропущенное» или «съеденное»), на иконизацию внешнего мира, связь паломничеств с литургией, а также отсутствие индивидуализации впечатлений при встрече со святынями [2]. Древнерусская география аксиологична. В XVIII-XIX веках целеполагание пути паломника меняется с сакрального («Хождение» игумена Даниила) на культурно-политическое – («Письма русского путешественника» Карамзина). Средневековый автор-паломник – это, как правило, монашествующий или благочестивый мирянин. Автор-путешественник Нового времени – образованный дворянин, русский европеец, резко меняющий траекторию пути: с Востока на Запад. Паломнический жанр отодвигается в XIX веке на обочину литературного процесса, хотя и здесь были определенные достижения и вершины (инок Парфений, А. Муравьев, А. Норов). Возвращение паломнического жанра в большую ли-

---

тературу происходит в конце XIX века (И. Шмелев, А. Григорьев, Н. Страхов, Б. Зайцев, С. Нилус, Е. Поселянин). Вскоре жанру хождений вновь придется уйти на глубину, стать вытесненным жанром на несколько десятилетий в XX-м веке. Его возрождение приходится на середину-конец 1990-х годов с появлением возможности путешествовать по святым местам и возобновлением традиции Крестных ходов. Оказалось, по словам В. Крупина, есть не «Русь уходящая», а «Русь идущая» («Крестный ход»). Наряду с В. Крупиным, среди воссоздателей современного паломнического жанра В. Белов, В. Распутин, Ю. Лощиц, А. Сегень – представители современной русской традиционной прозы [3].

Процессы возрождения паломнического жанра коснулись и литературного процесса в Удмуртии, двух ее ветвей: удмуртской и русской. Так, предвара я «Записки галилейского трудника» В.В. Шкляева несколькими годами раньше выходит книга М.Г. Атаманова на удмуртском языке (в русском переводе: «За четыре моря – в Иерусалим»), названием перекликающаяся со знаменитым «Хожением за три моря» Афанасия Никитина.

И вот что интересно. В «Записках» В.В. Шкляева мы видим авторский разворот не к политико-культурному путешествию, а именно к сакральному. Тип авторского восприятия в книге В.В. Шкляева в его сущностных аспектах родственен средневековому, традиционно теоцентрическому. Местом стремления трудника из Ижевска является Святая Земля, побывать на которой для христианина – милость Божия и счастье. Эти мотивы заданы предвара яющим книгу Благословением Владыки Николая, митрополита Ижевского и Удмуртского, десять лет послужившего на Святой Земле, в Иерусалиме, и развиты в Предисловии. Предстоящая радость от встречи со Святой Землей носит не эгоцентрический, а соборный характер: будущие трудники-послушники везут с собой большой список поминовений, просят взаимной молитвенной помощи у священников и монахинь Успенского женского монастыря (с. Перевозное). В.В. Шкляев делится удивительным фактом этой ответной молитвенной помощи (135 молебнов было отслужено о них в Успенском монастыре за полгода!). Как и средневековый паломник, В.В. Шкляев практически не описывает путь из России и в конце свое возвращение. Понятно, что возможности перемещения современного человека в пространстве стали иными: в результате путь к цели оказывается непостижимо коротким. Правда, до Москвы трудники едут не на поезде, а на машине (подвозит друг), а из Москвы в Израиль, как обычно, летят самолетом. Но в данном случае дело не в отсутствии материала для описания, а в характере авторского самосознания и восприятия.

Книга начинается с Предисловия, структурно симметричной которому является последняя глава Святая Земля и Святая Русь (Вместо послесловия), где самим названием автор объединяет два этих сакральных топоса. В «Записках» Шкляева Русь предстает в ее историческом, народном, сакральном изображении, в ее взлетах и падениях. Любовь к Святой Земле помогает ярче осознать любовь к России и Удмуртии.

В.В. Шкляев не индивидуализирует личные впечатления при встрече со святынями, что также соответствует православному канону их восприятия и изображения, согласно которому передаются лишь «общие» чувства христиан, как правило, внешне не выражаемые: «Стоял рядом со святыней – камнем, с которого, по преданию, Иоанн Предтеча начал свою проповедь Покаяния» (с. 79); «В Вифлееме мы успели при сравнительно небольшом скоплении народа попасть в храм Рождества Христова, поклониться месту Рождения Господа, приложиться к Рождественской звезде. Вход в храм очень низкий, его называют Вратами смирения. Когда-то здесь был обычный вход, но его замуровали, чтобы никакой захатчик-иноверец не мог больше заехать в храм на коне» (с. 79); «Мы в абсолютной тишине помолились, приложились к находящимся здесь мощам преподобномучениц Елизаветы и инокини Варвары. В храме, как и во всей обители, стояла благоговейная тишина, повсюду ощущался тонкий цветочный аромат» (с. 213). В описании святынь либо нет вообще никаких изобразительных средств, либо они весьма редки: чаще всего иератичны (просты), лаконичны, информативно-описательны, конкретны. Пожалуй, одним из исключительных описаний является Чудо схождения Благодатного Огня. Но и здесь автор «Записок» передает не какие-то индивидуальные ощущения, а атмосферу всеобщего ликования и восторга в Святую ночь: «Вдруг в этой тишине – всполохи молний под самым куполом, и вот уже сквозь ряды репортеров, густо облепивших Кувуклию, чья-то рука лихо радочно передает пучок горящих свечей. А через несколько секунд эти пучки разносят бегом по всему огромному храму. Все в огне! Каждый уподобился Неопалимой Купине! И все радуются, как дети! «Нет больше ни иудея, ни эллина, ни свободного». Наверное, такой восторг испытывали апостолы в День Пятидесятницы!» (с. 208). В слова автора-паломника вплетаются цитаты из Священного Писания – и это тоже характерная примета не только паломнической, но и в целом церковной литературы. «Паломнический текст» В.В. Шкляева соотносен с литургической и общей богослужебной традицией, что является канонической чертой церковной словесности. Вместе с тем он «вмещает» в себя все важные сферы жизни современного человека и откликается на них.

Автор «Записок» сообщает о своем историческом образовании, и этот авторский интерес растворяется во всем тексте, проявляя себя в страстных публицистических отступлениях об исторической судьбе России. Так, споря со своими молодыми соратниками-москвичами, В.В. Шкляев опровергает представление о семидесятилетнем периоде безбожия в истории России: «О каком безбожии может идти речь, если только официально прославлено архиерейским собором более 1100 (!) мучеников за Христа! А подвиги Феодосия Кавказского, Севастиана Карагандинского, Серафима Вырицкого? А блаженная Матронушка Московская ... Когда в 90-е годы кто-то спросил о Николая Гурьянова, воскреснет ли Святая Русь, он ответил: «А она и не умирала» (с. 62). В. Крупин в «Крестном ходе» нашел метафору современному состоянию России как «идушей» (возвращающейся) к своим духовным кор-

ням и истокам, к своей святости. В «Записках...» Шкляева возникает образ *неумирающей России* (у Ю. Мамлеева «Россия вечная»).

Сюжетом «Записок...» является восстановление монастырской стены в женском монастыре «Ган Русим» – «Русский сад», принадлежащем Русской духовной миссии и представляющем собой «скит с гостиницей, построенной арабами недавно, в 2000 году. Здесь останавливаются на отдых представители иерархии Русской православной церкви» (с. 12). Поскольку монастырь призван организовать отдых русских иерархов и их паствы, то «Записки...» передают уникальные факты встреч с ними: с кем-то бегло (с уезжающим домой митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром (Сободаном), с кем-то более обстоятельно (с приезжающим владыкой Владивостокским и Приморским Вениамином или владыкой Екатеринбургским и Верхотурским Викентием). Церковных иерархов В.В. Шкляев показывает и в их литургическом служении, и в простых беседах, и в быту, и эти «архиерейские сюжеты» уникальны и неповторимы, как и их герои. Так, владыка Вениамин предстает «в неспешном и благостном служении», и тут же в описании его портрета появляется колоритная юмористическая деталь: «внешне он напоминает Буддуляя» (знаменитый Цыган из популярного в 1980-ые годы одноименного фильма). Соединение разнонаправленных модусов повествования (серьезного и комического) позволяет увидеть историческую фигуру в его человеческой оболочке, может быть, самое главное в нем. Юмор и самоирония – основные свойства авторского целого «Записок...». Автор смотрит на всех, кто встречается ему на пути, с огромным интересом, теплотой, без всякого ложного смущения, как может смотреть на жизнь и людей ребенок или простой добрый человек.

Вместе с тем владыка Вениамин предстает как яркий проповедник и собеседник: «Владыка долго преподавал в Духовной академии, и мы всласть послушали его. При въезде в Тиверию с другой стороны озера он продекламировал нам (по памяти!) оду Г.Р. Державина «Бог» (с. 57).

Владыку Викентия на ночной Пасхальной службе в храме Воскресения Христова принимают и вовсе за скромного батюшку: «Один батюшка, когда богослужение уже началось, скорбел, что забыл в гостинице пучки пасхальных свечей и не знает теперь, как быть. Приглядевшись, мы узнали в этом скромном батюшке владыку Екатеринбургского и Верхотурского» (с. 207). Такой незамутненный детский взгляд отражен в русской классической литературе. В чеховском «Архиерее» на величественного владыку Петра просто смотрит только его восьмилетняя племянница Катюша. Этот же ракурс восприятия присущ шмелевскому повествователю в «Богомолье», «Лете Господнем», не в меньшей степени характерен он и манере В.А. Никифорова-Волгина.

Образы архиереев, монахинь Горненского монастыря и «Русского сада», греческого и арабского духовенства, русских священников, арабских браконьеров («бандит»), людей разных национальностей, московских, ижевских, иных трудников и паломников не затрудняют повествование. Изобра-

жение калейдоскопа лиц, событий внешней и внутренней жизни требует от автора выбора лаконичной и предельно точной детали. Сменяемость и неповторимость лиц способствует динамичности повествования, формированию внешних сюжетов встреч и расставаний, идеи неповторимости и богатства человеческой души, созданной Богом.

Восстановление монастырской стены происходит в топосе сакрального пространства и сквозь череду Праздников Рождества, Крещения, Пасхи Христовой.

Автор «Записок...» называет себя «галилейским трудником». И такая объективизация статуса обнаруживает специфику и «Записок...», и влияние нового ракурса изображения, безусловно, обогащающего жанр «паломнического дневника» как разновидности паломнической литературы в целом. Автор-трудник находится по отношению к изображаемому миру не вне его, а *изнутри*. Зайцев и Шмелев все-таки были в своем статусе привилегированными паломниками: они соприкасались с монастырской жизнью избирательно. Здесь же помимо своего труднического статуса и опыта, автор-паломник выполняет различные дополнительные послушания: он читает и поет на богослужениях, молится, в определенной степени живет по уставу монастыря: находится в нем на послушании. «Записки...» Шкляева отличаются вот этим особым взглядом на мир и людей «изнутри монастыря». Помимо внешних сюжетов, в «Записках...» можно выделить и наиболее захватывающий сюжет «внутреннего человека», поднимающегося в черед церковных праздников по ступеням своего собственного Рождества, Крещения, Воскресения.

Сюжет *восстановления стены* выступает в качестве онтологической метафоры, прирастающей по мере развития сюжета новыми смыслами. В целом восстановление стены означает духовную ограду единого топоса Святой Земли и Святой Руси от исторических, социальных и духовных катастроф: «И сегодня, подобно тому, как молился о будущей святой Руси апостол Христов Андрей Первозванный, молится о спасении Святой земли Святая Русь, переживающая такие же великие искушения и потрясения» (с. 218). Метафора *восстановление стены/души* проявляется и в сюжете самого «галилейского трудника», отправляющегося на трудническое послушание в святое пространство не только ради конкретной цели – восстановления монастырской стены, но и ради спасения своей души по мере трудов «духовных, душевных, телесных»: «И еще очень хотелось хоть сколько-нибудь исправить свою склонность ко греху, чтобы Всемогущий Бог попалил в своем Благодатном Огне «растлевшее грехом естество наше» (с. 5). В конце «Записок...» симметрично их началу звучат мотивы покаяния, прощения и благодарности Святой Земле, гостеприимно принявшей и исцелившей: «Обратно мы шли по Старому городу, останавливаясь для поклонения икон на крестном пути»; «Говорят, русский писатель В.Н. Крупин босиком исходил эти улочки Старого Иерусалима»; «По дороге о. Дмитрий припомнил множество драматических ситуаций, случавшихся при прохождении таможенного контроля в аэропорту. Мы, конечно, очень молились, но на душе была какая-то детская

безмятежность, прямо легкость. Как после исповеди, когда отходишь от ба-
тюшки в слезах, а в памяти всплывают слова: «Отпускаются тебе грехи
твои... Иди, и больше не греши!» (с. 216).

Имя Владимира Крупина в тексте «Записок...» появляется не однажды. Тема литературы, словесности, спасительного Слова образует тоже в определенном смысле особый сюжет: в паломническом тексте иерархическое первенство принадлежит Священному Писанию и богослужебным текстам – Апостолу, Псалтири, молитвословиям, различным жанрам церковной поэзии: к ним «галилейский трудник» обращается чаще всего. За ними следует святоотеческая и духовная литература: св. Феофан Затворник («Мысли на каждый день»), митрополит Вениамин (Федченков) («На рубеже двух эпох»), св. Паисий Святогорец. В тексте «Записок...» встречаются имена русских (Державин, Пушкин, Достоевский), удмуртских (К. Герд) писателей, ощущается интерес к современной духовной литературе, к примеру, к роману Ю. Вознесенской «Мои посмертные приключения», оцениваемому как «хорошее чтение» «для молодежи».

«Записки» Шкляева – это оптимистический ответ в эпоху эсхатологических предчувствий. Текст интересен как пример современной паломнической литературы, парадоксально ориентирующей на средневековую паломническую традицию, на жанровую каноничность, а не на его трансформацию. В этом плане автор «Записок...» оказывается оригинален и, возможно, эта книга как факт современного литературного процесса указывает на дальнейшие возможности обновления этого жанра в его возврате к традициям и истокам, свидетельствующим о России неумирающей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманов М. Г. За четыре моря – в Иерусалим. Ижевск, 2010. 108 с.
2. Гуминский В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 59–97.
3. Любомудров А. М. Традиция христианского паломничества в современной русской словесности // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 306–326.
4. Шкляев В. В. Записки галилейского трудника. Ижевск, 2007. 224 с.

G.V. Mosaleva

«SKETCHES OF THE GALILEAN MONASTERY LABOURER» BY V.V. SHKLYAEV IN THE CONTEXT OF THE TRADITION OF PILGRIMAGE

The paper deals with “Sketches of the Galilean Monastery Labourer” by V.V. Shklyaev both as a part of the tradition of pilgrimage and as a phenomenon of the

contemporary Udmurt spiritual prose. The “Sketches” appear as a combination of two genres such as “peregrination” and “diary” based on the writer’s personal impressions while staying at the Holy Land. When it comes to the depicted events the author does not seem to go far beyond (as an observer) but chooses to stay within their limits (as a direct participant). This fact defines specific features of this work taken as a whole. The author demonstrates that the poetics of this kind has the following features in common: the tendency to iconize the depicted events, liturgic narration, lack of personalized impressions at the time of contacts with holy things. It shows the author’s aspiration to the traditional pilgrim canon rather than to its various transformations.

Keywords: tradition of pilgrimage, poetics, contemporary Udmurt spiritual prose.

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Mosaleva G.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

УДК 811.161.1

Н.М. Орлова

«ГЕРОЙ СПАСЁТСЯ...»: БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ ОЛЕСИ НИКОЛАЕВОЙ

Статья посвящена проблемам, связанным с библейским текстом как с прецедентным феноменом, нашедшим отражение в современной русской поэзии. Ситуация «Иона пророк» становится базой для формирования концептов ‘грех’, ‘сад’, ‘жертва’ и др. Книга пророка Ионы как прецедентный текст и его ключевые концепты изучались с помощью метода сравнения когнитивной матрицы Библейского текста и поэтических текстов Олеси Николаевой.

Ключевые слова: прецедентный текст, концепт, Библия, художественный текст.

В кругу разноплановых и разноструктурных прецедентных феноменов библейский текст имеет особый статус, а концепты библейского истока играют огромную роль в формировании когнитивной картины мира разных народов.

Прецедентная ситуация «Иона-пророк» генерирована Книгой пророка Ионы, содержащей пророческий символ смерти и Воскресения; к этому драматическому и полному конфликтов повествованию обращено огромное количество художественных текстов. Изучение межтекстового и междискурсивного взаимодействия весьма значимо как в научном плане, так в аспекте лингвистического комментирования [2; с. 8; 7, с. 308].

Наибольший интерес для читателя и исследователя представляют тексты, смысловая и семантическая организация которых полностью зиждется на рассматриваемой прецедентной ситуации. Среди них заметное место занимают «Плач по Ионе-пророку» и «Герой» Олеси Николаевой – два стихотворения, смысловая структура которых в сопоставлении с когнитивной матрицей библейского претекста будет рассмотрена в нашей статье.

Композиция «Плача...» – переплетение сюжетных линий библейской ситуации и современности – обнаруживает сходство с построением рассмотренного нами ранее текста Олега Чухонцева [3, с. 167-168], что характерно для современной поэзии в целом и дает возможность для бесконечного варьирования смысловой структуры концептов прецедентной ситуации (ПС). Обратившись к сопоставлению когнитивных матриц, мы обнаружим экспликацию следующих концептов:

1. ‘Грех’. Эксплицирован в тексте как ключевой концепт рассматриваемой ситуации в тесной связи с концептом ‘покаяние’, что не раз отмечалось богословами, философами, лингвистами [6, с. 167-171]. Вербализация этого концепта происходит в покаянной речи Ионы, взывающего наказания за *непослушание* (а), и в параллельном (метафизическом) покаянии героини (b):

А. Иона медлит

и, наконец, им говорит в ответ:

*Один исход – меня **швырните в море***

и будете свободны, ибо я –

меж вами прячусь от Господня ока

всевидящего, длани я бегу

всепроникающей и устремляюсь в бездны

от Содержащего и бездны, и моря,

высоты, дали, корабли, созвездья,

людей и выродков. И вас не пощадит

возмездие: накроет с головою,

покуда с вами я, пока глядит

звезда погибели, покуда вы со мною <...>

В. И только я одна

*уязвлена прошедшим. **К покаянию***

не привела своих ниневитян

и корабельщикам своим не возвестила:

«Из-за меня вы терпите беду.

И гибнете из-за летящей в бездну.

Так скиньте виноград горчащий – в море,

вино прокисшее, подмокший грешный порох,

зерно горчичное, подточенное мышью,

и высохшие каменные смоквы, – весь этот хлам безумья, мертвый груз!

Пусть сила Божия меня поглотит, словно

Иону – кит...»

Невозможность глубокого – равного по силе деяниям библейского пророка – раскаяния и покаяния в тексте Николаевой сама по себе осознается как грех, а раскаяние неосуществимо до тех пор, пока человек тесно привязан к радостям и красоте земной жизни, очарован ею. Таким образом, в «Плаче...» возникает импульс для генерирования концепта 'сад', слабым смысловым сигналом которого в каноническом тексте является образ растения (тыквы).

2. 'Сад'. Без сомнения, один из наиболее значимых концептов, которые приобрели общечеловеческий статус. К анализу этого концепта и его символического уровня в ментальном пространстве разных народов, в текстах русской и мировой словесности обращены многочисленные исследования. В мифах многих культур образ сада символизирует рай, или изначальное время, мир в его первоизданном состоянии, хотя уже в средневековой европейской религиозной литературе символ сада имел ряд значений, не совпадавших со значениями рая [1, с. 11-12]. В художественной картине мира происходит активное взаимодействие и взаимовлияние религиозного и общезыкового смысла рассматриваемого концепта, и это позволяет утверждать, что концептосфера литургической поэзии («душа», «свет», «сад», «лестница»), есте-

ственно, трансформируясь, во многом отразила картину мира русской литературы, где концепт 'сад' обладает непреходящей аксиологической значимостью.

Можно предположить, что экспликация концепта 'сад' и генерирование новых смыслов, связанных с образом сада, может в значительной степени деформировать когнитивную сетку библейского претекста. Однако сильный прецедентный текст – Книга пророка Ионы – цементирует сложное построение поэтического текста, прочитывается на протяжении всего повествования, что подтверждает возможности библейского прецедентного текста как динамического конструкта.

«Сон» лирической героини, в котором ей являются картины прекрасного сада, соотносится со сном Ионы в трюме корабля; одновременно это глубокий (я все сплю и сплю...) сон души, грех, поскольку сон, наряду с ленью, апатией, разочарованием, унынием препятствует пониманию Божьего промысла (= непослушание Ионы):

*А. А я все сплю и сплю. Мне снится сад,
два белых кресла – так, чтоб с глазу на глаз
сидящие могли поговорить
и помолчать, не замечая пауз
между речами: щуриться на свет
и вдаль глядеть – такое же занятие
и той же важности, что и писать портрет,
или пейзаж, или письмо. Молчанье
двоих естественно, когда в запасе жизнь,
стрекозы радости трепещут возле горла,
и некуда и незачем бежать,
и глас Господень вроде дуновенья...*

Описание сада и экспликация соответствующей концептосферы прерывается только для того, чтобы обратиться к прецедентной ситуации в ее наиболее трагический момент – признания, покаяния и гибели Ионы:

*Один исход – меня швырните в море
и будете свободны, ибо я –
меж вами прячусь от Господня ока
всевидящего, длани я бегу
всепроникающей и устремляюсь в бездны
от Содержащего и бездны, и моря,
высоты, дали, корабли, созвездья,
людей и выродков. И вас не пощадит
возмездие: накроет с головою,
покуда с вами я, пока глядит
звезда погибели, покуда вы со мною». –
сказал Иона.*

*И, своих богов
призвав в свидетели, испуганные люди
его бросают с корабля в пучину:
Иона тонет, бури – будто нет.*

Поле 'сад' приобретает новые смысловые признаки: описание сумерек в саду дает толчок к развертыванию концептосфер 'свет' и 'тьма', ср. *цуричься на свет* в приведенном выше отрывке (а) – полное наступление тьмы (b):

*В. В саду меж тем **смеркается**, но свет
еще **сквозит** сквозь тонкие деревья
и делает их четкими, как память
о том, что сердцу дорого: порой
какая-нибудь черточка, подробность
бывает для нее дорожке сути,
и жест – живее рук, и колорит
красноречивей самого сюжета.
Особенно, когда за всем стоит
какая-то фигура умолчанья:
все тени здесь, все шорохи – ее,
все мелочи – вплоть до шмеля в тигровой
велюровой рубашке, вплоть до жаб
узорчатых, до юной вишни – в белых
перчатках прихоти и – до **лиловых стен,
на западе воздвигнутых**, плотную
к концу Вселенной... **Вплоть до темноты,
в саду плетущей черные корзинки.***

Помимо важнейших для библейского дискурса концептосфер 'свет' и 'тьма', в приведенном отрывке концептуально важным представляется упоминание о *жабе*, животном, наименование которого значимо в ситуации «казни египетские». Иными словами, текст содержит маркеры, свидетельствующие о широких интертекстуальных связях с библейским претекстом.

Когнитивная линия 'Иона в чреве кита', его молитвы и раскаяния отсутствуют в тексте Николаевой, поскольку «все пошло обычным чередом. И все устроилось. Все выполнили волю Всевышнего...» Лишь лирическая героиня «уязвлена прошедшим»:

*К покаянью
не привела своих ниневитян
и корабельщикам своим не возвестила:
«Из-за меня вы терпите беду.
И гибнете из-за летящей в бездну.
Так скиньте виноград горчащий – в море,*

*вино прокисшее, подмокий грешный порох,
зерно горчичное, подточенное мышью,
и высохшие каменные смоквы, –
весь этот хлам безумья, мертвый груз!
Пусть сила Божия меня поглотит, словно
Иону – кит...»*

На новом витке текста в контексте развернутого сравнения происходит вторичное обращение к сегменту прецедентной ситуации, связанному с признанием и раскаянием Ионы. Связь с библейской прецедентностью усиливается за счет упоминания таких наименований, как *вино*, *виноград*, *горчичное зерно*, *смоквы* – предметов, весьма важных для реальной картины мира древней Иудеи и для текста Священного писания [2, с. 66-67]. Виноградная лоза, восхитительное создание природы, – образ всего красивого, сильного, полезного, непреходящего, поэтому в книгах пророческих Иудея уподобляется виноградной лозе, украшенной превосходными плодами и хранимой Богом; виноград – символ Христа: *Я есть истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь* (Ин. 15.1–6).

В последнем сегменте текста аллюзия на засохшее растение – эпизод, венчающий библейскую ситуацию «Иона пророк», – связывается с образом погибшего сада, при этом используется прием сталкивания в одном контексте разных значений многозначного слова: тыква *засохла* (иными словами, *сгорела* в лучах палящего солнца) – сад *сгорел* (в пламени пожара, который не может озарить тьмы):

*Тыква над Ионой
к утру засохла. Оголтелый зной
палит Иону, и Иона плачет
о неживой защитнице своей,
о нише радостной, о золотом покрове,
в полуденной пустыне затяжной.*

*И сад мой – мертв. В его глухой черте
уж некому сидеть, а если даже,
кто и надумает, – так самозванец, тать,
двойник загримированный, обманщик.
С такими никогда не говорят
и не молчат, но мчатся что есть мочи
оттуда прочь. И все сады – горят.
Но пламя их – не озаряет ночи.*

Подтверждается представление об огне как о компоненте концептосферы ‘свет’, обладающем амбивалентной символикой:

В «Герое» прецедентность библейского сюжета проявляется в еще более сложном переплетении смыслов, смещении акцентов, в результате чего

генерируется текст колоссального художественного воздействия. Приведем его с небольшими купюрами.

*Кажется, этот корабль сам не туда плывёт.
Капитан обманут. Он четвертые сутки пьёт.
И помощник болен морской болезнью, и всех мутит.
И огромная рыба над мачтой во тьме летит <...>
Ах, они и сами вдруг позабыли, кто там зафрахтовал
этот белый корабль – крутанул со властью штурвал, –
надо бы выяснить, что это за сюжет и кто виноват,
Одиссей ли тут, Иона ль, Колумб, Синдбад?*

*Что за птицы с женскими лицами, облака и тут же – киты.
Ходят волны большими стаями, разевают рты.
Но язык их – греческий ли, испанский – понятен, и – всё одно:
как бы ни было, а герой спасётся, корабль же уйдёт на дно.*

*...Юнга всю ночь буянил и бунтовал – теперь он не может встать,
он вопит, как он хочет жить, и тут же валится спать,
и на мешке со смоквами летит себе к небесам,
а там ему говорят: «Так будь же героем сам!»*

*Он продирает глаза, а ветер ревет ревя,
он говорит всем: «Братия! Буря из-за меня!
Молния метит мне в темя в заговоре с луной,*

*и кит меня караулит, и вихрь послан за мной.
Я – спавший на смоквах в трюме, на карте семи морей,
в такие дела замешан, в боренья таких скорбей...
Зовите же капитана! Пусть знает!..» И, чуть хмельной,
уходит в пучину моря со звёздами и луной.*

Заголовок, название лирической темы, заключает в себе как минимум два значения: «человек, совершающий подвиги» и «действующее лицо литературного произведения». Юноше свыше предложено «быть героем» – и он выбирает пророка Иону. В ономастическом ряду это прецедентное имя – одно из нескольких, принадлежащих мореплавателям, однако выбор «героя» не случаен. Имена хитроумного Улисса, оваянного славой первооткрывателя Колумба, сказочного «морехода» Синдбада не содержат смысловых квантов, связанных с жертвой, жертвенностью, прообразом жертвы Спасителя. Этот смысл есть лишь у имени Иона.

В ряду текстовых маркеров прецедентности (*огромная рыба, киты* и главный – «караулящий» героя – *кит, сон юнга в трюме, мешок со смоквами* и др.) особое место занимает описание морского плавания. Образ моря, житейского плавания, судна, якоря как символа надежды и спасения не являет-

ся однозначным сигналом рассматриваемой ситуации. Однако вербальный сигнал «корабль сам не туда плывёт» в абсолютном начале текста – явная аллюзия на непослушание, непокорность библейского пророка, поплывшего, вопреки Божьей воле, «не туда», в Тарсис. В смешении вечно-го и сиюминутного, политических и философских смыслов, в хаосе плавления («...вся команда на нервах, сорвана с якорей») библейская прецедентность служит организующим началом, несмотря на значительные искажения когнитивной матрицы прецедентной ситуации. Юнга, «буянивший и бунтовавший» всю ночь, коррелирует с молодыми бунтарями русской классики, в первую очередь, с героями Достоевского и Чехова (библейский пророк, по видимому, находился в более солидном возрасте). Выбор им «сюжета», связанного с жертвой, в этом контексте также не случаен. Добровольная гибель героя, его устремление от земной ночи к вечной, небесной тьме, «в пучину моря» – на первый взгляд, существенное отличие от библейского претекста. Однако экспликация в этом поступке концепта ‘жертва’ проявляет в прецедентном имени *Иона* смысловые кванты, связанные не только с Ветхим, но и с Новым Заветом.

Наложение когнитивной матрицы библейского текста на тексты современных авторов позволяет говорить, с одной стороны, о концептуальной общности основных когнитивных признаков этих текстов, а с другой – о значительном их отличии [см. также 4, с. 133; 5, с. 466–468]. Ситуация, впервые описанная в Библии, может быть представлена весьма широко, с искажениями и привнесениями, с акцентом на тех или иных моментах. Библейский прототекст оказывает влияние на художественное текстообразование; авторы же творчески преобразуют библейскую концептосферу, что служит неисчерпаемым источником продуцирования новых репрезентаций традиционных концептов и рождения новых образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко Н. А. Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья // *Образ рая: от мифа к утопии*. СПб., 2003. С. 11–30.
2. Орлова Н. М., Черепанов М. В. Книга Книг. Филологический комментарий библейских текстов. Саратов: Научная книга, 2006. 380 с.
3. Орлова Н. М. Прецедентная ситуация Библейского истока в поэзии О. Чухонцева // *Гуманитарные исследования*. 2009. № 3. С. 166–170.
4. Орлова Н. М. Смысловая структура и динамика прецедентной ситуации библейского истока // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 128–134.
5. Орлова Н. М. Лингвокультурные смыслы прецедентного текста // *Слово. Грамматика. Речь*. 2015. № XVI. С. 466–468.
6. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «*peccato*») // *Логический анализ языка: Языки этики*. М., 2000. С. 167–177.

7. Семеновская С. А. Лингвистическое комментирование как компонент анализа художественного текста // La identidad nacional a través del diálogo entre culturas. Исследования в области гуманитарных наук в иберо-американском и российском научном пространстве: в 2 т. 2015. Т. 2. С. 308–312.

N.M. Orlova

«THE HERO WILL SURVIVE...»: THE BIBLE TEXT IN OLESYA NIKOLAIEVA'S POETRY

The article focuses on the problems connected with the Bible text as a precedent one for modern Russian poetry. The situation «Book of Jonah» has become the base for developing such concepts as 'sin', 'garden', 'sacrifice', and so on. The Book of Jonah as a precedent text and its key concepts is studied with the help of the method of comparison of cognitive matrix of the Bible text and Olesya Nikolaeva's verses.

Keywords: precedent text, concept Bible, fiction.

Орлова Надежда Михайловна, доктор филологических наук, профессор
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского
E-mail: nador2006@rambler.ru

Orlova N.M., Doctor of Philology, Professor
National Research Saratov State University
E-mail: nador2006@rambler.ru

УДК 821.161.1-1(045)

А.И. Полянцева, М.В. Серова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ УДМУРТИИ

Самосознание нескольких этнических групп, проживающих на территории Удмуртской Республики, проявлено в русскоязычном поэтическом тексте на лексическом, морфологическом, синтаксическом и других уровнях, анализ которых, как следствие, выявляет дополнительное смыслообразование в художественных произведениях, а также формирует представление о творчестве поэтов, об этноменталитете, характере поэзии Удмуртии в целом. Если говорить о межкультурном взаимодействии в многонациональном регионе, то оно не просто является влиянием извне, неким обменом культур, а, учитывая все ускоряющийся процесс глобализации, это сосуществование культур в одном человеке, начиная с генетического уровня и заканчивая когнитивным. Контаминация касается культур, религий, этносов, языка, крови.

Ключевые слова: этноменталитет, изафет, причет, заговор, русскоязычная поэзия, Удмуртия.

Удмуртская Республика – регион многонациональный (как, впрочем, и большинство регионов России). Жители Удмуртии зачастую являются активными носителями одновременно нескольких языков, принадлежащих разным группам, например, удмуртского и русского, татарского и русского, реже, в другой комбинации и большем количестве. В этом смысле особый интерес представляет творчество Вячеслава Ар-Серги, народного писателя Удмуртии, деятеля культуры, который знает несколько языков различных языковых групп, пишет произведения на удмуртском, русском и других языках.

В одном из стихотворений поэт говорит о своем предназначении:

Наморщив лоб
Тот судия,
Почесав свой затылок задумчиво,
Принял решение
О моем назначенье:
На землю – планету,
В тело поэта удмуртского,
разноязыкого,
Отправить меня <...>.
Мы говорили обо всём:
по-русски,
по-удмуртски,
по-татарски,

не забывая English,
немного по-марийски... [2, с. 75].

Наличие многоязычия внутри удмуртского языка справедливо оценил Лев Аннинский в статье «Другой среди других», посвященной творчеству В. Ар-Серги: «В “бакче” чувствительный филолог уловит жар тюркского юга, “сульдэр” дохнёт на него холодом финской притаённости» [1, с. 219]. Здесь речь идет о стихотворении «Бакча сульдэр», авторское примечание к которому является эмоциональной кульминацией поэтического текста: «Бакча сульдэр – ранее – полевой оберег, ныне – огородное пугало. (удм.)» [1, с. 54]. Полевой оберег, который некогда нес в себе совершенно определенную и значимую для своего обладателя защитную функцию, сейчас имеет статус бесполезный и даже унижительный – «огородное пугало». Основная часть стихотворения написана на русском языке, но лексические включения в него на удмуртском языке, такие, как название, примечание, а также строка: «А он – всё такой же, такой же – сульдэр!», – имеют непосредственное влияние на понимание читателем данного текста в целом, а прежде всего, на авторское отношение к внутренним языковым изменениям, что естественным образом отражается и на самосознании народа. Данный пример демонстрирует прямое включение в русскоязычный текст смыслообразующих лексических единиц на удмуртском языке.

Особой чертой лирики В. Ар-Серги на русском языке является обширное употребление в текстах в функции частиц: ж, же, уж, уже, ведь, вовсе, лишь.

Например, в стихотворении «Забытая» на шесть строф стихотворения приходится шесть случаев употребления частицы *уж*, которая предстает в различных значениях и объединяет несколько смыслов в каждом из случаев. Заметим, что в удмуртском языке частицы имеют очень широкое бытование и переводы их разнообразны, например, в значении частицы *уж* в русском языке могут выступать следующие лексемы в удмуртском: на, ик, ини, ни, но и др., то есть тавтологии внутри удмуртского языка мы можем и не наблюдать, так как синонимичных лексических единиц, выполняющих ту же функцию, достаточно.

Кроме того, в контексте стихотворения Ар-Серги «Забытая» частица *уж*, несмотря на отнесение её в русском языке к разряду усилительных и, по логике, имеющая в связи с усилением соответствующую семантику, в данном случае, скорее, имеет значение лишения, ограничения, иногда извинения. Следовательно, данное стихотворение, как и многие другие произведения Ар-Серги, за счет многократного употребления частиц в дополнение к общему смыслу стихотворения оказывается насквозь пронизано ощущением обделенности, лишения и скрытности. Мифопоэтический анализ текста обнаружил наличие связи частицы *уж* со значением неочевидного прошедшего времени, существующего в удмуртском языке, а, следовательно, авторской философско-онтологической концепцией о роковой предопределенности, довлеющей надо всей нацией.

Если говорить о морфологической специфике поэтики лирических произведений В. Ар-Серги, то прежде следует отметить одну из лингвистических особенностей, которая есть в удмуртском языке, относящемся к финно-угорской языковой группе, и татарском языке, относящемся к тюркской языковой группе (из рассматриваемых нами). В них существует особая грамматическая категория: притяжательная форма существительных. В русском языке эта категория отсутствует, но поэт, владеющий и удмуртским, и русским, и татарским языком выражает семантику «двойной» притяжательности в своих произведениях на русском языке. Рассмотрим отрывок «Стихотворение про “хм”...» 2008 г. Вячеслава Ар-Серги:

- Ты хочешь, чтобы я писал тебя про самого себя?

- Для этого пришел...

- Тогда условие одно - верни мне

Музу главную мою.

- Кого же хочешь ты?

- Кровинушку-матушку, милую мою,

что поутру меня будила поцелуем...

Матушку милую, что пела вечерами

колыбельные светлые мне...

Матушку милую, что вниз по реке

к пращурам нашим ушла,

грусть мне на память оставив...

- Хм... Хм... Хм... [2, с. 15].

В удмуртском языке кроме притяжательных местоимений, например, личных притяжательных местоимений, существует и притяжательная форма существительных. Если в именительном падеже без значения притяжательности слово *мама* выглядит как *анай*, то именительный падеж со значением притяжательности в 1 лице – *анае* (мама моя). На принадлежность существительного притяжательной форме, определенному лицу и числу указывает суффикс. В речи такого рода конструкции, как правило, употребляются (как и в русском языке) вкупе с притяжательным местоимением. Например, *мынам анае*, что в дословном переводе *моя мама моя*. В данном случае наблюдается так называемый изафет [9], когда притяжательные конструкции в удмуртском языке требуют, кроме показателя генитива у обладателя, также суффикса принадлежности у обладаемого и, соответственно, имеют значение двойного притяжания. Если анализировать сознание говорящего на языке, в котором есть подобного рода двойное притяжание, то одним из его характерных особенностей является высокая степень проявленности идеи обладания, ревностного отношения ко всему, что ему принадлежит, так как притяжательные суффиксы и соответствующее значение имеют не только одушевленные существительные (персонификация), но и неодушевленные (предметный мир). Таким образом, в удмуртском языке не только действия, выраженные глаго-

лами, имеют принадлежность определенному лицу, но и весь вещный мир поделен на отдельные предметы, каждый из которых имеет своего хозяина уже на уровне языка, на стадии произнесения притяжательной формы слова. Ментально данная особенность проявлена в том, что обладатель того или иного предмета беспокоится за состояние и своей вещи, и чужой, поскольку совершенно точно осознает, кто ее владелец.

В рассматриваемом отрывке стихотворения образ матери-«матушки» – в усиленном притяжательном значении. Герой неоднократно указывает на то, что матушка принадлежит ему лично, она его собственная родная матушка: «Кровинушку-матушку, милую мою, что поутру меня будила поцелуем». Чтобы передать семантику притяжательности, которая в удмуртском языке выражается морфологически, в произведении на русском языке, ввиду отсутствия подобного рода морфем, автор прибегает к лексико-семантическим эквивалентам. Лексема *матушка* – наиболее приближенный к притяжательной грамматической форме вариант слова *мама*, хотя и имеет в русском языке в добавление другие, не связанные с обозначением родственных уз, значения.

В данном отрывке из стихотворения «Стихотворение про “хм”...» есть дополнительный смысловой оттенок. В татарском языке также существует притяжательная форма существительных, употребляющихся с притяжательными формами местоимений или имен. Если речь идет о предмете и его обладателе, то значение обладающего закладывается в названии предмета при помощи притяжательного суффикса. Но если притяжательное местоимение первого лица употребляется с одушевленным существительным в форме притяжания, то к значению обладания добавляется и эмоциональная оценка. Например, словосочетание на татарском языке «минем энием» означает не просто «моя мама моя» в форме двойного притяжания, а в дополнение, «моя мамочка, родненькая, кровиночка, миленькая, любименькая» – все эти значения именно в уменьшительно-ласкательной форме, с неизбежной принадлежностью конкретному лицу, с указанием на родство кровное и духовное и пр.

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях В. Ар-Серги видим возможность передачи смысла, заложенного одним языковым сознанием, средствами другого языка, даже если в последнем нет подобных грамматических категорий.

Еще один из приемов передачи значения реалий одного национального самосознания средствами другого обнаруживаем в стихотворении Ар-Серги «Материнская песня»:

Одета бедно да опрятно
Иной раз входит она в сны мои -
В платочке беленьком, повязанном уютно,
Вполголоса поёт мне песенки свои.

Родник удмуртской песни льётся,
Найдя дорожку и до Камы вод.

И в грусть душа наскоро окупнется,
А вынырнет, как паводок уйдёт.

Её шаги - на тысячах дорог,
Хотя и дальше-то Казани не была.
Земная ось - родной порог,
Отсюда она песни родила [2, с. 24].

В данном тексте стихотворения слово *мама* и производные от него не встречаются, однако есть местоимения (она, её), заменяющие это слово. Объяснить данный факт можно тем, что в русском языке все же трудно подобрать соотносимую с удмуртским *моя мама* адекватное лексически и грамматически не перегруженное словосочетание.

Образ матери и слово *мама* сами по себе изначально являются архетипичными, наполненными глубинными смыслами, касающимися различных областей знания. Но существует сакральный смысл неназывания имени матери и слова *мама*. В данном стихотворении подобное умалчивание можно расценить как своеобразное применение минус-приема. Хотя мы и понимаем, о ком и о чем идет речь, но имя, напрямую указывающее на объект, намеренно не называется: «ещё в недавнем прошлом (20-30-е гг., а порой даже сейчас) женщину-удмуртку называли не по имени, а по её воршуду» [7, с. 75].

В творчестве поэтов Удмуртии, пишущих на русском языке, можно наблюдать схожие с этническими и фольклорными семантические категории. Причем наличие включенности субъекта сознания и речи в определенное этническое поле, а также знание языков народов Удмуртии, не имеет значения. Зачастую произведения наполнены макрокосмическими смыслами бессознательно. Например, в творчестве Марата Багаутдинова, поэта, живущего в Ижевске и пишущего на русском языке, есть стихотворение, посвященное матери, в котором слово *мама* и его производные не фигурируют (на наш взгляд, по вышеизложенным причинам):

Улыбайся. Это тебе идет.
Не испортит прожитых лет балласт.
Я желаю только земных забот,
А других забот – и господь не даст.

Улыбайся. Сын – никакой герой.
И грубит всё чаще по мелочам.
Он же знает, плачешь тайком порой.
И украдкой молишься по ночам...

Никакой герой – обижаюсь, злюсь...
Иногда и я за тебя молюсь [5].

Образ матери, бабушки в творчестве – показатель особого мировоззрения. Архетипичные образы в стихотворении М. Багаутдинова «Солнце в тарелке»:

Бабушка, помнишь, как мы просили солнца, и ты выпекала нам его на огромной старой сковороде?

Зачем мазать солнце вареньем? Разве оно может быть невкусным?

Капот машины страшной змеей украшен.
Когда бы знать, что вправду на смерть увозят...
Ты помнишь, бабушка, детские годы наши?
Ты видишь, бабушка, детские наши слёзы?
«На завтрак чай да чаёк, на обед – чаище»
На ужин – сказка о том, как живут кометы.
А знаешь, данность тебя безуспешно ищет
Глазами внуков, напрочь лишённых лета.
А помнишь, как пугала нас мёртвым взглядом.
Порой до суток. Мы же, тебя нашедши,
Вязали банты, красили нос помадой.
Прости нас. Ты была тогда сумасшедшей.
Прости нас. Ты была бесконечно мудрой.
Прости нас. За слова и нехватку роста...
Да, кстати, приходи как-нибудь под утро,
С последней грустной сказкой, о том как просто
Хвостом кометью к вечности прикрепиться,
В которой всем хватает любви и чаю...
Пусть будут Богом прокляты те больницы...
А знаешь, бабушка, я по тебе скучаю [4].

Своеобразие лирики поэтов Удмуртии можно наблюдать в их особом мироощущении. Иногда мужская лирика неотличима от женской в своей заклинательности и причитах, выраженных определенным образом стилистически, лексически, грамматически.

К.В. Чистов в книге «Причитания» пишет: «...под причетью следует понимать элегические импровизации, создававшиеся крестьянками по самым разнообразным поводам и на самые различные темы...» [13, с. 5]. Исследователи фольклора Е.В. Барсов, В.И. Смирнов также отмечают принадлежность таких жанров устного народного творчества, как вопы, вопли, вои, жали, заплачки, плачи, причёты и другие, соотносимые с причитаниями, к женскому творчеству. В художественной литературе, действительно, женщины-поэты наследницы данного жанра, не являясь прямыми преемницами устного текста, на интуитивном уровне в полной мере отражают в своем творчестве его стиль, цели и задачи.

Говоря о лирике поэтов Удмуртии, произведения Вячеслава Ар-Серги, Марата Багаутдинова, Александра Соковнина, в некоторой мере, можно срав-

---

нить со стихийной интуитивной женской лирикой. Истоки фольклорных мотивов и архетипичных образов в языческом прошлом предков, которое так или иначе находит отклик в современности. Например, стихотворение Вячеслава Ар-Серги «Лось»:

Ах! Земелька моя!
Ты – комками кутья.

Ах! Белые тучки,
Комья – колючки.

Месяц смурной –
Свечой поминальной.

Той кутьёй на ветвях –
Мои грёзы во снах.
...Здесь жить – невозможно,
Не жить – упокойно.

Кама полощет ах! вихорок,
Матом визжит впереди голосок.

Глубже и глубже вода,
Семя сыпает вокруг лебеда.

Бакен на волнах – ветки рогов,
Заупокойна «осанна!» волков [2, с. 67].

Или стихотворение М. Багаутдинова «Наговор»:

Трудно выбрать проклятье из сотен бед...
Пусть же будет всегда тебе двадцать лет.
За плечами плоды города могил.
Проклинаю тебя на избыток сил.
Получи и владей – вот беда и мор,
А в придачу – держава и наговор»
«Ух ты, горе мое горе,
Горе горькое такое,
Горе вязкое такое – Размочу на наговоре.
В терпеливую землю-броню
Я тебя похороню-схороню.
Буду горе поливать-поливать,
Будешь, горе, прорасть-прорасть.
Как созреешь, – попадешь под косу.

Я тебя за три земли унесу.
 На базаре уступлю-уступлю
 Добрым людям по рублю – по рублю.
 Ух ты, горе мое горе,
 Горе горькое такое,
 Горе вязкое такое,
 Убирайся за три моря...» [3]

Заметим, что подобные произведения являются, с точки зрения фольклора, скорее, синтетическим жанровым образованием, поскольку сочетают в себе и фольклорный жанр причитание, и жанр заговор или наговор. Исследователь В.П. Петров в работе «Заговоры» [11] обозначает историко-генетическую основу различного рода заговоров и выделяет несколько групп, среди которых параллелистические заговоры, строящиеся на приеме параллели-сравнения; заговоры с развитым центральным образом вне приема сравнения; заговоры, представляющие собой обращения; заговоры-формулы пожелания; заговоры-просьбы; заговоры-молитвы; заговоры типа абракадабр и другие.

***

Не покупай своим детям кукол с большими глазами –
 Они страшные
 Не верь кукловодам
 Не пей с кукловодом
 Не разговаривай, если смотришь на воду
 Человек умирает один раз
 Кукла – существо многоразового использования.
 Не выбрасывай волосы из своей руки
 Ни о чем не думай, завязывая узелки
 Если кто на тебя охотится – не беги
 Помоги ему.

Никогда не получай писем в конвертах без обратного адреса
 Никогда не открывай писем в конвертах без обратного адреса
 Никогда не читай писем из конвертов без обратного адреса
 Дурак
 Не понимай того, что в них написано
 Не верь в то, что ты понимаешь.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота.
 Если чего-то боишься, – заведи кота.
 Если ангел-хранитель по-прежнему слеп и глух –
 Заведи двух.

абракадабра

Я выдавлю всем твоим куклам глаза
 Разорву узелки – загребешься вязать.
 Я покажу тебе, где у тебя тормоза
 Все равно будет так, как написано на роду.
 Пользуйся – я отсылаю тебе обратно твою беду.
 Я же знаю твой адрес, я даже новый конверт найду

абракадабра

Яркий свет пытается пробиться
 Сквозь одежду – самый яркий свет.
 Человек с глазами лемурийца,
 Где ты шлялся двадцать тысяч лет? [10, с. 114]

В стихотворении Марата Багаутдинова фигурирует образ кота как оберег личного пространства от мистической иррациональной внешней силы. То есть действие заговора осуществляется не только за счет традиционно фольклорного приема, нацеленного на то, чтобы силой слова повлиять на враждебные людям явления природы. Таким образом, текст представляет собой не только ритмически организованную *словесную* формулу, имеющую своей функцией достижение определенных практических целей, но и своеобразную современную ассимиляцию древнего обряда, в котором слово сопровождается *действием*.

Существенной отличительной особенностью авторских заговоров и заклинаний от народных является слово, направленное на себя или от себя, которое не всегда, в отличие от фольклорного обращения, адресовано к различным существам, силам, стихиям, явлениям природы, богам, способным повлиять на ситуацию. Но справедливо то, что «воздействие значительной части заговоров рассчитано на силу слова... Текст поэтому должен обладать максимальными возможностями эмоционального воздействия» [8, с. 146]:

<...> Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
 Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя.
 Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся, кроме себя [6].
 <...> Не ври в рифму ушам своим,
 Не ври в рифму ушам своим,
 Не ври в рифму ушам своим, а не в рифму – ври <...> [12].

Таким образом, видим, что авторские стихотворения, жанрово тяготеющие к фольклорным первоисточникам, имеют с ними сходные признаки:

1) ритмически организованная словесная формула, в том числе выражающаяся в неоднократном повторе фраз, что в определенный момент приводит к магическому эффекту;

2) эксплицирование особенного, в том числе религиозного, сознания в его практическом выражении;

3) разнообразие художественно-функциональных средств передачи сути дискурса.

Произведения могут быть различны по эмоциональному типу высказывания: требование, молитва, просьба; по структуре: обращение, молитвенная формула, уподобление-параллелизм, или то и другое в купе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. А. Другой среди других // Дружба народов. 2007. № 11. С. 219–223.

2. Ар-Серги В. Вслушаться в себя. Стихи. Проза. Ижевск, 2012. 304 с.

3. Багаутдинов М. Наговор [Электронный ресурс] // Поэтический альманах «45-я параллель». Режим доступа: http://45parallel.net/marat_bagautdinov/nagovor.html#poem (дата обращения: 08.10.2015).

4. Багаутдинов М. Солнце в тарелке [Электронный ресурс] // Литературный журнал «Луч». Режим доступа: <http://litluch.ru/avtoryi/bagautdinov-marat/poka-vereshhat-tsinichnyie-holodilniki/> (дата обращения 08.10.2015).

5. Багаутдинов М. Улыбайся, это тебе идет [Электронный ресурс] // Литературный журнал «Луч». Режим доступа: <http://litluch.ru/avtoryi/bagautdinov-marat/poka-vereshhat-tsinichnyie-holodilniki/> (дата обращения: 08.10.2015).

6. Багаутдинов М. Часы останавливаются, лампы взрываются [Электронный ресурс] // Евразийский журнальный портал. Режим доступа: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=945> (дата обращения: 08.10.2015).

7. Владыкин В. Е. Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. 196 с.

8. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. 524 с.

9. Изафет [Электронный ресурс] // Удмуртология. Удмуртский научно-культурный информационный портал. Режим доступа: <http://udmurt.info/udmurt/lekci/17.htm> (дата обращения: 09.05.2015).

10. Никуда этот мир не исчезнет. Поэзия Удмуртии. Избранное. Ижевск, 2015. 256 с.

11. Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. Вып. 2. С. 77–142.

12. Соковнин А. Мухи в янтаре [Электронный ресурс] // Литературный портал Стихи.ру. Режим доступа: <http://www.stihi.ru/avtor/lionbonifaci> (дата обращения: 11.01.2014).

13. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. 272 с.

A.I. Polyantseva, M.V. Serova

LITERARY POLYETHNICITY IN RUSSIAN POETRY OF UDMURTIA

Self-consciousness of several ethnic groups living on the territory of the Udmurt Republic is manifested in the Russian-speaking poetic text on lexical, morphological, syntactic and other levels. Analysis of these aspects, as a consequence, uncover additional meaning-making in literary pieces and gives insight into poetic works, ethnic mentality and the nature of poetry in the Udmurt Republic in general. If we look closely at the intercultural interaction in a multicultural region such as Udmurtia, we will discover that it is not just the influence from the outside, but a deep cultural exchange. Taking into account the ongoing process of globalization, the coexistence of multiple cultures in the one person, from the genetic level to the cognitive, contamination is closely related to cultures, religions, ethnic groups, language and blood.

Keywords: ethnic mentality, postpositional attributive group, lamentation, incantation, Russian-speaking poetry, Udmurt Republic.

Серова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova M.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
E-mail: serova1967@inbox.ru

Полянцева Айгуль Ильгизаровна, магистр
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: aigool217@mail.ru

Polyantseva A.I., Master of Philology
Udmurt State University
E-mail: aigool217@mail.ru

УДК 821.161.1(045)

И.В. Фазиулина

МЕТАФОРА ВЗГЛЯДА В «ЧЕЧЕНСКОЙ ТРИЛОГИИ» МАРИНЫ АХМЕДОВОЙ

Объектом изучения в статье являются художественные произведения специального корреспондента «Русского репортера» Марины Ахмедовой, посвященные чеченской войне и ее последствиям. Основное внимание сосредоточено на различных приемах, направленных на визуализацию текста: в «Женском чеченском дневнике» соединение слова и фотографии, в «Доме слепых» художественное переосмысление картины Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых», в «Хадиже. Дневник смертницы» выстраивание повествования по модели ковра-судьбы. Установка на видимое, создавая ощущение присутствия, способствует расширению доступного читателю опыта и качественно меняет его восприятие Кавказа: из плоскости удивления-отторжения «чужого» оно переходит в плоскость, в которой формируется чувство общей для всех истории. Так описываемая в произведениях иная для большинства россиян культура, не теряя свой отличности, становится ближе, а «кавказский миф» лично пережитым событием.

Ключевые слова: русская культура, современная литература, кавказская война, сопоставительный анализ.

«Трилогия» – это интерпретаторская вольность, объединяющая в одно целое три произведения Марины Ахмедовой о чеченских войнах: «Женский чеченский дневник» (2010), «Дом слепых» (2011) и «Дневник смертницы. Хадижа» (2012). И хотя последний, ставший финалистом букеровской премии роман, на первый взгляд, о несколько другой войне, читатель, знакомый с современной периодикой и репортажами самой Ахмедовой, быстро догадывается, что «всё дело в ракурсе», и только в нем. Генетически прорастая друг в друга, «эти чужие истории из букв, которые на ограниченное время становятся твоими», представляют *личный* опыт познания *отличного*: войны-смерти-Кавказа. Называя себя «глаза и уши читателя», Марина Ахмедова берет за исходный опыт стереотипы восприятия разворачивающихся на юге России событий и проделывает долгий и мучительный путь к своему Кавказу, который становится нашим.

Отправной точкой этого пути служит «Женский чеченский дневник», созданный по воспоминаниям подруги и коллеги Ахмедовой, военного фото-репортера Натальи Медведевой. И хотя в главе «От автора» легитимируется право писать о Кавказе: «*Она (Медведева – И.Ф.) так часто говорила о войне, что иногда мне казалось, все ее истории случились со мной, они как будто стали частью меня*» [1] – в полной мере оно так и не используется. Отличительной чертой данного текста является то, что он целиком и полностью есть «художественное» описание документальных фотографий первой чеченской войны.

Фотография, которая в новостных сводках является документальным свидетельством слов репортера, в художественном пространстве «дневника» становится «отпечатком времени и истории <...>, доступным любому, находящемуся за тысячи километров и за десятки лет, благодаря одному движению пальца» [1]. Впервые уникальную способность фотоснимка отсылать не к объекту, а ко времени отметил Ролан Барт в последнем и самом личном своем эссе «Camera lucida. Комментарий к фотографии». Называя фотоизображение «эманацией прошедшей реальности» [4, с. 124], он считает, что его основная задача заключается не в том, чтобы напомнить о прошлом, но создать такое экзистенциальное пространство, в котором потенциально содержится возможность встречи реальности референта и реципиента: «когда-то существовавшая вещь своим непосредственным излучением, свечением действительно прикоснулась к поверхности, которой, в свою очередь, касается мой взгляд» [4, с. 125]. Встреча перерастает в сосуществование изображенного и воспринимающего при условии «напряженного молчания» снимка, с одной стороны, и сосредоточенного «анализа личного переживания», вызванного его случайными деталями, с другой.

Собственно эти детали и вычитывает Марина Ахмедова из фотодневника Натальи Медведевой, которая, в свою очередь, ведет охоту за ними в своих кавказских командировках. Такое балансирование между вербальным и визуальным знаком делает повествование неровным, лишая читателя всякой надежды на обретение устойчивости через узнавание художественных приемов или сюжетных ходов¹: Ахмедова обучает нас новым визуальным кодам, изменяет и расширяет наши представления о том, что достойно быть замеченным и за чем мы вправе наблюдать. В ее первой книге формируется грамматика и, что еще важнее, этика визуального восприятия: «чтобы смерть была ненеприятной, они (заложники в больнице в Буденновске – И.Ф.) хотели сохранить все детали на пленке. Они хотели снять слепок со смерти и со своих страданий <...>. И поэтому на каждом этаже, в каждой палате они просили Наташу: «Снимите это!» <...> Это трудно снять. Это невозможно снять. С какого ракурса ни возьми, это – плохие кадры. Эти – лужи крови на полу. Эти – куски мяса на стенах. Можно быть превосходным фотографом, можно быть мастером своего дела, но нет тут композиции. Нет наводящих на смысл и говорящих деталей. Такую лужу можно разлить на скотоводческой бойне, и ни один штрих на стенах не намекнет на то, что тут были люди, что ребенок не родился, что мозг вытек, а кто-то потерял

¹ В. Подорога в работе «Непредъявленная фотография. Заметки по поводу «Светлой комнаты» Р. Барта» пишет: «Необходимо ввести разрыв между тем, что в фотографии переводится в речь и комментируется, и тем, что нет <...> то, что мы видим, есть нечто другое, чем то, что мы говорим об увиденном. Видимое и описание увиденного находятся в двух несовместимых реальностях нашего опыта <...> Сообщение (фотографии – И.Ф.) разрушает нашу возможность языковой защиты, оно незнательно, оно отражает себя только во внезапном, шокирующем нас переживании» [9, с. 234–235].

ботинок вместе с ногой. Такой фотографии не обойтись без подписи под ней <...>. А она не была мастером слова. Она не признавала фотографий, требующих словесных объяснений. Нет в этом таланта, нет истории <...>. Наташа поднялась на четвертый этаж. Родильное отделение. Из разбитого окна на нее пустыми окнами смотрит недостроенный дом. На полу – стекла и выбитые из стен кирпичи. Гинекологическое кресло выгнулось дугой, как женщина в родовой схватке, вывернуло подставки для ног, будто раздвинуло колени, расширяя проход для жизни, которая умрет еще не родившись. Наташа выбрала ракурс и сделала кадр. Слов не надо, детали сами расскажут о том, что жизни после родов нет» [1].

Талантливо видя невидимое, Ахмедова погружает своего читателя в событийное время фотографии, сотканное из взаимодействующих между собой знаков-символов, просвечивающих амбивалентными значениями. Так происходит расширение доступного читателю опыта и качественно меняется его восприятие текста: из плоскости удивления-отторжения «чужого» оно переходит в плоскость, в которой формируется чувство истории, истории общей для всех. Общая история – это не история факта, да и «Дневник» Ахмедовой, написанный по чужим снимкам, произвольно вынутым из коробки, трудно назвать объективным. Достоверность творимой в тексте истории иного порядка: это некогда чужое случайное переживание, отзеркаленное объективом фотоаппарата как сущностное проявление личности и трансформированное художественным словом в общее впечатление. Будучи «искусственно» созданным следом памяти оно вырастает в личный опыт читателя, насыщает переживание жизни чужими-своими образами, создавая тем самым ощущение присутствия и обостряя чуткость Другого².

Задачей формирования такой «феноменологической» истории обусловлен и финал книги, представленный чередой фотоснимков Натальи Медведевой. Обретя уникальную возможность сопоставить текст с фотографиями, читатель, с одной стороны, очерчивает комфортную для себя зону узнавания, с другой, вынужденно сталкивается с Неизвестным, требующим осмысления через актуализацию собственного опыта. Так абстрактное знание становится *своей* точкой зрения, взгляд обретает телесность и, как следствие, субъективность, а на смену линейности реального времени приходит непрерывность личного впечатления.

---

² В интервью Михаилу Бузукашвили на вопрос о том, почему террористы мстят невинным людям, М. Ахмедова замечает: «Это на наш с вами взгляд пострадавшие не имеют отношения к обиженным. Имеют. Во-первых, чеченцы сильно обиделись на русских. Не на военных. На обычных русских, которые находились далеко от войны, занимались своими делами и совершенно не интересовались тем, что происходит в Чечне, в части их общей с чеченцами родины. Они были слепы и глухи. Как сказал все тот же «простой мусульманин», «сестры» убили кяфиринов, то есть неверных, на них нет греха. Впрочем, и сейчас спецоперации проводятся в Дагестане не местным спецназом... А русским, как считают кавказцы, нет дела до того, что у них происходит. Это – достаточно веские поводы для нелюбви» [5].

Установка на визуализацию сохранится и в последующих текстах Ахмедовой, не давая им захлебнуться динамикой сюжета или сползти в идеологию и оценки. Научившись видеть и прочитывать увиденное, во втором произведении – «Доме слепых» – писательница рассказывает нам об одном из *личных впечатлений*, вынесенных с Кавказа, – историю о слепых людях, запертых во время войны в подвале собственного дома в Грозном.

Путь к этому тексту вновь начинается с фотографии, сделанной Н. Медведевой – «Разрушенный дом слепых на площади Минутка» (1995)³, однако время события здесь уже не фотографическое, а художественное, с ощутимой дистанцированностью от исторического. Именно это позволило Ахмедовой наряду с сюжетной интригой создать и чисто стилистическую: различного рода аллюзии, символы, структурные параллели делают повествование метафорическим, «притчевым», по словам А. Чанцева [12]. Такая смена письма, на наш взгляд, продиктована прежде всего стремлением осмыслить полученный опыт через преобразование эмоционально-чувственного переживания в нарративные узлы, создать собственный *образ* войны и, как следствие, взять на себя *личную ответственность* за него.

Проблематизация ответственности за сказанное о войне художественное слово проявляется, в частности, в том, что Ахмедова вновь отказывается от вневременной тексту позиции Автора, вглядываясь в творимый мир сквозь увеличительное стекло винтовки снайпера, возмнившего себя богом: «*Бог сидел на крыше и смотрел на людей в увеличительное стекло. Богу не было равных – никто до него не забирался так высоко. Делениями на линзе он измерял величину душ прохожих. Но не размер определял людскую судьбу, а то, что сидящий на крыше был богом*» [2], – так начинается «Пролог» произведения⁴.

³ «Впервые я узнала о них от Наташи Медведевой. Она как-то пряталась вместе с ними в подвале во время обстрела. Дом находится в Грозном, на площади Минутка. Он стоит там до сих пор. В нем до сих пор в совершенно ужасных условиях живут слепые. Я была в этом доме много раз, все слепые знают меня. Я обещала им помочь – написать о них репортаж, чтобы обратить на них внимание и заставить власти республики дом отремонтировать. У них не было ни света, ни газа, ни воды. Они носили воду с улицы, поднимали на четвертый или пятый этаж. Надо сказать, что в некоторых комнатах не было стен, и с пятого, например, этажа можно было перелететь до второго. Некоторых лестничных пролетов тоже не хватало. Я ничем не смогла им помочь, потому что спустя несколько лет после войны, сама война и ее жертвы перестали интересовать средства массовой информации. Тогда я написала книгу об этом доме. Мне интересно было рисовать человеческие характеры» [5].

⁴ При этом Ахмедова не сливается и с позицией снайпера: «Рассказчик тут не при чем. Рассказчик жесток, но в меру. Возможно, он не талантлив и не очень оригинален. Но... ведь герои сами начали жить своей жизнью. Рассказчик бессилён повлиять на выбор снайпера. Он не знает, из какого города снайпер пришел, чью противоположную сторону принял, из какой сети желаний соткана его душа, за что он мстит жителям дома и, наконец... есть ли у него грязь под ногтями. Одним словом, рас-

Сосредоточенность на внутреннем мире снижает статус Видимого в тексте⁵, о чем свидетельствует доминирование таких символов, как Слепота, Пустота⁶, Темнота⁷ (вариант – Чернота), однако не приводит к полному отказу от визуальности: умение Ахмедовой выразить драматическую коллизию или иносказание через ритмику жестов и движения наводит на мысль о скрытом присутствии визуального кода в поэтике произведения. Обращает на себя внимание энграмматическое родство эпизода, когда слепые, не дождавшись дождя, выходят из своего подвала искать воду, не только с фотографией Медведевой, но, через нее, с картиной Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых» (1568): *«Я вышел... – начал Патрудин спертым голосом. Свой полный, срывающийся на петушиный крик, он оставил там – наверху, вместе с баклажками. – Пошел так осторожно к углу дома. Иду – тихо. А как дошел до угла, ничего понять не могу. Мну, мну землю, наступаю – куда идти, не знаю. Дорога стала незнакомой. Ноги проваливаются в какие-то ямы, дыры, траншеи... Я покрутил головой, постоял у угла... Не чувствую я соседней двухэтажки – разбомбили ее, наверное. Пошел снова. Под ногами какие-то кирпичи, ветки, железяки <...>. Мы тогда, помнишь, Нуник, как услышали, что стреляют, к стене какой-то прижались и так стояли, пока стрелять не перестали, а потом дальше за водой пошли <...>. Теперь все так расковыряли, не знаешь, в какую сторону идти <...>. Куда ползти? Где подвал? Потрогал вокруг себя – все незнакомое. Где дорожка через двор, где трава, где деревья? Везде – камни, дыры, ямы...»* [2].

Источник сюжета картины нидерландского живописца – слова Христа о Форисеях: «они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Евангелие от Матфея: 15, 12-19), – художественно переосмысленные и драматически увязанные с переживаемой Нидерландами в 1560-е годы трагедией: кровавого террора герцога Альбы, направленного на подавление мятежей против испанского владычества. Именно в этих событи-

---

сказчик о снайпере не знал ничего, а тот ни разу не захотел выглянуть из коробки и показать свое истинное лицо» [2].

⁵ В одном из своих интервью об этой книге Ахмедова скажет: «Для меня не обязательно что-то видеть и слышать – для меня важны моменты, когда я буду что-то чувствовать. Потому что я знаю, что текст тогда получится. И я почувствовала ужасную безысходность» [11].

⁶ «Пустота была субстанцией невидимой, заполняющей собой все полое. А если заполняла, значит, была пустота, существовала. Нельзя ее отрицать лишь потому, что глазам она не видна. Люда очень хорошо чувствовала пустоту. <...> Люда помнит, как голосила, изливая с потоком своего голоса пустоту на весь мир. Но в том-то и особенность пустоты — нельзя ее излить. Если пространство в сердце больше ничем не занято, то пустота в нем бесконечна» [2].

⁷ «Люда глядела на слепых. Их лица размазывала темнота. Лица казались неживыми. Будто все они умерли, превратились в сгустки пыльных теней, только сами этого еще не заметили <...> Слепым умирать легче – не видя смерть, они лишь воображают ее» [2].

ях многие искусствоведы видят разгадку мрачного характера «Слепых»: «Брейгель изображает маленький, потрясающий, но по своему значению повседневный эпизод. Где-то несколько бедных слепых сделалось жертвами несчастного случая. Никто не обратит на это внимания, вряд ли хоть один их родственник прольет по ним слезу; жизнь в природе и жизнь людей идет своим чередом дальше, как будто только лист упал с дерева. Но в том-то и заключается новое, что такой незначительный факт, с такими незначительными героями поставлен в центр мировосприятия. То, что кажется случаем, единичным, временно и местно ограниченным, то, что представляется исторически незначительным событием, воплощает судьбу, которой никто не может избежать и которой человечество в своей всеобщности слепо подчинено. Вечные незыблемые законы и силы природы и жизни господствуют над волей, страданием и ощущением; они безжалостно определяют жизнь отдельного человека, и там, где мы думаем вести, нас, оказывается, ведет скрытое для нашего понимания назначение, словно незрячих в пропасть» [14].

Мотив судьбы, тонко схваченный Брейгелем, намечен и в тексте Ахмедовой: по вечерам в подвале Уайз рассказывает сказку о слепом мальчике Энее, которому была дарована жизнь на идеальной планете, но он предпочел погибнуть вместе со своей остывающей из-за бесконечных войн Землей: *«Те слова, которые вылетали изо рта Великого Раба, просили его остаться, спуститься на розовую землю. Но биение далекого сердца заставляло лететь дальше, подчиняясь инстинкту. Или биологической потребности»*. Такой раздражающий⁸ слепых финал, наводит их на философские размышления: *«Кто-то придумал нашу жизнь, – заговорила Валентина. – Мы тоже – герои чьего-то рассказа. Наша история еще не подошла к концу, и если рассказчик такой же злой, как Уайз, то в конце нас ждет конец»* [2]. Эта рефлексия, ни событийно, ни психологически не мотивированная, обращена непосредственно к читательским ожиданиям, которые при всей вариативности сводятся к одному: ясности, обеспеченной наличием смысловой точки рассказа. Однако именно ее лишаются как герои (*«Для Эния наступил не конец. Мы не знаем, куда он отправился после смерти <...> После смерти нет ни рая, ни ада... Но есть что-то другое – то, чего нам при жизни знать не дано <...> Не скрыто от нас лишь одно – конца нет»*), так и читатели, получая вместо ожидаемого завершения событий дурную бесконечность многоточия:

«Эпилог.

24 февраля 1996 года жители дома слепых, стоящего на площади Минутка в городе Грозный, вернутся в подвал.

Наступит весна.

1 марта в подвал войдут военнослужащие федеральных войск. Войдут тихо, осторожно, по одному – опасаясь, что в подвале могут прятаться боевики <...>

⁸ «Больше не рассказывай нам сказок, Уайз. Нам не нужны плохие концы, плохих концов нам хватает» [2].

Военные выведут жителей подвала на улицу, выстроят в шеренгу, пересчитают и... отпустят. Слепые вернутся в подвал.

– В этом месяце больше бомбить не будут, – пообещают военные. – Можете смело выходить из дома за водой и едой – на площади установят палатки МЧС. Там вы получите горячую еду.

На следующий день Пахрудин выйдет за водой и попадет в артобстрел. Но он вернется с баклажками, пахнущими бензином, и непомерно раздутым чувством собственного достоинства.

Слепые проведут в подвале еще несколько месяцев, а потом вернутся в свои разрушенные квартиры, где и будут жить по сей день.

Люда похоронит Чернуху возле кранта».

Эти сухо изложенные факты – молчаливое отчаяние, вызванное ощущением безысходности, – вновь наводят на мысль о картине Брейгеля. Сходная эмоциональная доминанта там формируется тоже не столько «сюжетно» (образами слепцов), сколько «формально»: особой пространственной организацией, при которой «ренессансное «спокойное бытие» связывается с барочной диагональю»: «Опускающаяся плотина насильственно перерезает неподвижные горизонталы пейзажа, отчего возникает контрастное столкновение. В противовес тишине деревенской идиллии плотина означает пространственное движение, начало и конец которого мы только подозреваем, но не можем обозреть». При такой композиции зритель воспринимает только направление движения: «это косое движение не указывает глазу пути к задуманному где-либо выше формальному и сюжетному центру <...>: оно представляет только направление, только движение в пространстве, над которым находится зритель и оно ведет вниз от нормального уровня жизни» [8, с. 430].

Меняя визуальный код с фотографии, абсолютизирующей Случайное и Частное, на живопись, выражающую обобщенный взгляд на мир, автор расширяет круг задач не только для себя, но и для читателя: важным оказывается как взглядывание-вживание в события «чужой» жизни, так и осознание собственного места в творимой истории и личной ответственности за нее. Смысл текста правдиво жесток («*Земля не может жить, если большая часть ее жителей голосит от боли*»), однако он, будучи выраженным не публицистически прямо, а через притчу, не столько информативен, сколько дискуссионен: это скорее приглашение к разговору, очерчивание пространства встречи разных сознаний и систем ценностей. И этот обмен мнениями призван нарушить всем комфортное молчание о Кавказе: «Люди начинают думать на тему и интересоваться, когда ты берешь факт и подносишь его близко к глазам и к сердцу», – говорит Ахмедова в одном из интервью. Поэтому ведущей в тексте становится не острота зрения, а «зоркость сердца»: «*Глаза лгут, обманутые сами. Глаза слабы, они видят цвета, они различают свет и тени, но глупо верить в то, что свет есть добро, а тень – зло <...> Зорко одно лишь сердце*» [2]. Именно этой зоркости не хватило случайным собеседникам Пахрудина, каждый день настраивавшего свое самодельное радио на волну

«мирной жизни»⁹, или военным, освободившим слепых от войны, но не от подвала.

Истоки такой нечуткости кроются в эгоизме, который не смогли преодолеть, по мысли Великого Раба, жителя Земли¹⁰. Этот трузизм так и остался бы общим местом, если бы в разговоре с Энеем Великий Раб не противопоставил его одиночеству – чувству, страх перед которым является истинным мотивом этически ценных поступков людей: «... Мы оба – и ты, и я – пострадали ей (птице – И.Ф.). Но ты сострадал из боязни больше не услышать ее. Голос птицы слабел, и вместе с ним твоя жизнь на интернатовской койке становилась блеклой и беззвучной. Когда птица упала в твои ладони, ты почувствовал ее холод и понял, что ваша планета умирает, ты испугался. Ты не хотел остаться в холоде, в тишине. В жалости к птице был твой инстинкт самосохранения. Я тебе и другое скажу, но это мнение уже совсем расхожее, и даже на вашей планете люди часто его повторяют: мы оплакиваем смерть близких оттого лишь, что нам жалко себя, – мы не хотим оставаться одни...» [2]. Эта мысль, лишь пунктиром заявленная в тек-

⁹ «Когда Люда очнулась от своих видений, Пахрудин уже вышел с кем-то на связь. Он не стал, как обычно, ловить в радиосети птиц (переговоры летчиков – И.Ф.). На этот раз он завел разговор с кем-то другим – радиолюбителем, от нечего делать путешествуя по волнам эфира <...> Важно закинув ногу на ногу, он сидел на кровати. Микрофон держал так, будто собирался в него запеть. И грохот снаружи, и сам подвал существовали отдельно от Пахрудина, а он находился в другом измерении, куда его унесло радиоволной <...> Ящик на какое-то время замолчал, только шумели волны, и снова звуками переднего плана для слепых, уже увлекшихся чужой беседой, стали грохот и свист. – Позвольте предложить вам следующий рецептик, — голос вернулся. – Я весь внимание... <...> – Сельдерей. Есть ли у вас сельдерей? – Сельдерей? А то как же! Сейчас пойду в огороде надергаю. Скажем так, сельдерей у нас в этом году уродился, можно сказать, заколосился и расцвел пышным цветом. – Пахрудин провел руками в воздухе над головой, изображая пышный цвет, с каким цвел сельдерей. – Пахрудин, так ведь середина зимы на дворе... Или вы на Богамах живете? – Не на Богамах, уважаемый, но на югах, на югах... — повторил Пахрудин, смакуя последнее слово, видимо пришедшееся ему очень по вкусу. – И что там еще в рецептике? <...> Гул нарастал. Несложно было догадаться, что в этот момент над их домом кружат самолеты, оглядывают его с высоты, решая, достоин ли он стать их добычей. – Я слышу странный шум, — сказал ящик. – Что там у вас происходит? – Гости! Гости идут! – заорал Пахрудин. – Видимо, много гостей? – поинтересовался ящик. – Сто! Сто, так сказать! Дом подпрыгнул и сдвинулся с места. Казалось, ухнуло и разорвалось не снаружи, а в груди самих людей, подброшенных вверх сетками кроватей. Ящик съехал на пол и зашипел» [2].

¹⁰ «...Жители нашей (идеальной – И.Ф.) планеты избавились от эгоизма. Они поняли одну простую вещь – ни один человек не сможет принести пользу лично себе, но мы все связаны между собой. И если сегодня с одним из нас случится беда, то завтра это обязательно аукнется – мне, или другому, или всем нам вместе <...> Запомни, если ты заботаешься только о себе, ты все равно будешь страдать. Если заботаешься о других, то и к тебе придет счастье, ты даже и не заметишь. Люди на вашей планете этого не поняли, хотя к вам не раз приходили пророки» [2].

сте, заставляет задуматься. Одиночество – это признание своей отдельности, эгоизм – своей единственности. Преодоление первого всегда связано с насилем: по отношению к Себе (отождествление с чужим миром за счет отказа от собственных ценностей) или, напротив, к Другому (ассимиляция чужого за счет экспансии своих представлений о жизни); второго – с обретением внутреннего зрания и полного принятия Другого, его *отличности*. Последнее невозможно без ментального освоения интенциональности Иного, без «смыслового контакта» и, как следствие, без равноправного диалога.

Именно в такой напряженный диалог культур вступает Ахмедова на страницах последнего произведения «чеченской трилогии» – «Дневник смертницы. Хадижа». Для этого она дает слово новому типу героя кавказского мифа – Носительнице смерти, которая тем самым из объекта обобщающе-овнешняющего анализа = вместилища чужих смыслов становится субъектом сознания, через речь обретая и *личностный статус*.

За медийной броскостью названия, содержащего в себе языковой парадокс¹¹, скрывается важная авторская установка: дать Имя тому, что вытесняется и табуируется не только социальными, но и биологическими законами. Понимание этого приводит к возникновению адекватных тексту читательских ожиданий: это не выстраивание цепочки причинно-следственных связей и не оправдание, это погружение в естественный мир Хадижи: *«Мне тринадцать лет. Я живу с бабушкой и дедушкой. Надира родила двоих сыновей, я за ними смотрю, когда она работает по дому. Мне не хочется этого делать, так же как в детстве не хотелось сбивать масло. Дядя стал уезжать на заработки, и с тех пор мы стали перестраивать дом. Я пошла в школу, научилась читать и писать. Мы с Айкой учимся в одном классе. Дедушка больше не работает на почте. Иногда он выходит во двор и крутит камень. Такая привычка у него появилась с того дня. Бабушка на него ворчит. Тогда он уходит сидеть на годекан. Бабушка каждый час нюхает табак, из-за этого у нее слезятся глаза. У бабушки болит поясница, она завязывает ее теплой шалью. Сначала я каждый день бегала к маме на могилу, и даже когда наступала зима, выпадал снег <...> Я тепло одевалась и сидела, обняв камень, слушая старую песню зимы. В горах не пели птицы, село молчало, и я думала, что все люди в нашем селе умерли. А если нет, то почему так тихо? <...> Я ходила туда ровно год, а потом, когда Надира родила первого сына, перестала»* [3]. Безыскусность языка и событийного ряда не только психологически обоснованы, они, прежде всего, тождественны устойчивой простоте кавказской культуры, мыслящей конкретно и зримо: *«Видишь, – дедушка показал на один из загонов, в нем на сене лежали два барана – один черный, другой белый. – В каждом человеке, как в этом загоне, живет один черный*

---

¹¹Отвечая на вопрос журналистов о том, как ей удается в своих репортажах разговаривать со смертниц, Ахмедова неустанно повторяет: «Я много раз говорила, что никогда не брала интервью у смертниц. Как я его возьму, если смертницей она становится после смерти?» [11].

баран, а другой белый – плохое и хорошее. Поняла? – А кто из них сильнее, дедушка? – А сильнее из них тот, кого я больше кормлю, – засмеялся он. – Я совсем не кормлю своего белого барана, – сказала я. – А ты его корми, Хадижа. – Дедушка погладил меня по голове. – Давай ему больше еды. Ты – хозяйка этих баранов. Как захочешь, так и будет» [3].

Простота плана выражения сродни молчанию, которое древняя культура Кавказа противопоставляет слову: «– А раньше она ему не говорила, что его любит? – спросила я. – Бессовестная, ты не знаешь, что такие вещи не говорят? – Почему не говорят, бабушка? – Как почему? Стыдно же... У любви слов не бывает. Если любовь настоящая, как у моих отца с матерью, то она всегда молчать будет. Гореть внутри будет, а слов вот ни грамма не скажет, – бабушка поднесла кулак к губам. – Это когда люди делают вид, что любят, тогда только языком базарить начинают, чтобы самим свои слова слушать. А настоящая любовь, она молчит и горит, как огонь, и не гаснет» [3]. Все это приводит к нарративным изменениям дневника, представляющим собой череду «фактических картинок», объединенных не столько личным временем, сколько пространством личности.

Понимание этого принципиально, так как в европейской литературе, с хорошо развитой дневниковой культурой, сложились определенные интерпретаторские установки, связанные прежде всего с тем, что фиксация героем разрозненного жизненного материала свидетельствует об эволюции его Я. Однако Ахмедова ставит вопрос о признании идентичности Другого, жизнь которого не формируется под властью обстоятельств, а отражается в них. Поэтому все изменения, которые мы наблюдаем в мире героини, есть не что иное как усложнение формы, не затрагивающее сущностных основ культуры: «– Зачем диплом? – спрашивала она (бабушка – И.Ф.). – Диплом родственникам мужа в карман не положишь. Им хорошее приданое подавай. – Еще как положишь! Вот я тебе говорю, еще как! Сейчас в городе, ты не знаешь, все хотят, чтобы у невесты диплом был. Выйдет замуж, работать все равно не будет, а образованная невеста – это престиж <...> На третьем курсе выйдет замуж, захочет муж – будет учиться, не захочет – за сессии сам заплатит, она дома будет сидеть» [3].

Внимание читателя, таким образом, направлено на поиск инвариантного смыслового ядра, породившего многообразие выразительных форм человеческого поведения, представленных в дневнике, в результате чего важной оказывается уже не сама по себе интрига повествования, а тайна ее плетения. «Я люблю по-простому жить, потому что, когда начинаешь запутанное распутывать, из него опять выходит простое» – в этих словах Хадижи ключ к пониманию как текста, так и транслируемой им культуры.

Мифологическая целостность и неизменность мира обесценивают для человека ситуацию Выбора, создаваемую внешними по отношению к нему

обстоятельствами (историей) или психологически непреложными этапами взросления (биологией), делая комфортным состояние Отказа от решений, от желаний, от мечтаний, в пределе – от Себя: *«Пусть бы я умерла и вот так спокойно лежала в могиле, всегда бы спала, не просыпаясь. Ничего бы мне не надо, никуда бы я не уезжала, ни о чем бы не мечтала, просто лежала бы себе в тишине, спокойная, без всяких желаний»* – и абсолютное принятие Судьбы: *«От меня ничего не зависело, моя история была написана еще до моего рождения»* [3].

Судьба – это не бегство от ответственности, это выход за пределы частного времени и энтропийное слияние с историей Рода, а шире – социума, объединенного общим духовным началом. Визуальный код, наиболее полно выражающий такое мироощущение, это восточный ковер, «встраивающий» человека в универсум: *«Женщина вынимала из пучков разноцветные нитки – синие, желтые, красные, зеленые – и вплетала их в основу. У нее получались очень красивые узоры – ромбы, квадраты, разные фигуры.*

– Хочешь попробовать? – спросила она.

– Хочу, – ответила я.

Она положила передо мной пучки ниток разных цветов и сказала, чтобы я выбрала свою нитку.

– Только выбирай осторожно, – сказала она. – От того, какую нитку ты выберешь, зависит твоя судьба.

Сначала моя рука потянулась за желтой ниткой. Мне нравится желтый – таким бывает солнце. Потом за красной – я люблю красный, он виден издали. Но взяла я зеленую нитку, потому что такого цвета лето – когда все живое. Женщина покачала головой – ей не понравился мой выбор. Она немного отодвинулась, уступая мне место у станка. И я вплела в основу свою нитку – поверх красного ряда. Женщина вынула из пучка еще зеленые нитки и вплела их над моей ниткой – получился Тамерлан.

– Это Тамерлан? – спросила я.

– Это овца – жертвенное животное, – ответила она. – Каждый ковер рассказывает свою историю. Ее можно прочесть в узорах.

...

– Дай, да, я еще выберу нитку, – попросила я прапрабабушку.

– Нельзя, – сказала она. – Можно выбирать только один раз.

Дай я еще выберу! Пожалуйста! – закричала я».

Прожить жизнь для Хадижи – значит прочитать рисунок на старом ковре, висающем на стене в бабушкиной комнате и «выткать своего барана» = написать дневник, последние строки которого, в контексте смерти ребенка героини, весьма символичны: *«Эта тетрадь принадлежит мне. Здесь все про мою жизнь. Я завещаю никому ее не читать»* [3].

Восприятие повествовательной ткани дневника как варианта ковра-судьбы позволяет опознать генерирующие ее механизмы: «через ковер пространство выстраивается согласно существующим представлениям о

его структуре и характере <...> Оно становится лабиринтообразным, изогнутым, сложным. В нем возможна только одна система ориентации, а именно, только относительно правого-левого. Движение вправо или влево может быть только движением вокруг своей оси или следованием по кругу. Таким образом, и основной способ передвижения в этом пространстве связан со спиралеобразными, круговыми движениями» [6]. Чтение дневника Хадижи есть стягивание смыслового узла, и нет потребности приближения к концу повествования, так как высшая ценность предлагаемой нам нарративной формы заключается в том, чтобы избежать его всеми доступными средствами: детали, черточки, следы, тут и там разбросанные в тексте, обретают способность выстраивать новые смысловые ряды, задерживая наше внимание и создавая отсроченность финала. Так окрашенные в зеленый цвет мхи могильных камней, горы, всевозможные отрезки ткани, покрывающие тела живых или мертвых, свет на лице умирающей матери сплетаются «в зеленую ковровую нитку, которая натянулась от вершины Лысой горы в нашем селе до автобуса (везущего Хадижу-смертницу в Москву – И.Ф.). Чем дальше уезжал автобус, тем больше натягивалась нитка. Еще чуть-чуть – и она порвется» и оборачиваются только одной мыслью: «Аллах, зачем Ты выбрал меня? Я хочу схватить эту мысль, но она убегает от меня зеленой ниткой» [3].

Провоцируя читателя на такую творческую активность, Ахмедова не только растягивает временную длительность текста, но и, что важнее, заставляет мыслить его категориями, которые отсылают непосредственно к Иной для большинства системе ценностей. Так описываемая в произведении культура, не теряя свой отличности, становится чуть ближе, а у читателя вырабатывается как раз та зоркость сердца, которая одна и способна перевести разговор *о Кавказе* в разговор *с Кавказом*.

«Я написала три книги о Кавказе, и так много говорила о нем, что начала стесняться своих интервью. Перестала их выкладывать в Фейсбуке. Везде я говорю одно и то же. Поэтому <...> следующую книгу буду писать о протестных художниках» [13], – так в беседе с Александром Чанцевым подводит своеобразную черту под своими размышлениями Марина Ахмедова. Прodelав долгий путь к *своему Кавказу* от удивления-отторжения до признания идентичности Другого, Ахмедова подготовила читателя к Встрече, формат и исход которой от нее уже не зависит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова М. Женский чеченский дневник [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Book-online.com.ua». Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7294> (дата обращения: 02.09.2014).
2. Ахмедова М. Дом слепых [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Литмир». Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=161887&p=49> (дата обращения: 02.09.2014).

3. Ахмедова М. Дневник смертницы. Хадижа [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ModernLib.Ru. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/marina_ahmedova/dnevnik_smertnici_hadizha/read/ (дата обращения: 02.09.2014).
4. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с франц. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
5. Бузукашвили М. Марина Ахмедова: «Я – глаза и уши своего читателя». Интервью [Электронный ресурс] // Чайка: Seagull magazine. № 17(196) от 01.09.2011. Режим доступа: <http://www.chayka.org/node/4302> (дата обращения: 23.09.2014).
6. Гамзатова П. Р. Восточный ковер в организации сакральных пространств [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hierotopy.ru/contents/ComparativeStudySacredSpaces_12_Gamzatova_EasternCarpet_2008_Rus.pdf (дата обращения: 02.09.2014).
7. Гордин Я. А. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д. С. Лихачева. СПб., 2006. Вып. 2–3. С. 112–131.
8. Дворжак М. История искусства как история духа / пер. А. А. Сидорова, В. С. Сидоровой, А. К. Лепорка. М.: Академический проект, 2001. 383 с.
9. Подорога В. Непредъявленная фотография. Заметки по поводу «Светлой комнаты» Р. Барта // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. М., 2001. С. 195–295.
10. Попов И. Тайнопись Питера Брейгеля [Электронный ресурс] / Мирт: Евангельская газета. Режим доступа: <http://gazeta.mirt.ru/?2-14-1223--1> (дата обращения: 02.09.2014).
11. Пустовая В. Марина Ахмедова. Я контактировала с трупами [Электронный ресурс] // Медведь: мужской журнал для чтения. 2012. 3 мая. Режим доступа: http://www.medved-magazine.ru/articles/Valeriya_Pustovaya_Sentimentalnaya_voyna.1208.html (дата обращения: 02.09.2014).
12. Чанцев А. Марина Ахмедова. Дом слепых: рецензия [Электронный ресурс] // Литература. 2011. 14 июня. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/23071/> (дата обращения: 02.09.2014).
13. Чанцев А. Марина Ахмедова: «Правда часто звучит циничнее лжи»: интервью с журналистом и писателем [Электронный ресурс] // Частный корреспондент: газета. 2012. 28 июля. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/marina_ahmedova_pravda_chasto_zvuchit_tsinichne_j_lzhi_28640 (дата обращения: 02.09.2014).
14. Brueghel P. D. Altere u. sein Kunstschaffen [Электронный ресурс] // Jahrbuch der Kunsthist. Sammlungen des allerh. Kaiserhauses. Bd. XXV. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E8%F2%F7%E0_%EE_%F1%EB%E5%EF%FB%F5_%28%EA%E0%F0%F2%E8%ED%E0%29 (дата обращения: 02.09.2014).

I.V. Faziulina

THE METAPHOR OF SIGHT IN "CHECHEN TRILOGY" BY MARINA AKHMEDOVA

The report examines the ways of formation of the Caucasian myth in Russian literature in XIX-XX centuries. It highlights the works of the major writers of the XIX century, including Pushkin, Lermontov, Tolstoy and the modern Women's literature about the Caucasus (Akhmedova, Yuzik). The study shows the tension between the two lines of formation of the Caucasian myth: representation of the European mission of Russia in laying the foundations of civilization in the Caucasus region and romantic perception of the peoples inhabiting the Caucasus, as bearers of a rich and ancient culture, destruction which is not a cause for celebration.

Keywords: Russian culture, modern literature, the Caucasian war, comparative analysis.

Фазиулина Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: faziulina@yandex.ru

Faziulina I.V., Candidate of Philology, Associate Professor
Udmurt State University
E-mail: faziulina@yandex.ru

Научное издание

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ**

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИЛОЛОГИИ
Сборник научных статей
Специальный выпуск

Авторская редакция

Подготовка оригинал-макета: С. Р. Зайнуллина

Подписано в печать 25.10.2016. Формат 60X84 1/16.
Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 12,6

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207

ISBN 978-5-4312-0449-4

9785431204494